

Бертрис
СМОЛА

Новая любовь Розамунды

Наследницы Фрайарсгейта

Бертрис Смолл

Новая любовь Розамунды

«АСТ»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

Смолл Б.

Новая любовь Розамунды / Б. Смолл — «АСТ»,
2003 — (Наследницы Фрайарсгейта)

ISBN 978-5-271-44977-2

Настоящая леди распоряжается своей жизнью сама! Так полагает прекрасная Розамунда, вступившая в права наследования, разогнавшая всех поклонников – и решившая отправиться в Шотландию ко двору Маргариты Тюдор, подруги своей юности... И оказалось, что там ее подстерегает новая любовь! Любовь мужественного Патрика Лесли, первого графа Гленкирка, увидевшего в Розамунде не наследницу огромного состояния, но – женщину в расцвете красоты...

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

ISBN 978-5-271-44977-2

© Смолл Б., 2003

© АСТ, 2003

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	53
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Бертрис Смолл

Новая любовь Розамунды

Bertrice Small

UNTIL YOU

Печатается с разрешения издательства NAL Signet, a member of Penguin Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Bertrice Small, 2003

© Перевод. Е.В. Погосян, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2012

Пролог

Декабрь 1511 года

– Ты просто не в своем уме, – сказал сэр Томас Болтон своей кузине Розамунде в тот момент, когда они пересекали границу между Англией и Шотландией. Стоял холодный, но ясный день.

– Это почему же? – запальчиво спросила она. – Только потому, что впервые в жизни совершила немислимую дерзость и приняла самостоятельное решение? Я устала слушать разговоры о том, за кого мне следует выйти замуж, и подчиняться чужим интересам, забывая о своих! Мне повезло с Хью и Оуэном, но что будет в следующий раз? Я не желаю больше рисковать. Я хочу сама принимать решения и именно так и поступлю, дорогой мой Том! К тому же меня совершенно не привлекает идея о новом замужестве. Впервые меня обручили еще в трехлетнем возрасте, и с тех пор я так или иначе, но все время была чьей-то женой. Однако я еще молода и хочу явиться ко двору короля Якова без обузы в виде очередного супруга. Кто знает – вдруг я обзаведусь любовником?

– Ты явно что-то задумала, девочка моя. Если это так, то тебе непременно следует поделиться со мной своими планами! – с лукавой улыбкой произнес сэр Томас.

– Ох, Том! – рассмеялась Розамунда. – Только не вздумай меня покинуть! Что я буду без тебя делать? Ведь ты мой единственный надежный друг на всем белом свете!

– Даже и не пытайся меня разжалобить, негодница! – Сэр Томас не удержался от улыбки, потому что любил свою молоденькую кузину ничуть не меньше, чем она его. К тому же Розамунда была похожа на родную сестру сэра Томаса. Он чувствовал себя таким одиноким после того, как сестра умерла во время родов. Младенец тоже не выжил. Благодаря стараниям королевы Том обрел Розамунду, наследницу по их главной родовой линии. Ей никогда не заменить ему сестру, но зато она сумела отогреть его душу и занять свое место в его сердце.

– Ты полагаешь, Логан Хепберн будет сильно разочарован, когда не застанет меня во Фрайарсгейте? – вдруг неожиданно спросила Розамунда.

– А ты все еще сомневаешься в его искренности? – вопросом на вопрос ответил ее спутник.

– Возможно, я ошибаюсь, – со вздохом проговорила Розамунда, – но ты угадал: я все еще сомневаюсь, по крайней мере отчасти. До сих пор никто не думал обо мне исключительно ради меня. И если он действительно хочет меня, тогда ему придется принять во внимание мои чувства и набраться терпения. К тому же, как только Эдмунд расскажет ему, куда мы отправились, он наверняка понесется во весь опор в Эдинбург или еще куда-то, если двор к тому времени переедет. Это будет самый разгар рождественских гуляний, и я наверняка успею обзавестись целой толпой поклонников. Так что Логану Хепберну придется постараться. Меня несколько не волнует его болтовня о том, что он любит меня с самого детства и что теперь его черед быть моим мужем. Он никогда не любил меня по-настоящему, а просто хочет меня – вот и все, – заключила Розамунда, а сэр Томас Болтон, усмехнувшись, добавил:

– По всему видно, в ближайшие месяцы с тобой не соскучишься, моя дорогая.

– Милый Том, до сих пор я с величайшей предусмотрительностью обдумывала каждый свой шаг, – продолжала Розамунда. – Я делала только то, что от меня ждали, что советовали старшие, что я считала правильным и справедливым и что, как я знала, являлось моим долгом. Однако теперь я намереваюсь делать только то, что захочу, а хочу я чего-то необыкновенного, такого, чего от меня никто не ждет!

– Вот это да! – Том окинул свою юную родственницу таким взглядом, словно увидел в ней то, чего раньше не замечал. – Да ты и правда в опасном настроении, милая козочка! Этак

недолго отказаться от самых главных устоев, которые служили тебе опорой всю жизнь! Только умоляю тебя: будь осторожной!

– Осторожность, мой дорогой Том, устраивала прежнюю Розамунду. А новая Розамунда хочет от жизни другого. А когда я это получу, то вернусь во Фрайарсгейт, к моим дочерям, и – кто знает? – может, даже и к Логану Хепберну, если он к тому времени все еще будет меня хотеть!

Том грустно покачал головой, но уже через мгновение улыбнулся и произнес:

– Дорогая кузина, я готов быть твоим верным спутником, если ты этого пожелаешь, даже если ты втянешь нас в серьезные неприятности. Насколько я знаю, эти шотландские лорды совсем не похожи на нас, англичан. Как я слышал, они более дикие и безрассудные.

– Точно так же мне описала их Мег, и это еще больше подогрело мой интерес! – ответила Розамунда и при этом загадочно улыбнулась.

– Ах вот как?! – воскликнул Том. – Ну, дорогая моя, тогда мы повеселимся на славу, не так ли? – Он взглянул на кружившие в воздухе и падавшие на дорогу первые снежинки и добавил, зябко поеживаясь и поплотнее кутаясь в теплую накидку: – Если не замерзнем насмерть по пути в Эдинбург.

– Отсюда рукой подать до дома лорда Грея! – попыталась успокоить его Розамунда. – Вон, посмотри! – указала она рукой. – На следующем холме! Это и есть наш приют на ночь!

– Ну тогда, ради всего святого, поехали быстрее! – ответил Том и, обращаясь к командиру конвоя, попросил: – Уважаемый сэръ, мы не могли бы прибавить шагу, пока я не превратился в ледяную глыбу?

– Ага, – процедил сквозь зубы командир, всем видом демонстрируя английскому неженке свое неодобрение. Однако через минуту он отдавал своим людям приказ пришпорить лошадей и очень удивился, увидев, что его подопечные скачут наравне с солдатами охраны.

– Выше нос, милая девочка! – подбодрил сэръ Томас свою кузину. – Мы уже в Шотландии, и нас ждут приключения!

Глава 1

– Кто она? – спросил Патрик Лесли, граф Гленкирк, у своего приятеля лорда Грея.

– Кто – «она»?

– Та женщина, что сидит справа у подножия трона королевы, – пояснил граф.

– Леди в зеленом платье с золотисто-каштановой копной волос? – уточнил лорд Грей. – Она подруга детства нашей королевы. Леди Фрайарсгейт приехала из Англии по приглашению ее величества. Хорошенькая, правда? По дороге сюда она переночевала в моем доме, но меня, конечно, там не было.

– Я хочу с ней познакомиться, – вдруг заявил граф.

– Что? – Лорд Грей сделал удивленное лицо. – Ты целых двадцать лет не интересовался приличными дамами, Патрик! Да и вдобавок ко всему, – поддразнил он приятеля, – ты годишься этой леди в отцы!

– К счастью, я не ее отец! – ответил граф, улыбнувшись какой-то странной улыбкой. – Так ты можешь представить нас друг другу, Эндрю?

– Я и сам ей еще не представлен! – ответил лорд Грей.

Был канун Рождества. Двое мужчин стояли среди шумной толпы придворных короля Якова IV, собравшихся в тронном зале замка Стерлинг, построенного еще при отце нынешнего правителя Якове III. Высокий потолок в зале поддерживали толстые деревянные балки, окна сверкали цветной геральдической мозаикой из драгоценного стекла, а в пяти огромных каминах жарко горело пламя. Возле одного из них высился королевский трон под украшенным искусной вышивкой балдахинном. Стены тронного зала были выкрашены в ярко-желтый цвет, символизирующий королевское золото.

Двор короля Якова IV Шотландского славился своим космополитизмом. В пестрой толпе гостей была слышна разноязыкая речь. Сам король, человек образованный и с оригинальным вкусом, мог свободно обсуждать любую тему, касалась ли она современной науки и теории, архитектуры, поэзии или же истории. Он шел в ногу со временем, обладал удивительным обаянием и был популярен не только среди тех, кто составлял его ближайшее окружение, но и среди простых людей. Его подданные любили своего короля.

Граф Гленкирк снова принялся разглядывать юную леди Фрайарсгейт. Наблюдая за ней, он подумал про себя: Эндрю Грей прав. За последние несколько лет он впервые обратил внимание на особу, подобную этой юной леди. Граф овдовел двадцать восемь лет назад, и когда потерял свою жену Агнес, то дал клятву никогда больше не убивать женщину, заставляя ее рожать ему детей. О! Он сменил множество женщин, но почти все они были низкого происхождения и служили лишь для удовлетворения его физиологических потребностей. За женщинами из знатных семей полагалось ухаживать по правилам, а впоследствии жениться. Любвица, с которой граф сошелся еще в юности, Мег Маккей, родила ему дочь Жанет, а его жена, Агнес Каммингс, подарила ему единственного сына. Граф Гленкирк тяжело вздохнул при воспоминаниях об этих двух женщинах. Никогда после их безвременной кончины он не позволял себе смотреть на женщину так, как смотрел в эти минуты на леди Фрайарсгейт. Одного взгляда на нее оказалось достаточно, чтобы в его сердце вдруг воскресли давно забытые чувства. А он-то считал себя уже и не способным испытывать нечто подобное. Неужели он обманывался все эти годы на свой счет?

– Ты действительно хочешь с ней познакомиться? – вывел графа из состояния задумчивости вкрадчивый голос Эндрю Грея. – Я знаком с одной из фрейлин королевы, Элсбет Хьюм, и мог бы попросить ее.

– Так попроси, – оживился граф. – И если можно, прямо сейчас.

– Провалиться мне на месте, Патрик! – воскликнул лорд Грей. – Я уже и не припомню, когда ты в последний раз так страстно желал женщину! Хорошо! Идем искать Элсбет.

Лорду Грею и графу Гленкирку пришлось обойти почти весь зал, прежде чем они нашли нужную им особу. Ею оказалась довольно миловидная девушка с темными волосами и живыми глазами цвета безоблачного неба.

Лорд Грей приблизился к ней вплотную и, обняв ее за талию, проворковал:

– Элсбет, несравненная и очаровательная, я должен попросить тебя об одной услуге, моя крошка!

Элсбет Хьюм устремила свой взор на лорда Грея, и в ее голубых глазах сверкнули огоньки лукавства.

– Чего именно вы хотите от меня, милорд, и что я получу в обмен на свою услугу? – таким же воркующим тоном спросила она и, сложив свои вишнево-красные губки трубочкой, подставила их для поцелуя.

Лорд Грей послушно чмокнул их и ответил:

– Мой друг граф Гленкирк желает быть представленным по всей форме английской подруге нашей королевы, леди Фрайарсгейт. Ты могла бы это устроить?

Элсбет Хьюм обернулась и с улыбкой посмотрела на Патрика Лесли.

– Я могу это устроить, милорд. Розамунда Болтон – очаровательная дама. В ней нет ни капли той спеси, которая брызжет через край из прочих англичан, состоящих при дворе. И судя по нетерпению в ваших глазах, полагаю, что вы так или иначе все равно с ней познакомитесь. Верно? – спросила Элсбет, одарив графа кокетливой улыбкой.

– Вы не ошиблись, госпожа Хьюм, – улыбнулся в ответ Патрик.

– Идемте же, я вас представлю. Надеюсь, ваши намерения в отношении леди Фрайарсгейт не менее достойны, чем у прочих кавалеров в этом зале. Однако эта леди отнюдь не глупа и умеет постоять за себя, так что будьте осторожны, милорд. Уже не одному джентльмену, сделавшему попытку перейти границы дозволенного, довелось испытать на себе ее гнев, – проговорила Элсбет и двинулась в сопровождении лорда Грея и графа Гленкирка в другой конец зала. Оказавшись перед тронем, на котором восседала королева, Элсбет Хьюм почтительно поклонилась и произнесла:

– Ваше величество, графу Гленкирку угодно выразить свое почтение леди Фрайарсгейт. Могу я просить вас о позволении представить их друг другу?

Маргарита Тюдор, королева Шотландии, милостиво улыбнулась Патрику Лесли и Эндрю Грею и сказала:

– Я даю вам свое позволение. – Затем, задержав недоуменный взгляд на графе, добавила: – Мы не знакомы с вами, милорд. До сих пор вы не были при дворе, не так ли?

Патрик с необычайной элегантностью и учтивостью поклонился королеве, демонстрируя присутствующим, что горцы тоже знают толк в этикете, и ответил:

– Нет, не был, ваше величество.

– Что же привело вас снова ко двору? – спросила королева.

– Личное приглашение его величества, мадам, хотя пока он не считал возможным поделиться со мной своими планами, – ответил граф и снова учтиво поклонился. Про себя же он подумал, что это наверняка нечто важное – иначе с какой стати Якову Стюарту посылать гонца за графом Гленкирком? Король слишком хорошо знает, как он относится к его двору и ко всем прочим королевским дворам.

– Как интересно! – заметила королева. – Я непременно расспрошу короля о той загадке, которую вы загадали мне, милорд! – кокетливо добавила она и улыбнулась графу. – Даю вам свое позволение быть представленным моей близкой подруге леди Фрайарсгейт. Бет, познакомь их. – Королева милостиво кивнула и переключила свое внимание на других гостей.

– Леди Розамунда Болтон, Патрик Лесли, граф Гленкирк, и мой приятель лорд Эндрю Грей, – проговорила Элсбет, представляя даму мужчинам.

Розамунда подала руку для поцелуя и посмотрела на представленных ей джентльменов.

– Леди Розамунда! – Лорд Грей припал поцелуем к маленькой женской ручке.

Розамунда мило улыбнулась и перевела взгляд на графа. Едва встретившись с ним глазами, она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Ей казалось, что она знает этого человека целую вечность, хотя никогда прежде не видела его. Почувствовав легкую внутреннюю дрожь, Розамунда усилием воли попыталась совладать с внезапно охватившим ее волнением. Однако в ту секунду, когда губы графа коснулись ее руки, она вдруг ощутила нечто подобное удару молнии.

– Мадам, – низким и глубоким голосом проговорил граф, задержав руку Розамунды в своей большой руке.

– Милорд, – еле слышно произнесла Розамунда. В этот момент ей показалось, что они с графом вдруг стали единым целым.

Лорд Грей и Элсбет Хьюм понимающе переглянулись и неспешно удалились, оставив графа и Розамунду вдвоем.

– Давайте прогуляемся, мадам, – предложил Патрик и уверенным жестом положил маленькую ручку Розамунды на сгиб своей руки, – и расскажем друг другу о себе.

– Но мне нечего рассказывать, – ответила Розамунда, понемногу приходя в себя от пережитого волнения.

– Вы англичанка, но не с юга, поскольку я слишком хорошо понимаю вашу речь, – высказал предположение граф.

– Я родом из Камбрии, милорд, – ответила Розамунда и смущенно улыбнулась.

– И как же девушке из Камбрии удалось подружиться с Маргаритой Тюдор? Подружиться настолько, чтобы получить приглашение ко двору короля? – спросил Патрик, стараясь на ходу приноровиться к мелким шагам леди Фрайарсгейт. Будучи намного выше ее, он при разговоре вынужден был наклониться ниже, почти к самому ее лицу, чтобы расслышать сказанное.

– Когда умер мой второй муж, он отдал меня на попечение короля Генриха. Не того, что сейчас сидит на английском троне, а его отца, – пояснила Розамунда. – Мне тогда было тринадцать лет.

– И в тринадцать лет вы уже пережили двух мужей, мадам? О, вас надо опасаться? – добродушно пошутил граф.

– Сейчас мне двадцать три года, милорд, и я похоронила трех мужей! – в тон ему ответила Розамунда.

Граф громко рассмеялся.

– И у вас есть дети, – утверждающе добавил он.

– Три дочери, – согласно кивнула Розамунда. – Филиппа, Бэнон и Элизабет. Все они от третьего мужа, сэра Оуэна Мередита. Первый раз меня обручили в три года с моим кузеном. Он скончался от лихорадки, когда мне было пять лет. В шесть лет меня выдали замуж за сэра Хью Кэбота, пожилого рыцаря, на котором остановил свой выбор мой дядя, желавший вернуть себе власть над Фрайарсгейтом. Однако Хью научил меня независимости и удачно обошел притязания моего дяди Генри, оставив меня под покровительством короля после своей кончины. Мой дядя чуть не лопнул от злости, потому что собирался выдать меня за своего второго сына, которому к тому времени едва исполнилось пять лет. Сама королева-мать, достопочтенная Маргарет, и ваша королева, Маргарита Тюдор, выбрали для меня третьего мужа. Оуэн был замечательным человеком, и из нас получилась хорошая пара.

– Как он умер? – спросил граф.

– Оуэн любил Фрайарсгейт так, будто сам родился и вырос в этом поместье. Он даже приобрел забавную привычку лично проверять каждое дерево в наших садах, чтобы во время

сбора урожая не пропал ни один плод. До него никому и в голову такое не приходило. Нам не жаль было поделиться с птицами или оленями опавшими фруктами. Но он так не думал и считал это непростительной расточительностью. Я как раз была на сносях, когда он свалился с верхушки яблони и сломал себе шею. Гнилая ветка не выдержала его, – вздохнула Розамунда и, помолчав немного, с грустью добавила: – А после этого наш сын родился мертвым.

Граф как-то по-особенному взглянул на молодую женщину и сказал:

– Я потерял жену во время родов, но мой сын выжил. Сейчас он уже взрослый женатый человек.

– Это ваш единственный ребенок? – участливо спросила Розамунда.

– У меня еще была дочь, – сухо ответил граф, давая понять, что разговор на эту тему продолжать не стоит. Они не заметили, как оказались у выхода из тронного зала. – А почему бы нам не выйти полюбоваться на звезды? – предложил Патрик. – Сегодня совершенно ясная ночь, и зимой над Стерлингом звезды светят особенно ярко.

– Но мы замерзнем! – произнесла Розамунда, хотя и сама была не прочь выйти из зала.

Граф щелкнул пальцами, подзывая лакея.

– Да, милорд? – почтительно поклонился тот.

– Поддай две теплые накидки – для меня и для леди, – приказал Патрик.

– Сию минуту, милорд, если вы изволите подождать здесь, – ответил лакей и поспешил прочь. Вскоре он вернулся, держа в руках ворох теплой одежды.

Граф накинул Розамунде на плечи длинную коричневую шерстяную накидку, отороченную куньим мехом, затем обошел спереди, аккуратно застегнул все бронзовые пуговицы в виде лягушек и накинул на голову капюшон.

– Вот так, – заключил он, затем взял у лакея вторую накидку, сунув ему при этом несколько мелких монет, и вместе с Розамундой вышел в сад.

Стояла тихая морозная ночь. Высоко-высоко в темном небе ярко сверкали звезды подобно алмазам на черном бархате. Патрик и Розамунда шли молча довольно долго. Огни замка вдали превратились постепенно в тусклые желтые пятна. Патрик вдруг остановился и, повернув Розамунду лицом к себе, скинул с ее головы капюшон. Огромные янтарного цвета глаза смотрели на него в напряженном ожидании. Патрик взял лицо Розамунды в свои большие ладони.

Сердце ее стучало в груди тяжелым молотом. Она не могла отвести от графа взгляда. Когда он медленно склонился и слегка коснулся поцелуем ее губ, как будто пробуя их на вкус, Розамунда вдруг обвила его руками за шею и притянула к себе. В ее поцелуе чувствовалась неукротимая сила страсти. Розамунда содрогнулась всем телом, словно прожитая ударом молнии.

– Я уже немолод, мадам, – тихо проговорил Патрик, когда их губы разомкнулись.

– Знаю, – так же шепотом отвечала Розамунда.

– Я прожил половину века, – продолжал граф, – и вполне мог бы быть вашим отцом.

– Но вы не мой отец, милорд, – возразила Розамунда. – Вы старше Оуэна Мередита, но моложе Хью Кэбота. Нас влечет друг к другу, хотя я не понимаю, почему и как. Я знаю, что вы чувствуете то же самое, потому что видела это в ваших глазах. – Розамунда протянула руку и нежно погладила графа по щеке. – Итак, это случилось с нами, милорд. Что же нам теперь делать?

– Поверите ли вы, мадам, если я скажу, что до сего момента ни одна женщина не будила во мне такие чувства?

– Меня зовут Розамунда, – проговорила леди Фрайарсгейт. – И я, как и вы, милорд, никогда в жизни не испытывала ничего подобного.

– Меня зовут Патрик, – в тон ей промолвил граф.

– Мы заколдованы, Патрик? – спросила Розамунда, неотрывно глядя ему в глаза.

– Но кем или чем?

– Не знаю, – покачала головой Розамунда. – Я здесь недавно и почти ни с кем не знакома.

– Я тоже, – проговорил граф. – Я не был при дворе с тех пор, как много лет назад вернулся в Шотландию из Сан-Лоренцо.

– Сан-Лоренцо? – переспросила леди Фрайарсгейт. – Где это?

– Это небольшое герцогство на берегу Средиземного моря, – объяснил граф. – Я был назначен туда первым посланцем нашего короля. Моей задачей было найти порт для шотландских торговых кораблей, куда бы они могли беспрепятственно заходить, чтобы пополнять запасы воды и провианта.

– Значит, вам довелось путешествовать, Патрик. Меня никогда не манили путешествия, потому что я люблю свой дом. Но еще меньше мне нравилось быть при дворе. Однако недавно, к своему удивлению, я вдруг почувствовала, что созрела для приключений.

Розамунда улыбнулась лукавой улыбкой, и от этой ее улыбки Патрик почувствовал, как тепло стало у него в груди.

– Я хочу заняться с тобой любовью, – прошептал он, заключая Розамунду в объятия. Его поцелуй был неторопливым и нежным – поцелуй-просьба, поцелуй-мольба. – Я до сих пор не верю, что веду себя так откровенно с женщиной, с которой едва знаком, и все же не могу отделаться от ощущения, что мы знаем друг друга целую вечность. И ты тоже чувствуешь это, Розамунда. Я видел, как вспыхнули твои глаза при нашей встрече, ты словно узнала меня. Я сам не понимаю, откуда это ощущение, но это так.

– Да, это так, – согласилась Розамунда. – И теперь я не знаю, что делать. А ты? Можем ли мы пойти на поводу у наших чувств? Или лучше сейчас признать, что это какое-то безумие, и разойтись, пока не поздно? Ты должен принять решение за нас обоих, Патрик, потому что я слишком боюсь сделать это сама, хотя никогда не была трусихой.

– Значит, несмотря на то что подсказывает нам здравый смысл, мы пойдем на поводу у наших чувств и посмотрим, куда нас это приведет, – ответил граф и снова поцеловал Розамунду. – Ты готова отправиться в путь?

– Девиз моей семьи: «Tracez Votre Chemin» – «Следуй своим путем». И если мы решим прислушаться к своим чувствам, милорд, – то так тому и быть, – промолвила Розамунда, неотрывно глядя в красивое лицо графа. Ей он вовсе не казался стариком. Достаточно было посмотреть в его глаза – и кровь в ее жилах начинала играть от предвкушения чего-то необыкновенного и чудесного.

– Так-так, милая кузина, вот ты куда забралась! – раздался вдруг совсем рядом голос сэра Томаса. – И кто, драгоценная Розамунда, этот джентльмен, что так неосмотрительно вытащил тебя на прогулку в такую холодную ночь? Черт побери! Я продрог до костей, пока искал тебя, моя девочка!

Розамунда тихо рассмеялась и, обращаясь к графу, произнесла:

– Милорд Гленкирк, это мой кузен Томас Болтон, лорд Кембридж. Он доставил меня ко двору из Фрайарсгейта и уверяет, что чувствует себя здесь великолепно. По его собственному признанию, он был приятно удивлен, когда обнаружил, что шотландцы вполне цивилизованные люди!

Патрик, почувствовавший при появлении Томаса Болтона жгучую ревность, успокоился, узнав, кто он такой, и с улыбкой протянул ему свою большую руку. Мужчины обменялись рукопожатиями.

– Я позаботился, чтобы леди тепло оделась, прежде чем вывел ее из замка, милорд. – Граф заботливо надел на голову Розамунде капюшон. – Сегодня такое небо, что ради подобной красоты стоит немного померзнуть. Но мы уже возвращаемся в зал. Так вы находите нас цивилизованными? – ухмыльнулся Патрик.

– Да, – ответил сэр Томас. – Ваш двор менее чопорный, чем двор нашего доброго короля Генриха. Возможно, это испанское происхождение королевы заставляет английский двор так цепляться за формальности. А ваш монарх более приветлив, да и порядки здесь простые и приятные. Я действительно чувствую себя великолепно и даже подумываю о том, не купить ли пару домов в Эдинбурге и здесь, в Стерлинге!

– И ваш король не станет возражать? – поддразнил его граф.

– Нет. Я не настолько важная персона в глазах Генриха Тюдора. Я всего лишь богатый человек, заработавший свое состояние торговлей и получивший титул несправедливым путем у одного давно почившего монарха, – с добродушной усмешкой ответил сэр Томас. – Вряд ли бы обо мне вообще кто-то вспомнил, если бы не мое родство с Розамундой.

– Том! – возмущенным голосом воскликнула леди Фрайарсгейт. – Я вовсе не являюсь важной персоной при английском дворе! Просто когда-то в час нужды я оказалась полезной нашей королеве.

– Бедная Екатерина Испанская! – вздохнул сэр Томас и повернулся лицом к графу Гленкирку. – Бедное создание, тогда она как раз потеряла одного мужа из дома Тюдоров и собиралась выйти за второго, но ее отец не пожелал полностью выплатить оговоренное приданое. Нашего старого короля вряд ли можно было бы назвать щедрым, и он не собирался содержать Екатерину за свой счет. Ее свита за исключением немногих, самых преданных слуг, оказавшихся самыми дальновидными, отплыла на родину первым же кораблем. Однако в то время им пришлось дорого заплатить за свою преданность. Они все ходили в лохмотьях и помирали с голоду, пока старый король то соглашался, то не соглашался на ее брак со своим вторым сыном. И Розамунде стало об этом известно. Екатерина Испанская, так же как и принцесса Маргарита, была ее подругой, когда Розамунда жила при дворе. И моя щедрая кузина передала немало кошельков с деньгами той, что сидит сейчас на английском троне. Для Розамунды это были немалые деньги, хотя их едва хватало на то, чтобы нищая принцесса могла содержать себя и своих фрейлин всего несколько недель. Однако с ее стороны это был весьма учтивый поступок, и в конце концов она была вознаграждена, когда Екатерина Испанская наконец стала королевой Англии. Моя кузина в большом фаворе у нашей королевы, милорд.

– Королева считает, будто она у меня в долгу, хотя это вовсе не так, и к тому же со мной давно расплатились сторицей, – скромно заметила Розамунда. – Ты сегодня что-то слишком разговорчив, кузен!

– Я слишком разволновался, когда не нашел тебя в зале, милая моя девочка! – сконфузившись, ответил сэр Томас.

– И что же заставило вас выйти в эту холодную ночь? – как бы между прочим спросил граф Гленкирк.

– Я услышал, как одна из фрейлин говорила другой, что представила леди Фрайарсгейт графу Гленкирку и что они вместе вышли из зала в сад, – ответил Томас. – Вы должны простить мое любопытство. И к тому же там, в тронном зале, найдется немало людей, заинтригованных не меньше меня. Насколько я понимаю, милорд, вы не показывались при дворе уже много лет.

– Я не выношу двор с его вечными сплетнями и интригами, – слегка раздраженно произнес Патрик. – Но я верный слуга короля, и когда он призывает меня, я являюсь.

– Ни слова больше, Том! – сердито воскликнула Розамунда. – И, предупреждая твой следующий вопрос, я скажу, что граф понятия не имеет о том, зачем его вызвали!

– Розамунда, милая девочка, ты поразила меня в самое сердце, приравняв к самому обыкновенному сплетнику! – вскричал лорд Кембридж, театральным жестом хватаясь за грудь.

– Ну, обыкновенным сплетником тебя никак не назовешь! – заметила с лукавой улыбкой Розамунда.

– Милорд! – Патрик рассмеялся. – Как только станет известно, зачем меня вызвали ко двору, уверяю вас, новость распространится быстрее ветра! Признаюсь, мне и самому это

любопытно, поскольку королю известно, что я не любитель придворной жизни и вполне доволен своим существованием в Гленкирке. Но он также знает, что мой сын остался дома, чтобы присмотреть за хозяйством во время моего отсутствия.

– Так, значит, вы женаты, милорд? – насторожился сэр Томас.

– Я вдовец, милорд, – ответил Патрик, – иначе не позволил бы себе даже приблизиться к вашей кухне. Я рад, что в вашем лице она имеет такого надежного защитника.

– Розамунда дорога моему сердцу, милорд, – проговорил сэр Томас с нежностью. – Она и ее дочери – это вся моя родня. И вы должны понимать, что я никому не дам ее в обиду.

– Конечно, – тихо промолвил граф Гленкирк.

– Дражайший Том, я не могу объяснить тебе, что с нами случилось, – начала Розамунда, – потому что ничего не понимаю сама, но ты должен верить мне на слово: все, что происходит между мною и Патриком, хорошо и правильно! – Обращаясь к графу, Розамунда добавила: – Я права, милорд?

– Да, – поспешно согласился Патрик, мысленно дивясь тому, что верит ее словам. Она не знает, что происходит между ними? Так и он тоже не имеет ни малейшего понятия! Он явился сегодня вечером в тронный зал замка Стерлинг и увидел эту молодую женщину впервые в жизни. Однако где-то в глубинах сознания жило воспоминание о том, что он уже видел ее когда-то. Стоило Патрику заговорить с Розамундой, как у него возникло ощущение того, что он знает эту леди давным-давно. И он чувствовал, что она испытывает то же.

Даже сэр Томас почувствовал волшебство, которое окружало эту пару, и был немало удивлен. Он не понимал, что это за волшебство, но одно было ясно – в нем нет ничего темного и злого. Просто эти двое были настолько поглощены общением друг с другом, что совершенно не замечали никого вокруг. Так, во всяком случае, казалось.

– Ну что ж, тогда позвольте мне откланяться, – торопливо проговорил лорд Кембридж и отправился обратно в замок. Ему хотелось остаться одному и как следует обдумать происходящее. В присутствии кухни и графа Гленкирка он этого сделать не мог. Слишком отвлекало лицемерие этой пары, а кроме того, рождало в душе сильную тревогу!

– Ты остановился в замке? – спросила Розамунда у Патрика, провожая взглядом удалявшегося сэра Томаса.

– Поскольку я лично приглашен его величеством, мне отведена отдельная комната, – ответил граф. – А ты?

– Поскольку я лично приглашена ее величеством, мне и моей служанке Энни отведена отдельная комната, – в тон ему проговорила Розамунда.

– Значит, нам лучше воспользоваться моей комнатой, поскольку у меня нет слуги, которого пришлось бы выставить на ночь, – заключил граф. – Если твоя Энни отправится ночевать в комнаты для прислуги, поползут сплетни. Я пока не готов открыть остальным то, что происходит между нами. А ты?

– И я, – согласилась Розамунда. – Как это ни волшебное, Патрик, я хочу сохранить тайну. Впервые в жизни я поступаю эгоистично, но меня несколько это не смущает! – Она вложила свою руку в широкую ладонь графа и послушно шла за ним по длинным коридорам и лестницам замка.

Он отворил дубовую дверь и ввел ее в весьма скромно обставленную комнату. Здесь стояли только кровать и стул. Камина не было, а потому в комнате было очень холодно. Единственное окно без занавесок закрывали деревянные ставни. Патрик бросил свою накидку на стул, а затем не спеша расстегнул бронзовые пуговицы в виде лягушек на накидке Розамунды и, сняв ее, положил поверх своей.

– Наверное, тебе здесь не очень-то удобно, – проговорил граф, взяв в ладони лицо Розамунды, и ласково улыбнулся.

– Поцелуй меня, – тихо попросила леди Фрайарсгейт.

Патрик подчинился и прильнул нежным поцелуем к ее холодным губам.

Розамунда обвила руками его шею и теснее прижалась к нему своей пышной грудью. Они целовались долго и страстно. Наконец Розамунда слегка отстранилась от графа и шутливым тоном произнесла:

– Надеюсь, из вас получится хорошая камеристка, милорд!

– Прошло немало лет с тех пор, как я в последний раз имел дело с такими изящными туалетами, но постараюсь все вспомнить! – со смехом заверил Патрик. И, повернув Розамунду спиной к себе, стал распускать шнуровку на лифе платья. Он покрывал поцелуями плечи и спину Розамунды. От нее веяло свежестью и слабым ароматом белого вереска. Вскоре платье тяжелой кучей упало на пол к ногам леди Фрайарстейт. Граф легко приподнял Розамунду и поставил рядом с мягкой кучей бархата. – Ну а это что на тебе такое? – удивленно спросил он, недоуменно глядя на то, что было надето на Розамунде.

– Это называется кринолин, – смущенно хихикнула она, – и он нужен для того, чтобы юбка всегда лежала пышными складками.

– Как бы мне его не испортить, – замялся граф. – Ты не могла бы избавиться от этой чертовой штуки без моей помощи?

Розамунда расстегнула кринолин и перешагнула через него. Вскоре на стул, к остальной одежде, полетела и фланелевая нижняя юбка.

– Присядь на край кровати, а я сниму с тебя чулки, – шепотом проговорил граф.

Розамунда села. Патрик осторожно снял с нее кожаные башмаки с квадратными носами и медленно стянул с ног чулки. Она пошевелила пальцами.

– Прячься под одеяло, – сказал граф и стал раздеваться.

Розамунда наблюдала за ним в бледном свете единственной свечи. Несмотря на свои уже не молодые годы, Патрик оставался красивым и видным мужчиной – поджарым и мускулистым. Он явно не был лентяем и лежебокой. У него была широкая спина и очень светлая кожа. Скинув с себя одежду, граф повернулся к Розамунде, и она успела мельком глянуть на его мужское копье. Оно показалось ей довольно большим, и Розамунда слегка вздрогнула от возбуждения, но тут же покраснела, смущенная собственной дерзостью. Что она делает здесь, в постели незнакомца?

Граф обнял ее и осторожно распустил узел на вороте нательной сорочки. Легкая ткань раздвинулась, обнажая пышную грудь. Патрик медленно наклонился и прижался щекой к ее нежной шелковистой коже. Розамунда обеими руками обхватила его голову и прижала ее еще теснее к своей груди.

– Я еще никогда... – начала было она.

– Знаю, – прервал ее Патрик и, подняв голову, заглянул ей в лицо. – Я мало разбираюсь в том, что случилось между нами сегодня, Розамунда. Но знаю одно: мы предназначены друг для друга. Для меня все, что происходит между нами, так же неожиданно, как и для тебя. Но еще есть время. Ты можешь все остановить.

– Не могу, – призналась Розамунда. – Я чувствую то же, что и ты, хотя это меня смущает. – Она сняла с себя сорочку и бросила ее на пол. – Я практичная женщина, Патрик, и не могу позволить тебе ее порвать.

Граф снова привлек ее к себе и продолжил ласкать ее пышную грудь. Розамунда громко простонала от удовольствия. Его губы сомкнулись на ее соске, и он стал сосать его, как ребенок.

Розамунда всегда любила, когда мужчины ласкают ей грудь. Сколько времени прошло с тех пор, когда она последний раз делила ложе с мужчиной? Кажется, целая вечность! Розамунда запустила пальцы в густые, слегка тронутые сединой волосы Патрика и сильнее прижала его голову к своей груди, побуждая к новым ласкам.

Его поцелуи становились все жарче, а губы ласкали ее шею, плечи, грудь. В какой-то момент Розамунда почувствовала их жаркое прикосновение к низу своего живота. Она издала

громкий стон, вызвав в Патрике еще больше страсти. Никогда прежде он не желал женщину столь неистово.

– Господи, спаси! – то ли выдохнула, то ли прорыдала Розамунда, и он понял, что заключалось в этих словах.

Его пальцы коснулись густых завитков у нее на лобке и осторожно раздвинули нижние губы.

Розамунда едва не задохнулась от восторга.

– О да! – простонала она.

Большие ласковые руки Патрика гладили ее по спине и ягодицам.

– Я не могу насладиться тобой, – глухим от страсти голосом проговорил он. – Твоя кожа как шелк. Твое тело – само совершенство.

– Патрик, я хочу тебя! – словно издалека услышала Розамунда свой голос и тут же почувствовала, как он медленно проник в нее. Розамунда распахнулась ему навстречу, подобно дивному цветку, и без труда вобрала его копье в свои тугие ножны до самого конца. Их глаза снова встретились, как и незадолго перед этим, когда безумие страсти еще только начиналось. Она почувствовала, как ее душа сливается с его душой, и на миг ей стало страшно.

Патрик прочел этот страх в ее взгляде и поспешил успокоить:

– Все хорошо, любовь моя. Я тоже это чувствую. Теперь мы стали единым целым во всех смыслах.

Патрик начал ритмично двигаться, так что скоро Розамунда позабыла обо всех своих страхах. Теперь они казались ей глупыми и ничтожными.

Сейчас, с Патриком, она не боялась ничего и жила только своими необыкновенными ощущениями. Они поглотили все ее существо. Розамунда закричала, когда, казалось, луна и звезды взорвались у нее под веками множеством ярких осколков. Ее голос возвысился до крика, а ногти вонзились Патрику в спину. Он продолжал двигаться размеренно, сильно ударяя бедрами о ее бедра. Розамунда уносилась все выше и выше в вихре блаженства, и ее крики восторга отдавались эхом в холодной, убого обставленной комнате.

Глухие восклицания Патрика вторили ее крикам до тех пор, пока он, издав громкий стон, излил наконец струю своего семени в ее горячее лоно. И рухнул рядом, заключив Розамунду в объятия.

– У меня нет слов, – едва слышно проговорил Патрик.

– У меня тоже. – Розамунда глубоко вздохнула. Она никогда прежде не занималась любовью с такой неистовой страстью. Оуэн никогда не брал ее так, как это сделал Патрик Лесли. А что касается Генриха Тюдора, то его интересовали лишь собственные желания. То чудо, что произошло сейчас между нею и графом Гленкирком, можно было сотворить лишь вдвоем. И в этом было нечто мистическое. Как будто они уже испытали когда-то такую близость. С первой минуты их встречи они почувствовали взаимный интерес и близость, словно были старыми и близкими друзьями. Любовниками.

– Я не могу без тебя, – вновь тихо произнес Патрик и осторожно коснулся губами золотисто-каштановых волос Розамунды.

– И я не могу без тебя. Но я не очень обижу тебя, если скажу, что в данный момент не расположена снова выходить замуж? – Розамунда затаила дыхание в ожидании ответа.

– Я могу понять твои чувства, Розамунда, но однажды ты передумаешь. Тогда как я – нет. Как и ты, я не готов жениться во второй раз. У меня есть сын – насколько я понимаю, он старше тебя. Он женат и имеет своих сыновей. И еще есть некая причина, по которой король вызвал меня из горной глуши и приказал явиться в Стерлинг.

– Значит, я буду твоей любовницей, и так даже лучше, – ответила Розамунда. – Сегодня случилось нечто важное, милорд. Ты знаешь это, и я это знаю. Подозреваю, ты понимаешь это не намного лучше, чем я. Но от этого не уйти. Нас тянет друг к другу, и нам хорошо вместе. Но

настанет время, и я снова захочу вернуться во Фрайарсгейт. Или тебе захочется вернуться в Гленкирк. И когда этот час настанет, мы узнаем его и расстанемся точно так же, как расстались когда-то в другое время и в другом месте. Мой бедный кузен Том наверняка будет потрясен, ибо никогда не мог ожидать от меня такого поведения. И есть еще кое-что, о чем тебе следует знать. У меня есть жених – Логан Хепберн, хозяин замка Клевенз-Карн. Он собирается жениться на мне, хотя я ответила ему твердым отказом. Он наверняка явится ко двору, чтобы найти меня и попытаться навязать свою волю. Но я не хочу снова замуж.

– Ты стала моей любовницей назло ему, Розамунда? – спросил Патрик.

Розамунда приподнялась на локте и посмотрела ему в лицо.

– Я стала твоей любовницей, потому что мне так захотелось, и я не сумела побороть в себе это желание. Это сильнее меня. К тому же когда-то, в другом времени и другом месте, мы были знакомы и между нами осталась какая-то недосказанность. Ты и сам знаешь это, Патрик!

– Да, девочка, я знаю, – в задумчивости проговорил граф. – Ведь я шотландец и разбираюсь в таких вещах. – Он привлек Розамунду к себе и ласково поцеловал в губы. – Я уже любил тебя когда-то.

– Знаю, – тихим голосом откликнулась Розамунда. – И я тоже любила тебя.

– Я буду любить тебя снова.

– Знаю. Я уже люблю тебя, хотя это может показаться безумием, Патрик.

– Король обладает *lang eey*, или даром предвидения, как сказали бы вы, англичане, – с добродушным смехом промолвил граф. – Я должен расспросить его насчет этого чудесного безумия, что овладело нами, любимая. – Он обнял Розамунду еще крепче и накиннул на нее одеяло. – Ты останешься у меня?

– Ненадолго, любимый. Бедняжка Энни решит, что я пропала, и испугается. Она одна из моих служанок из Фрайарсгейта. И я бы предпочла, чтобы то, что случилось, осталось между нами, пока это возможно. Скоро и так все будут сплетничать о графе Гленкирке и английской подруге вашей королевы.

– Ты такая скромница! – Патрик весело блеснул глазами.

– Я вовсе не хочу быть скромницей! – возразила Розамунда. – Я хочу кричать на весь свет о том, что люблю и любима! – Она усмехнулась. – Вот тогда меня уж точно сочтут помешанной, особенно если узнают обо всех обстоятельствах нашей любви, милорд.

– Я уже слышу шепот сплетников, – проговорил Патрик и ехидным голосом добавил: – Старина Гленкирк спустился со своих гор и заморочил голову девчонке, которая годится ему в дочери!

– Но будут еще и другие, и они станут шептаться о том, что старине Гленкирку чертовски повезло обзавестись молодой любовницей и удовлетворить ее в постели! – в тон ему произнесла Розамунда.

Граф рассмеялся:

– Сдается мне, что ты еще меньше боишься пересудов, чем я, милая Розамунда!

– Я ничего не боюсь, – призналась Розамунда. – Когда-то боялась, но теперь это прошло. Я пережила трех мужей. Я всю жизнь только и делала, что угождала другим и выполняла все, что мне скажут, потому что родилась всего-навсего женщиной. Но я дала Фрайарсгейту трех маленьких наследниц, и я хорошо управляла своими землями и буду управлять ими впредь с помощью моего дяди Эдмунда. А теперь я хочу пожить для себя – хотя бы недолго.

– Расскажи мне про Фрайарсгейт, – попросил Патрик.

– Это прекрасная и щедрая земля. Мой дом стоит на берегу озера. Я развожу овец. Мы стрижем с них шерсть, сами делаем пряжу и сами производим сукно. Оно пользуется большим спросом у торговцев из Карлайла и из долин. Кроме того, у меня есть молочная ферма и конюшня. Мы не боимся нападений со стороны соседей, потому что наша долина окружена неприступными скалами. Ни один вор не уйдет отсюда с добычей. Он заблудится и будет схва-

чен на горных тропинках. Я всем сердцем привязана к своему дому. Это самое лучшее место в мире, Патрик. Ну а теперь ты расскажи мне о Гленкирке.

– Он построен на восточном краю нагорья, между двумя реками, – начал свой рассказ Патрик. – Мой замок совсем маленький. И до тех пор пока Яков не отправил меня в Сан-Лоренцо, я был просто лордом Гленкирком. Королю было угодно оказать честь герцогу Сан-Лоренцо и назначить к нему послом титулованного аристократа, вот я и стал графом Гленкирком. Мы разводим овец и нашу породу коров. У меня двое детей: дочка Жанет и сын Адам.

– Однако ты говорил только о сыне, – заметила Розамунда.

– Когда мы были в Сан-Лоренцо, мою девочку похитили работоторговцы. Она должна была стать женой герцогского наследника. Мы едва успели отпраздновать их помолвку, когда она пропала. Мы пытались найти ее и выкупить, но не смогли. – Граф поморщился, словно от боли. – Я не могу рассказывать об этом, Розамунда. Пожалуйста, пойми меня и не спрашивай больше.

– Я понимаю, – проговорила Розамунда и поцеловала Патрика в лоб.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Расскажи мне об этом Логане Хепберне, который не дает тебе проходу, – попросил граф.

– Самый настоящий приставала, – ответила Розамунда. – Он уверяет, что влюбился в меня, когда мне исполнилось только шесть лет, увидев нас с дядей на сельской ярмарке в Драмфи. Он приехал во Фрайарсгейт как раз перед нашей свадьбой с Оуэном и имел наглость заявить, что явился просить моей руки. Я сказала ему, что выхожу за другого, и тогда этот наглец притащился к нам на свадьбу со своими братьями и волынками! Они привезли с собой виски и копченую рыбу. Я готова была дать им от ворот поворот, но Оуэн нашел их забавными. После смерти Оуэна королева Екатерина вызвала меня обратно ко двору. Она хотела поддержать меня, хотя отлично знала о том, что я не люблю надолго уезжать из дому и буду думать только о том, как бы поскорее вернуться. А когда я наконец вернулась – Логан Хепберн был тут как тут! Он сказал, что мы поженимся и что он приедет за мной.

– Ему не откажешь в отваге, – задумчиво произнес граф.

– Он настырный и грубый! – горячо возразила Розамунда. – Слава Богу, ваша королева вовремя пригласила меня на Рождество! Иначе мне пришлось бы превратить свой дом в крепость, чтобы отвадить этого налетчика! Он желает, чтобы я родила ему сына-наследника! Ну так пусть потрудится найти кого-то поговорчивее. – Тут она в испуге зажала ладонью рот. – Ох, Патрик! А вдруг...

– Это невозможно, милая, – сказал он. – Перед тем как вернуться домой из Сан-Лоренцо, я перенес тяжелый недуг. Мое лицо разнесло, как овечье вымя, и в паху все болело так, будто жгло огнем. Старая знахарка, которая пользовала меня, сказала, что после этой болезни мое семя останется бесплодным. За прошедшие годы у меня было множество любовниц, и ни одна не сказала, что понесла от меня.

Розамунда смущенно хихикнула и произнесла игривым тоном:

– Однако, милорд, вы наделены весьма впечатляющими достоинствами! – Она осторожными движениями стала поглаживать у Патрика в паху.

Он закрыл глаза, явно наслаждаясь этой дерзкой лаской, и в тон ей проговорил:

– А мне говорили, будто англичанки – сухие и холодные!

– И кто же это посмел внушить вам такую глупость, милорд? – проворковала Розамунда и слегка стиснула в руке набухший от желания член, заставив Патрика застонать от удовольствия.

– Я и сам не помню, мадам, но для меня большое облегчение узнать, что это ложь, – ответил он.

– Подозреваю, что это мог сказать сам король. Я слышала, что у вашего Якова чрезвычайно горячий нрав. И кстати, у королевы тоже. Если вспомнить об их потомстве, это должно быть правдой.

– Да, но среди их потомства нет ни одного живого наследника, – заметил граф.

– На этот раз все будет по-другому, – убежденно заметила Розамунда. – Будущей весной королева родит здорового сына. Мы все молимся об этом.

– Значит, ты тоже наделена *lang eey*, как наш король? – хриплым от возбуждения голосом произнес Патрик и положил руку Розамунде на грудь. Маленький сосок моментально затвердел и поднялся, приветствуя его. Он наклонил голову и поцеловал розовый бутон.

Розамунда глубоко вздохнула. Каждое прикосновение его рук, его губ доставляло ей райское наслаждение. И хотя она искренне любила Оуэна, с ним ей никогда не было так хорошо, с ним Розамунда ни разу не испытала такого восторга. А заодно и с ее королем, ненадолго сделавшим Розамунду своей любовницей во время ее последнего пребывания при дворе. Нет. Генриха Тюдора всегда интересовало лишь одно: его личная прихоть. Однако этот мужчина, Патрик Лесли, граф Гленкирк, с которым Розамунда была едва знакома, за одну короткую ночь сумел открыть ей глаза на то, какой должна быть настоящая любовь.

– Кажется, я умру, если вдруг ты сейчас меня оставишь, – прошептала Розамунда.

Патрик нежно поцеловал ее в губы:

– Пока нам не грозит разлука, любовь моя, но рано или поздно это случится, потому что твое сердце отдано Фрайарстейту, а мое Гленкирку. Так и должно быть, ведь мы храним верность нашим людям и нашей земле. Но на какое-то время, мне кажется, мы можем забыть об ответственности перед другими ради нашей любви. Нам предоставили шанс исправить то, что когда-то было недоделано. Ты ведь понимаешь меня, Розамунда?

– Нет, – отвечала она. – Не понимаю.

– Любимая, то, во что я верю, может показаться ересью, но тем не менее я верю в это. Я считаю, что мы жили другой жизнью в другие времена и в другом месте. Я вспоминаю, что, когда только приехал в Сан-Лоренцо, у меня возникло невероятное чувство, будто я уже был в этом месте. Я мог без провожатых найти любое место в этом городе. И так было со мной всю жизнь. Старая колдунья из наших мест обладает *lang eey*, и она объяснила мне, что я уже жил прежде, как и большинство человеческих душ. Я ей верю. Сегодня, когда мы впервые встретились в этом времени и в этом месте, мы оба как будто узнали друг друга, как будто уже давно были знакомы. Тебя никак не сочтешь женщиной легкого поведения, и тем не менее мы лежим вместе в этой кровати, и я готов заняться с тобой любовью во второй раз за эту ночь. Теперь ты понимаешь меня, Розамунда?

– И да и нет, – замявшись, ответила Розамунда.

– Можешь ли ты принять это волшебство, что привлекло нас друг к другу, или лучше нам расстаться и сделать вид, будто ничего не было? – спросил граф.

– Разве мне хватит сил отказаться от такого чуда?! – с чувством произнесла леди Фрайарстейт. – Нет, ни за что! Я выслушала тебя, но то, что ты сказал, кажется совершенно невозможным. И все же я лежу в твоих объятиях и чувствую, что не хочу с тобой расставаться. Я умру от тоски, если ты отошлешь меня силой!

– Я не стану отсылать тебя, Розамунда. Но как я уже сказал, придет время, когда мы поймем, что должны разойтись ради других людей. Но это время еще не пришло. Судьба подарила нам короткий промежуток счастья, и мы должны быть благодарны за это.

– Неужели ты не мог найти меня раньше, милорд? – спросила Розамунда совершенно серьезно. Патрик улыбнулся. Во взгляде его зеленых глазах читалась чистая и нежная любовь.

– Помолчи, любимая, и позволь мне снова насладиться нашей близостью, – шепотом проговорил он и вновь прильнул поцелуем к ее губам.

– Да! – выдохнула она, с обожанием глядя на своего шотландца.

Они вновь отдались страсти. Его копьё легко скользило в тугих и упругих ножнах. Ее тело выгнулось ему навстречу. Он ударял снова и снова, пока их обоих не подхватил на свои крылья ослепительный волшебный вихрь.

– Я умираю! – выдохнула Розамунда, содрогаясь от острой до боли вспышки блаженства, порожденной его сильным и глубоким рывком. Оба рухнули на кровать, совершенно обессиленные, обливаясь жарким потом.

– Ты самая невероятная женщина на свете, – прошептал Патрик. Его голова покоилась на молочно-белой груди Розамунды.

– А ты просто потрясающий мужчина, мой дорогой граф. Ты сказал, что прожил уже полвека, а занимаешься любовью со страстью юноши, – с восторгом произнесла Розамунда. Он хмыкнул.

– Только юноши хвастаются своей неутомимостью и готовы загнать себя до смерти, чтобы поддержать этот миф, – слегка улыбнувшись, заметил Патрик. – В мои годы мужчины уже знают пределы своих возможностей, хотя сегодня я удивил даже самого себя, любовь моя. Но это скорее всего твоя заслуга. Ты меня вдохновила.

– Тогда советую тебе унять свой пыл, милорд, потому что скоро тебе придется проводить меня к себе в комнату. Я совсем не соображаю, где сейчас нахожусь, – со смехом призналась Розамунда.

– Ты находишься в моих объятиях, где тебе и полагается быть, и я непременно провожу тебя до твоей комнаты, – пообещал Патрик. – Но прежде давай немного отдохнем, Розамунда.

Она согласно кивнула и закрыла глаза, чувствуя себя спокойной и довольной впервые за много месяцев. Вот что значит быть по-настоящему любимой! Если бы только остальные понимали, какое это счастье!

Они немного вздремнули, не размыкая объятий и наслаждаясь близостью друг друга. Наконец граф осторожно поднялся и оделся, а затем передал Розамунде ее одежду. Когда она привела себя в порядок, граф вывел ее из своей каморки в темные переходы замка. Через несколько минут они уже были у дверей ее комнаты. Жадно поцеловав Розамунду, граф повернулся и вскоре исчез, растворившись во тьме коридора.

Розамунда неслышно проскользнула в свою комнату. Энни дремала в кресле у потухшего очага. Она сразу проснулась, как только услышала шаги хозяйки.

– Я рада, что ты не беспокоилась, – сказала ей Розамунда.

– Лорд Кембридж заходил ко мне, миледи. Он сказал, что вы можете прийти очень поздно. – Энни поднялась с кресла, зевая и потягиваясь, и, выглянув в щелку между тяжелыми бархатными занавесями на единственном окне, сказала: – Скоро уже будет светать! Вы бы лучше ложились, миледи, если хотите хоть немного отдохнуть перед утренней мессой.

– Разожги огонь, – приказала Розамунда, – и согрей воды. От меня слишком пахнет мужчиной, и я не могу в таком виде показаться перед королевой. Да и в кровать не хотелось бы ложиться не помывшись.

Энни удивленно посмотрела на свою госпожу.

– Граф Гленкирк стал моим любовником, Энни, – без обиняков завила Розамунда. – И ты не будешь обсуждать это с другими слугами, даже если они пристанут к тебе с расспросами. Ты поняла меня, девочка?

– Да, миледи, – ответила Энни. – Но разве это хорошо для такой приличной дамы, как вы? – не удержавшись, спросила она.

– Я вдова, Энни, и разве ты не была моей доверенной подругой, когда я была с королем? – вопросом на вопрос ответила Розамунда.

– То совсем другое дело, – возразила Энни. – Вы всего лишь подчинялись своему королю. И в том не могло быть никакого вреда, пока не узнает королева Екатерина или кто-то еще!

– Нет, Энни, это было не другое дело. Такой была вся моя прежняя жизнь, – возразила Розамунда. – Я делала то, что требовали от меня другие. Что они ожидали от меня. Однако теперь я собираюсь делать то, что хочу сама. Я буду жить только ради собственного удовольствия, а не ради других! Ты понимаешь?

– А как же лорд Клевенз-Карн? – не унималась Энни. – Вряд ли он возьмет в жены такую даму, которая готова задрать юбки перед первым встречным!

Розамунда отвесила Энни оплеуху.

– По-моему, ты забыла, с кем разговариваешь! Или тебе не терпится быть отосланной обратно во Фрайарсгейт? Учти, я сделаю это без труда, потому что на твое место найдется немало желающих, причем таких, кто будет держать рот на замке! А тебе я скажу то же, что сказала Логану Хепберну. Я не желаю снова выходить замуж! И не позволю принудить меня к этому силой. У Фрайарсгейта есть наследница и еще две ее младших сестры. Однажды я так выдам замуж своих дочерей, что знатность и богатство нашего рода приумножатся. Логан Хепберн мечтает о сыне. Ему нужен наследник для Клевенз-Карна. Вот и пусть ему рожают наследников какая-нибудь молоденькая девчонка, которая станет обожать его и будет ему преданной женой. Я не из таких женщин. Матушка нашего короля Генриха была моей наставницей и говорила, что однажды женщина должна выйти замуж ради семьи. Может быть, дважды, но не больше. А после этого, говаривала достопочтенная Маргарет, женщина имеет полное право выходить замуж по собственному усмотрению. Дядя Генри Болтон дважды выдавал меня замуж по своему усмотрению. Третий муж достался мне по решению короля. Теперь моя очередь делать выбор, и я выбираю свободу! Ты поняла меня, Энни? Теперь я буду жить ради себя!

– Да, миледи, – буркнула Энни с обиженным видом, потирая покрасневшую щеку.

– Хорошо. Теперь, когда мы с тобой договорились, ты готова служить мне без лишних вопросов?

– Да, миледи.

– Ну так ступай и займись делом, – приказала служанке Розамунда и присела на кровать, дожидаясь, пока Энни разведет в очаге огонь и согреет воду для умывания.

Какая это была ночь! Она едва успела прибыть ко двору, и сегодня, накануне Сочельника, ее переполняет счастье. Она понятия не имела, к чему это приведет, но, к собственному удивлению, обнаружила, что совершенно не испытывает страха перед будущим. За свои двадцать три года она впервые влюбилась по-настоящему и готова идти по этой дороге до конца, а потом... ну вот тогда она и будет думать, что сделает потом. А сейчас она собиралась жить настоящим, и все ее настоящее сосредоточилось в Патрике Лесли, графе Гленкирке.

Глава 2

Король Яков внимательно посмотрел на своего друга, графа Гленкирка.

– Черт побери, Патрик, у тебя такой вид, будто ты влюбился!

– А почему ты считаешь, что я не могу влюбиться? – спросил Патрик с улыбкой. – Или я не такой же человек, как все?

– Человек-то человек, но чтобы как все? Нет, Патрик, ты не похож на других. Ты был послан в Сан-Лоренцо. Это слишком значительная должность для незначительного землевладельца из горной глуши. Я сделал тебя графом, чтобы оказать честь герцогу Сан-Лоренцо. И ты служил мне верой и правдой, пока не случилось несчастье с твоей дочерью Жанет. После чего ты даже не соизволил дожидаться моего разрешения, а просто уложил вещи и вывез семью обратно в Шотландию. Ты задержался при дворе ровно настолько, чтобы отчитаться передо мною, и снова пропал в горной глуши на целых восемнадцать лет. Ты до сих пор был бы там, не вызови я тебя обратно на службу. Я не знаю другого человека, настолько преданного моей короне и способного сделать это, Патрик. Ты всегда был моим другом, настоящим другом с самого начала – в отличие от многих других, кому я вынужден милостиво улыбаться и кого вынужден осыпать незаслуженными похвалами и почестями. Ты по-прежнему тверд и неподкупен. Ты человек слова. И я могу на тебя положиться.

– То же самое ты говорил мне, отправляя в Сан-Лоренцо, – сухо заметил граф. – И вдруг снова пожелал видеть меня при дворе. С чего бы это?

– Прежде ты должен признаться, кто эта леди! – Хитро прищурившись, король посмотрел на своего старого друга.

– Джентльмен не опускается до сплетен, как простая крестьянка, – отвечал Патрик с добродушной улыбкой. – Ты наделен завидным терпением, и со временем я тебе скажу, но не сейчас.

– Ага, значит, ты влюбился не на шутку! – воскликнул король. – Учти, я теперь глаз с тебя не спущу! – И тут же, уже всерьез, добавил: – Патрик, ты должен ради меня снова побывать в Сан-Лоренцо.

– Там у тебя есть прекрасный посол, – ответил граф.

– О да, Йен Макдафф отлично справляется со своей ролью, но все же он не такой дипломат, как ты, Патрик! А мне отчаянно требуется дипломат. Ты знаешь, что папа собирает армию, именуя ее «Священной лигой». Он хотел бы отобрать у Франции северные итальянские провинции, но не справится с этим в одиночку. И тогда он объявил им войну, назвал ее освободительной и призвал другие страны поддержать его в обмен на вечное спасение, не говоря уже о более материальных благах. Мой неугомонный шурина, Генрих Английский, сделался его сторонником. Мне тоже предложили встать в их ряды, но я не могу так поступать. И не буду. Эта агрессия неоправданна, Патрик!

– А Франция – наш главный союзник. Ты всегда был человеком чести, и я знаю, что ты не предашь старого друга без серьезной на то причины. А тут нет и не может быть такой причины, верно?

– Только стремление Генриха Тюдора заслужить поддержку папы и тем самым увеличить свое влияние в Европе, – отвечал Яков Стюарт. – Испания, конечно, присоединится к папе и Англии. Венеция и Священная Римская империя тоже не отстают, но пока это не зашло слишком далеко, я попытаюсь их остановить. Я должен проделать это в величайшей тайне и в таком месте, о существовании которого никто не догадается, даже если они прознают о моих планах. Я не хочу смотреть на то, как величайшие государства Европы сражаются друг с другом, вместо того чтобы объединенными силами выдворить турок из Константинополя. И кроме того, как известно моему шурина, я действительно человек чести. Я не предаю своего

союзника даже ради собственной выгоды, как это мог бы сделать он. Он знает, что я не могу вступить в этот союз против Франции. Он ищет повода натравить Святой престол на меня – то есть на Шотландию. Патрик, в Сан-Лоренцо ты должен встретиться с доверенными лицами венецианского дожа и императора Священной Римской империи. Ты должен убедить их в том, что вся эта затея со «Священной лигой» не более чем происки Англии, рвущейся к мировому господству. В обеих странах есть партии, разделяющие мое мнение. Я наладил с ними контакт, и они готовы послать своих представителей в Сан-Лоренцо, на встречу с тобой. Инстинкт подсказывает мне, что у нас практически нет надежды на удачу, но мы обязаны попытаться.

– И рано или поздно начнется война с Англией, – со вздохом произнес граф.

– Знаю, – отозвался король. – Мне сказал об этом мой *lang eey*, и тем не менее я должен сделать все, что считаю необходимым. Я делаю это для Шотландии, Патрик.

– Да, и еще никогда у нас не было такого короля, как ты, Яков, четвертый из Стюартов. Но ты зря женился на англичанке. Лучше бы ты выбрал Маргариту Драммонд. Драммонды дали Шотландии уже двух королей, и обе были хорошими королевами, – со вздохом заключил граф Гленкирк.

– Ты прав. Я знаю, что зря женился на англичанке, и как мог оттягивал этот брак. Но когда мою возлюбленную Маргариту и ее сестер отравили, у меня больше не осталось причин отказываться. Многие хотели соединить узами брака дома Стюартов и Тюдоров в надежде укрепить мир между нашими народами. Однако этот мир оказался лишь перемирием. И теперь, когда не стало моего тестя и на троне сидит его сын, я все больше боюсь за всех нас. Брат моей жены – упрямый человек, а богатство, созданное усилиями его отца, наделило его вдобавок огромной властью.

– Но Шотландия уже многие века не знала такого процветания, как под твоей рукой, – заметил граф. – И всякому должно быть ясно, что мы не желаем ничего, кроме мира, чтобы продолжать жить в достатке.

– Да, только боюсь, что это не отвечает честолюбивым планам Генриха Восьмого, – ответил король. – Ему не дает покоя тот факт, что я нахожусь в лучших отношениях со Святым престолом, чем он. Он старается поссорить меня с папой, изображая его преданного союзника в войне с Францией, и похоже, что это ему удастся. Ты ведь слышал о том, что стало с фамильными драгоценностями моей жены, не так ли?

– Нет, я ничего об этом не знаю, – покачал головой Патрик.

– Конечно, – сказал король. – Ты едва успел вернуться ко двору. Бабушка моей жены, достопочтенная Маргарет, и ее мать, покойная Елизавета Йоркская, разделили принадлежавшие им фамильные драгоценности на три равных доли: для моей жены, для ее сестры и для супруги ее брата, королевы Екатерины. Но король Англии отказался отослать своей старшей сестре ее долю, придумав для этого множество самых различных причин. Наконец моя жена написала своему брату, что ей нужны были не драгоценности, а просто вещи, дорогие ей как память о любимых матери и бабушке, поскольку я, ее супруг, с радостью преподнесу ей в дар украшения во много раз дороже. Могу представить себе, как разозлился король Хэл¹. Маргарита рассказывала мне, что еще в детстве он постоянно жульничал в играх и терпеть не мог проигрывать. Судя по всему, эти замашки у него сохранились до сих пор.

– Когда мне следует отправляться? – спросил Патрик.

– Не раньше, чем закончатся рождественские гулянья, – отвечал король. – Я хочу, чтобы это выглядело так, будто мне захотелось в знак памяти о старых добрых временах провести с тобой вместе Рождество и Святки. И ты не посмел отклонить мое приглашение, потому что уже давно не являлся ко двору, чтобы выразить свое почтение и преданность. Тот факт, что ты сблизился с какой-то дамой, только нам на руку. Праздники кончатся, ты исчезнешь, и все

¹ Хэл – уменьшительное от имени Генрих. – *Здесь и далее примеч. пер.*

решат, что ты снова вернулся в Гленкирк. Ты ведь знаешь, что при дворе всегда полно шпионов, Патрик, и если они узнают о моих планах, то непременно донесут англичанам, испанцам или, чего доброго, самому папе. Твоя миссия должна оставаться в тайне. Я понимаю, что на успех почти нет надежды, но прежде чем все окончательно смешается, мне хотелось бы попытаться остановить это безумие. Три года назад Святой престол заключил союз с Францией, чтобы поставить на колени Венецию. Теперь Франция стала его врагом. Мне тошно смотреть, Патрик, как сильные мира сего играют в эти кровавые игры. И ведь никому не дано одержать полную победу! Эти политиканы готовы весь мир стереть в порошок!

– Итак, моя задача – убедить кого-то из игроков в безнадежности их затеи? – спросил граф. – Кто же это? Кого ты считаешь слабым звеном в этой цепи?

– Венецию, которая всегда и всех подозревает в измене, и, возможно, Священную Римскую империю, которая никогда не доверяла Испании до конца. Испания будет поддерживать папу во что бы то ни стало, особенно если помнить о том, что английская королева родилась и выросла в Испании. Если мне удастся ослабить этот союз, у папы появятся новые заботы и меня перестанут вынуждать к тому, чтобы присоединиться к ним и разорвать старый договор с Францией. Кроме того, как только туркам станет известно о новом союзе, они тоже поспешат что-то предпринять, а значит, отвлекут на себя внимание папы. В конце концов, он глава всей христианской церкви, – добавил король с язвительной усмешкой.

– Значит, представители Венеции и императора приедут в Сан-Лоренцо? – спросил Патрик.

Король утвердительно кивнул.

– Ну что ж, – продолжал граф, – мой сын Адам уже взрослый и сумеет самостоятельно распоряжаться нашими землями в мое отсутствие. И хотя я не думаю, что плавание по зимним морям можно считать большим удовольствием, если мне не изменяет память, в Сан-Лоренцо самыми приятными месяцами были как раз январь и февраль. Давненько я не наслаждался зимой на берегу теплого моря!

– И ты без сожалений расстанешься со своей дамой? – поддразнил его король.

– Расстанусь? Я не расстанусь с ней ни за что! Я намерен взять ее с собой в Сан-Лоренцо. Ты угадал, когда назвал меня влюбленным. Я действительно влюбился. Я обожал мать моей дочери. Я был женат на матери моего сына, милой и скромной девушке, и полюбил ее всей душой, потому что хотел иметь сына и наследника. Ее внезапная смерть разбила мне сердце. Мне кажется несправедливым то, что Агнес ушла из жизни так же, как и мать Жанет. Она была чертовски хорошей женой и даже пообещала по всем правилам удочерить Жанет, когда родится наш сын. И я никогда, никогда с тех пор не любил никого по-настоящему. Я давно вышел из юношеского возраста. У меня уже есть внуки. И тем не менее я влюблен и чувствую себя молодым.

– Если эта дама покинет двор, это привлечет к себе внимание? – спросил король.

Граф Гленкирк долго думал, прежде чем ответить.

– Скорее всего да. Она близкая подруга королевы.

– У нее есть муж, о котором нам следовало бы позаботиться? – продолжал свои расспросы король. – Или у нее слишком влиятельная родня?

– Она вдова и не может похвастаться большими связями, – отвечал Патрик. – Про нее подумают, что она просто вернулась домой.

– Если только, – заметил король, догадавшись, о ком идет речь, – моя жена не пожелает иметь ее при себе весной, когда придет время рожать.

– Ты понял? Черт бы побрал этот твой *lang eey!* – с недовольной гримасой заметил граф. – Или ты просто тычешь пальцем в небо?

– Ты влюбился в милую леди Фрайарсгейт, Патрик, не так ли? – ответил король вопросом на вопрос.

– Мы познакомились два дня назад, – кивнул граф.

– Всего-то? – Король не скрывал своего удивления.

– Со мной никогда не происходило таких странных вещей. Я увидел ее на другом конце тронного зала и почувствовал, что непременно должен с ней познакомиться. Лорд Грей представил нас друг другу через свою приятельницу, Элсбет Хьюм. И как только наши взгляды встретились, мы оба поняли, что были знакомы где-то в другом времени и в другом месте и что судьба нарочно свела нас здесь и сейчас. У меня нет более вразумительного объяснения. Найдется немало таких, кто сочтет нас сумасшедшими, но я знаю, что ты не из их числа, Яков Стюарт.

– Верно, – подтвердил король, – потому что я сам испытал нечто подобное, когда встретил Маргариту Драммонд. Должен признать, что Розамунда Болтон на редкость хороша собой. Но она англичанка, Патрик! И вдобавок, согласно имеющейся у меня информации, недолгое время состояла в любовницах у моего шурина.

– Вот как? – спросил граф, явно удивленный услышанным. Розамунда не говорила ему об этом, да и с какой стати? – Тем не менее я не думаю, что она вовлечена в политические игры. Розамунда не из тех, кто готов на все, лишь бы выслужиться перед своим королем. Во всяком случае, мне она такой не кажется. И ей вовсе не обязательно знать, зачем мы едем в Сан-Лоренцо. Достаточно одного желания любить друг друга без помех, подальше от завистливых глаз твоих придворных и назойливых друзей. Аркобалено, столица Сан-Лоренцо, самое романтическое место в мире. Я уверен, что Розамунда, никогда не покидавшая пределов Англии вплоть до этой поездки в Шотландию, будет в восторге от него.

– Все должно оставаться в строжайшей тайне, – напомнил король. – О твоей миссии не знает ни моя жена, ни королева Екатерина. Братец Генри пытался соблазнить эту леди, еще когда она была совсем молоденькой девушкой и жила при дворе. Ему не позволили это сделать, и по решению короля Розамунду выдали замуж. А когда она снова оказалась при дворе, уже овдовев, Генри явно сделал все, чтобы наверстать упущенное. Как я уже говорил, он терпеть не может проигрывать.

– Твоей информированности можно только позавидовать, – почтительно заметил граф.

– Королям редко удается сохранить в полной тайне свои поступки, – ответил король. – Всегда найдутся любопытные глаза и уши. В данном случае это был слуга лорда Кембриджа, готовый продать сведения щедрому покупателю. Полагаю, он вообразил, будто я и сам не прочь отведать прелестей этой леди. Однако сейчас мне вполне хватает услуг Изабеллы Стюарт, дочки моего кузена, графа Бакена. Да и моя жена снова беременна. Я не хотел бы ее расстраивать, поскольку знаю, что весной она родит мне сына и что он останется жив – в отличие от остальных слабых и больных младенцев, рожденных ею прежде.

– Королева не так отчаянно нуждается в присутствии Розамунды, как я, – продолжал Патрик. – Я самый преданный твой слуга, и ты это знаешь, но я не поеду в Сан-Лоренцо без моей милой. Я поговорю с Розамундой, когда будет нужно, и она убедит королеву, что обязана вернуться домой, в милый ее сердцу Фрайарстейт. А весной она вернется, чтобы присутствовать при родах. Говоришь, это будет мальчик?

– Да, дружище! – Король Яков тяжело вздохнул. – Как бы я хотел верить, что увижу, как он станет взрослым! Но мне этого не дано.

Патрик не стал возражать, поскольку вовсе не желал знать того, что знал король. Яков Стюарт славился удивительным даром предвидения. Патрик понимал, что если король просит его соблюдать тайну – значит, эта миссия для него чрезвычайно важна.

– Я успею состариться, но все равно буду служить твоему сыну, – попытался утешить старого друга граф.

Король вдруг рассмеялся:

– Ты уже переспал с нею!

– Не прошло и пары часов после нашего знакомства. Черт побери, Яков! Когда я с ней, то снова чувствую себя тридцатилетним! Господь свидетель – у меня было множество любовниц, но ни одной не удалось взять надо мною такую власть, как эта девочка!

– Кажется, у нее есть жених, – заметил король.

– Да, кузен графа Босуэлла, Хепберн из Клевенз-Карна. Розамунда мне говорила, – Патрик усмехнулся, – будто он собирается приехать за ней в День святого Стефана, чтобы сыграть свадьбу. Представляю, какая у него будет физиономия, когда он поймет, что невеста вовсе не собиралась покорно идти с ним под венец!

– День святого Стефана? Так ведь это сегодня! – воскликнул король и расхохотался: – Да, с такой выдумщицей не соскучишься! И ты уверен, что именно такая женщина тебе нужна?

– До тех пор, пока судьба снова не разлучит нас, – заверил старого друга граф.

– Ага, – заметил король, – стало быть, ты не собираешься быть с ней до конца. И не женишься на ней.

– Я бы женился, если бы она сама захотела. Она хочет, чтобы я был ее любовником, а в качестве мужа я ее не устраиваю, – пояснил Патрик. – Она не желает снова выходить замуж, и я знаю, что она не покинет дорогой ее сердцу Фрайарсгейт, – точно так же, как я не расстанусь со своим Гленкирком. Но однажды я сделаю ей предложение, – с загадочной улыбкой добавил граф. – Пока же нам вполне довольно того, что мы искренне любим друг друга. Вот почему она постаралась отделаться от Хепберна из Клевенз-Карна. Мне жаль этого малого. Ибо что он может сделать, чтобы убедить Розамунду в своей любви? Если он действительно ее любит.

– Патрик, я не сомневаюсь, что, когда он обнаружит пропажу невесты, тебе предстоит встретиться с ним здесь, при дворе. Хепберны – известные упрямцы. Вдобавок он уговорит своего кузена, графа Босуэлла, явиться ко мне с просьбой о помощи.

– Розамунда – подданная английского короля, и ты не вправе выдать ее за своего человека, – нерешительно проговорил граф Гленкирк. – Или я ошибаюсь?

– Такова будет моя линия защиты, но Мег наверняка не останется равнодушной. Моя маленькая англичанка чрезвычайно романтична. Между прочим, весьма необычная черта для женщины из дома Тюдоров. Розамунде придется поделиться своей тайной с королевой, иначе та не успокоится, пока не обеспечит свою дорогую подругу новым мужем. Королева считает, что ни одна женщина не может быть по-настоящему счастлива – или хотя бы просто довольна жизнью, – если не состоит в законном браке. И уж если она решает устроить чье-то счастье, то может стать попросту опасной, Патрик! Может дойти до того, что о вашей связи узнает весь двор.

– Может, так оно и лучше, – задумчиво проговорил граф. – Это наверняка остановит королеву, а заодно и графа Босуэлла с его Хепберном из Клевенз-Карна. Но сперва мне нужно посоветоваться с Розамундой. Она не из тех женщин, кто любит, чтобы решали за нее.

– Ах какой ты счастливец, Патрик! – улыбаясь, воскликнул король. – Ты снова влюбился! После Маргариты Драммонд я позабыл, что это за чувство!

– А я нет, – отвечал граф с довольной улыбкой.

Двое мужчин сидели в личном кабинете короля Якова в замке Стерлинг, удобно устроившись возле камина и грея в ладонях серебряные бокалы с темным виски. Они проговорили всю ночь, а все считали, что король провел время в постели у своей любовницы.

– Французский корабль перевезет вас через море к берегу Франции, – давал Яков последние наставления. – Оттуда вы по суше доберетесь до Сан-Лоренцо. Я не хочу рисковать твоей жизнью, заставляя пересекать в это время года Бискайский залив. Однако из-за женщины твое путешествие может затянуться.

– Розамунда – сельская жительница, как и ее служанка. Карета с дамским багажом наверняка привлечет к себе внимание. Мы поедем верхом. Моя девочка уверяет, что созрела для

приключений после того, как всю жизнь только и делала, что выполняла свой долг. – Патрик хмыкнул. – Для нее такая поездка наверняка покажется настоящим приключением!

– А как же ее наряды и прочее барахло, столь милое женскому сердцу? – иронично заметил король.

– Мы захватим лишь самое необходимое, а когда прибудем на место, я обеспечу Розамунду новым гардеробом! – ответил Патрик.

– Хотел бы я посмотреть, так ли уж твоя леди будет готова к приключениям, когда ты ей все расскажешь, – с усмешкой заметил король.

– Она поедет со мной, – негромко, но убежденно промолвил граф. – Мы пока не сможем расстаться.

– Мы еще поговорим с тобой перед отъездом, Патрик. А пока иди спать. Мне тоже пора, – заключил король.

Мужчины встали, пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны. Яков Стюарт отправился проведать свою очередную любовницу Изабеллу, а граф Гленкирк пошел искать леди Фрайарсгейт.

Розамунда решила, что ее комната хоть и мала, но зато там есть камин и им с Патриком будет удобнее расположиться в ней. Энни волей-неволей пришлось перебраться на ночь в общую спальню для женской прислуги. Когда личная служанка, делившая по обычаю ложе со своей хозяйкой, перебиралась в общую спальню, это считалось верным признаком того, что у леди завелся любовник. Энни строго-настрого приказали помалкивать, но держать уши открытыми, чтобы не пропустить ни одной сплетни, важной для Розамунды.

Розамунда спала, когда граф осторожно вошел в ее комнату. Он неслышно разделся и забрался в постель, обняв Розамунду и поцеловав в шею. Она прошептала что-то невнятное.

– Ты уже проснулась, любовь моя? У меня есть новости. – Патрик положил руку на пышную грудь Розамунды и слегка потерев пальцами сосок.

– Какие новости? – сонным голосом спросила она и придвинулась ближе, волнуяще подвигав бедрами.

– Ах ты, негодница! – шутливо воскликнул Патрик, чувствуя, как быстро просыпается в нем желание. Что за чары эта женщина напустила на него?

– Потому что я тебя хочу? – лукаво спросила Розамунда, поворачиваясь к графу лицом и стаскивая с себя ночную рубашку. Она обхватила его за шею, и ее тугие набухшие соски уперлись в его широкую грудь.

Патрик обхватил Розамунду ладонями за ягодицы и привлек к себе.

– Потому что твое тело и твоя ненасытность зажигают меня так, как это не удавалось ни одной другой женщине, Розамунда! Потому что теперь, когда ты так неосторожно разбудила во мне желание, мне придется сперва удовлетворить нас обоих и только потом поделиться с тобой новостями, маленькая проказница! – Его губы прижались к ее рту в жарком, требовательном поцелуе, и она ответила с таким же пылом. – Ты ведь знаешь, что я люблю тебя, милая, не так ли? – выдохнул граф, ненадолго прервав поцелуй.

– О да, милорд, я это знаю. Но и ты не будешь удивлен, если услышишь, что я отвечаю взаимностью на твои чувства. Я схожу по тебе с ума, Патрик! У меня такое чувство, будто вся моя жизнь была лишь подготовкой к тому, что происходит между нами. И как, скажи на милость, такое возможно? Я любила Хью, ибо он был для меня как отец. Я любила Оуэна, ибо он любил меня и Фрайарсгейт. Но с тобой все по-другому. Это сумасшествие не имеет к Фрайарсгейту никакого отношения. Это наше и только наше! Я готова остаться с тобой в этой комнате навсегда!

Патрик осторожно опустил Розамунду на подушки и положил ей на грудь свою большую руку. Их пальцы немедленно сплелись. Это стало у них привычкой. Их взгляды встретились в тот миг, когда он вошел в нее, и у Розамунды вырвался глубокий вздох. Он ненадолго замер

совершенно неподвижно, наслаждаясь тем, как она принимала его. Это было так чудесно, что он готов был рыдать от восторга. А потом он снова стал двигаться, и Розамунда закрыла глаза и глубоко вздохнула, когда их близость завершилась восхитительной разрядкой.

– Ох, Патрик, я так сильно тебя люблю! Пожалуй, даже слишком сильно! – прошептала она, как только снова обрела дар речи.

– Мне кажется, что мы никогда не насытимся нашей любовью, – эхом отозвался граф. – А ты говоришь – слишком! – Его большая рука медленно скользила по волосам Розамунды. – У тебя такие мягкие волосы.

– Энни считает меня ненормальной, потому что я мою их не реже раза в неделю. Она говорит, что рано или поздно я простужусь до смерти, если постоянно буду ходить с мокрой головой, – смеясь, проговорила Розамунда.

– Она сильно обиделась из-за того, что спит теперь в общей спальне? – спросил Патрик.

– По-моему, она втихомолку радуется возможности побыть вместе с остальными служанками, – ответила Розамунда.

– А как ты считаешь, любовь моя, ей понравится путешествовать? – осторожно поинтересовался граф.

– Понятия не имею, – ответила Розамунда. – А почему ты спрашиваешь?

– Мне вдруг захотелось провести зиму в более мягком климате. И я хочу взять тебя с собой, Розамунда.

– А это значит плыть по морю в самое отвратительное время года, – заключила она. – Патрик, ты действительно считаешь меня круглой душой?

– Это нужно королю, милая, – честно признался граф, поняв, что скрывать от Розамунды что-либо бесполезно. – Я не могу сказать больше, но знаю, что ты меня поймешь. Даже то, что я сказал, отдает мою судьбу в твои маленькие ручки, Розамунда.

– Тогда зачем ты мне это сказал? – удивилась леди Фрайарсгейт.

– Затем, что однажды ты была любовницей короля Генриха, – без обиняков ответил Патрик.

– Но кто тебе об этом рассказал? Ведь знали только Том и Энни! Наверняка проболтался кто-то из слуг. Надеюсь, не из моих! Нет. Это не могла быть Энни, потому что тогда ты не стал бы спрашивать, любит ли она путешествовать, поскольку заранее рассчитывал бы на то, что она отправится со мной. А твой король, учитывая этот факт, испугался, что я могу тебя предать. Ради Бога, скажи мне скорей, что Мег ничего об этом не знает!

– Она ничего не знает. И королева Екатерина тоже, – поспешил заверить Патрик.

– Я вовсе не строила глазки Хэлу, – вновь заговорила Розамунда после некоторой паузы. – Но он все равно добился бы своего. И ради интересов нашей семьи мне пришлось быть с ним любезной – насколько это было возможно, Патрик. Ни о какой любви и речи не было, и, хотя я предана Англии, мне не кажется, что ты делаешь для своего короля что-то такое, что может навредить моей стране. Король Яков проявил себя мудрым правителем, для которого главное – мир и процветание его подданных. Я достаточно хорошо знаю Генриха Тюдора. Этот человек крайне честолюбив и жаден. Он обзавелся весьма неприятной привычкой постоянно делать вид, будто сам Господь на его стороне. Это могло бы показаться забавным, если бы не было так опасно. И я ни при каких обстоятельствах не предаю тебя, Патрик, – с пылом заключила Розамунда.

– Знаю, – проговорил граф и снова поцеловал ее в губы. – Так ты поедешь со мной, моя милая Розамунда?

– Я поеду с тобой, Патрик Лесли, куда бы ты ни отправился. Ибо боюсь, что разлука разобьет мне сердце, – с готовностью ответила Розамунда.

– А как же Логан Хепберн?

– Логану нужен сын и наследник. И ему давно следовало бы жениться, а не морочить себе голову дикими фантазиями о ребенке, которого он увидел в шесть лет. Да, впервые он увидел меня ребенком, но я уже давно выросла. И не хочу выходить замуж только потому, что доказала свою плодовитость.

– Мужчина вправе ожидать – а особенно если он носит титул, – что жена наградит его потомством, – заметил Патрик.

– И я вполне с этим согласна, – отвечала Розамунда, – но для него это единственная причина для нашего брака – если не считать всей этой чепухи о том, как он впервые увидел меня. Он болтает о любви, но любит ли он меня на самом деле, я не знаю, и не хочу полагаться на удачу. Мне вовсе ни к чему становиться его женой, чтобы выяснить, что во мне его привлекает лишь здоровая утроба, способная вынашивать жизнеспособных детей. Я никогда не знала любви, Патрик, пока не повстречала тебя. И не хочу отказываться от нее ради так называемой приличной партии. Не хочу и не буду!

– Нам следовало бы пожениться, тебе и мне, – задумчиво проговорил граф.

– Только в том случае, если ты согласишься покинуть свой Гленкирк, а я – Фрайарсгейт, – повторила Розамунда слова, сказанные не так давно Патриком.

– И как тебе удалось узнать меня так хорошо за столь короткое время? – добродушно усмехнулся он.

– А тебе – меня... – эхом отозвалась Розамунда. – Ох, Патрик! Меня совершенно не интересует, кто что скажет и подумает! Я люблю тебя! И мне вовсе не обязательно быть для этого твоей женой. Так же как и тебе вовсе не обязательно предлагать мне честь носить твое имя, чтобы я верила в твою искренность. Мы и так знаем, что любим друг друга. Для этого нам было достаточно посмотреть друг другу в глаза.

– Да, – согласился граф. – Это так, милая.

– Когда мы покидаем двор? – спросила она.

– После Крещения, – ответил Патрик. – Пусть все подумают, что я вернулся в Гленкирк, поскольку меня тяготит жизнь при дворе. И твое отбытие, Розамунда, также должно выглядеть как возвращение домой. Скажи, это будет очень трудно – получить разрешение королевы покинуть двор?

Розамунда ненадолго задумалась, а затем сказала:

– Да, это будет нелегко, но мне придется сказать, что заболела одна из моих дочерей и Мейбл прислала за мной. Конечно, королева обидится, но ей придется с этим смириться. Она хотела, чтобы я оставалась с нею до самых родов. Она ужасно боится, что так и не сможет родить королю здорового сына.

– *Lang eeu* сказал королю, что родится крепкий мальчик. Он сожалеет лишь о том, что не увидит, как его сын станет взрослым, – добавил граф.

– Тогда мне будет не так стыдно за мою маленькую ложь, – сказала Розамунда.

– А твой кузен, лорд Кембридж? Весьма приятный во всех отношениях джентльмен, но я боюсь, что под добродушной внешностью кроется острый ум и сильный характер! – заметил Патрик.

– Том очень умен, но мне придется рассказать ему всю правду о нашем путешествии. Он самый лучший друг, какой у меня был в этом мире, и никто, даже мои мужья, не заботился обо мне так, как Томас Болтон. Честно говоря, он наверняка обидится, что мы не позвали его с собой, – усмехнулась Розамунда. – Однако мне придется просить его вернуться во Фрайарсгейт. Он объяснит Мейбл, куда я отправилась и почему. А кроме того, он присмотрит за девочками и позаботится о том, чтобы никто не попытался оспорить мою власть. Мой дядя Генри все еще не потерял надежду завладеть Фрайарсгейтом через одного из своих сыновей. Эдмунд уже стар и может попасться на какую-то его уловку, но моего драгоценного Тома так просто не проведешь. И пока он будет во Фрайарсгейте, я могу не бояться, что вернусь домой

и обнаружу свою дочь Филиппу замужем за кем-то из ее жутких кузенов. – Розамунда наклонилась и нежно поцеловала графа в губы. – Мне будет очень стыдно оставлять Тома одного. К тому же он всегда умеет скрасить своими шутками самый долгий путь.

– И тем не менее я бы не хотел, чтобы наша идиллия превратилась в семейное путешествие к морю, – заключил Патрик.

– А в Гленкирке сумеют обойтись без тебя? Ты уже известил своего сына?

– Адам давно взрослый. Он даже чуть-чуть старше тебя, моя маленькая возлюбленная. У него есть голова на плечах. Рано или поздно он все равно станет хозяином Гленкирка, вот пусть и привыкает справляться сам. – Патрик крепко прижал Розамунду к себе и чмокнул в макушку.

– Он женат? – спросила она.

– Да, хотя я до сих пор не могу взять в толк, как его угораздило жениться на Анне Макдональд. Они познакомились летом, на сельской ярмарке. Она знала, что он наследник графа, а он не устоял перед ее кокетством. Адам очень похож на свою мать, хотя никогда не знал мою милую Агнес. Он добрый и уступчивый. Его спасает только то, что он унаследовал от Лесли здравый смысл. Тем не менее мы с ним очень разные. Он совсем не имел опыта общения с девушками, и Анна без труда покорила его невинное сердце. Она родом из хорошей семьи. И у меня не было повода запретить им жениться. Только после свадьбы стало понятно, что мой сын женился на настоящей стерве. Однако она боится меня, и благодаря этому жизнь их остается сносной. Как это ни странно, иногда мне даже жаль Анну, и Господь свидетель – она честно исполнила свой долг. У меня есть два крепких внука и совсем крошечная внучка. Она родилась этой весной, и ее окрестили в честь матери Адама, милой Агнес. Малышка совсем не похожа на свою мать. А Анне нет до нее дела: она вполне довольна тем, что за девочкой присматривает няня. Думаю, что моя невестка чрезвычайно довольна, получив возможность хозяйничать в замке в мое отсутствие, – заключил граф с грустной усмешкой.

– Значит, никому из нас не надо беспокоиться о своих землях в то время, пока мы будем в Сан-Лоренцо, – сказала Розамунда.

– Мы заслужили провести это время вдвоем, милая. – Патрик снова заключил ее в объятия. – А теперь давай спать. Отложим планы до завтра. С собой можно будет взять совсем мало вещей. Как только мы доберемся до Франции, нам придется путешествовать верхом. Карета и все, что с этим связано, наверняка привлечет ненужное внимание тех, кто привык добывать деньги в обмен на информацию, тогда как небольшая кавалькада могла бы проскочить незамеченной. Тебя не слишком пугает долгий путь в седле?

– Нисколько. Я даже подумала, что будет лучше, если я переоденусь юношей, да и Энни тоже. Ехать в мужском платье намного проще, да и внимания мы привлечем гораздо меньше, – заметила Розамунда.

– Да, милая, это верно, – согласился граф. – Ты умеешь ездить в мужском седле?

– И еще как! Даже в юбках, милорд! Как ты думаешь, из меня получится достаточно симпатичный мальчик в лосинах и дублете²? – смеясь, спросила леди Фрайарсгейт.

– О да! – усмехнулся Патрик. – Пожалуй, даже слишком симпатичный! Ну а теперь спи, Розамунда! До утра осталось совсем немного, а тебе еще придется слушать мессу с королевой.

Розамунда положила голову графу на грудь, прижавшись ухом к тому месту, где сильнее всего было слышно, как бьется его сердце, и не заметила, как уснула. Когда же она проснулась, Патрика в постели уже не было, а Энни суежилась рядом. За окном все еще было темно, значит, месса еще не началась.

– Доброе утро, Энни, – сладко потянувшись, проговорила Розамунда.

² Дублет – род камзола (фасон мужской одежды эпохи Возрождения).

– Утро доброе, миледи, – отвечала Энни. – Граф уже ушел и велел передать, что увидится с вами позднее. А еще он сказал, что вы о чем-то хотели со мной поговорить. Ох, миледи, только не говорите мне, что я снова не угодила ему или вам! – Энни не могла скрыть, как ее пугает хозяйская немилость.

– Нет, дело не в том, что ты кому-то не угодила. – Розамунда села в кровати. – Энни, подкинь в камин дров и принеси мне тазик, чтобы умыться. – Она осторожно спустила ноги с кровати и зябко поежилась – голый каменный пол казался ледяным после теплой постели.

Розамунда вымылась, насколько это было возможно, имея в своем распоряжении тазик с водой и кусок фланели. Ей ужасно не хватало ежедневных ванн, но слуги в Стерлинге едва способны были обеспечить ей ванну раз в неделю, да и то постоянно ворчали и жаловались, таская по лестницам тяжелые бадьи с водой. Однако не смели отказаться, поскольку знали, что эта избалованная англичанка – близкая подруга детства их королевы.

– Что вам угодно надеть к мессе, миледи? – спросила Энни.

– Приготовь темно-рыжее платье из бархата, – приказала Розамунда. – Тому оно всегда нравилось, хотя мне кажется, что на нем слишком много золотого шитья.

– Оно очень красивое, миледи. Я выну его из сундука и расправлю, чтобы разгладились все морщинки. – Энни полезла в сундук, а Розамунда юркнула обратно в кровать.

– Я хочу, чтобы о нашем разговоре никто не знал, Энни, – начала она издали. – Я никогда не получала удовольствия от жизни, в которой все решали за меня другие люди, и потому решила посоветоваться с тобой, чтобы дать тебе возможность самой сделать выбор. Энни, я собираюсь отправиться в путешествие с лордом Лесли. И я бы хотела, чтобы ты поехала с нами. Но об этом никто не должен знать. Все должны думать, будто мы, граф и я, разъехались по домам. Если ты не захочешь сопровождать меня, то я позабочусь о том, чтобы лорд Кембридж доставил тебя целой и невредимой во Фрайарсгейт. И я не буду на тебя в обиде. Но каково бы ни было твое решение, ты не должна рассказывать кому бы то ни было о том, что сейчас узнала от меня. Ты понимаешь, Энни? Никому!

Энни несколько минут недоуменно смотрела на свою госпожу, а затем глубоко вздохнула, набираясь храбрости, и спросила:

– А мы когда-нибудь вернемся во Фрайарсгейт, миледи? – Казалось, что тяжелое бархатное платье вот-вот выпадет из ее ослабевших рук.

Розамунда негромко рассмеялась и с легкой укоризной воскликнула:

– Энни, неужели ты подумала, будто я могу бросить своих девочек? Да еще к тому же в то время, когда дядя Генри так и рыщет в округе? Если я их брошу, то все трое и охнуть не успеют, как окажутся замужем за его никчемными сыновьями! Я не говорю уже о том, что станет с самим Фрайарсгейтом. Я слишком его люблю! Из него я черпаю свои силы, а потому, где бы ни оказалась, рано или поздно непременно вернусь домой!

Энни медленно кивнула.

– И когда же мы вернемся? – осторожно спросила она.

– Я пока не знаю, но скорее всего через несколько месяцев. Не больше, – ответила Розамунда. – Мы просто хотим побыть вдвоем какое-то время, перед тем как расстаться.

– Почему бы вам просто не выйти замуж за графа? – простодушно спросила Энни. – Вы уж простите, госпожа! Я вовсе не хочу быть дерзкой, но я никак этого не пойму!

– Граф Гленкирк точно так же не может расстаться со своим домом, как я не могу отказаться от Фрайарсгейта, Энни. Если бы девочки были уже взрослыми, я бы, может, и подумала о свадьбе, но не могу оставить таких малышей.

Энни снова кивнула, понимая и в то же время не понимая доводы госпожи.

– А куда мы поедем? – вновь спросила она, старательно расправляя складки на платье, которое вытащила из сундука.

– Через море, – коротко ответила Розамунда.

– Через море?! Но я даже на лодке ни разу не плавала, миледи! – испуганно воскликнула Энни.

– И я тоже, – усмехнулась Розамунда. – Пожалуй, для нас обеих это будет настоящим приключением!

– И долго мы будем плыть через это море? – бросив насупленный взгляд, спросила Энни.

– Самое большее – несколько дней, – ответила Розамунда.

– А после того как вы получите все эти ваши приключения, миледи, – мы вернемся домой? – никак не желала успокаиваться Энни. – Вы клянетесь мне именем Пресвятой Девы?

– Клянусь, – совершенно серьезно произнесла Розамунда. – Я рассчитываю, что мы будем дома самое позднее к осени, Энни! А может, еще раньше.

Энни вздохнула:

– Я-то поеду, миледи. Но что на это скажут госпожа Мейбл и мистер Эдмунд? И кто им все объяснит?

– Им все объяснит лорд Кембридж, Энни, – ответила служанке Розамунда, чувствуя, что начинает терять терпение.

– И вы уже с ним договорились? – не унималась Энни.

– Я буду говорить с ним сегодня, Энни. А теперь запомни: это большая тайна! Боюсь, мне даже придется обмануть саму королеву, потому что иначе она не захочет меня отпустить. И ты не спеши раньше времени пугаться и тревожиться. До поры до времени выкинь это из головы. Я скажу, когда нам придет пора собираться, – скороговоркой произнесла Розамунда и добавила: – А теперь помоги мне одеться, не то я опоздаю на мессу.

Маргарита Шотландская, заметив в часовне свою подругу, кивнула ей и знаком приказала занять место подле себя. Началась месса. Находиться рядом с королевой во время мессы было большой честью, и Розамунда отлично это понимала. На миг ей стало ужасно стыдно за то, что она собирается обмануть свою давнишнюю подругу, но тут ее глаза встретились с глазами графа Гленкирка, тоже явившегося в часовню, и все сомнения рассеялись. Когда утренняя месса закончилась, королева взяла Розамунду под руку, и вместе они направились в тронный зал, где им должны были подать завтрак.

– Что это за слухи ходят о тебе и лорде Лесли? – неожиданно спросила королева.

– Не понимаю, о каких слухах вам угодно говорить, мадам, – почтительно ответила Розамунда, следуя этикету, поскольку вокруг них было много народу.

– Говорят, что вы стали любовниками, – проговорила королева и, понизив голос, спросила: – Это правда, Розамунда? Вы любовники? Он очень красивый, хотя и очень старый!

– Он вовсе не такой уж старый, Мег! – так же шепотом ответила Розамунда, и ее глаза весело сверкнули.

– Ого, значит, это правда! – оживилась королева. – И как тебя угораздило превратиться в такую противную девчонку, Розамунда?

– Я ни в коей мере не хотела обидеть ваше величество! – поспешила заверить подругу Розамунда.

– Обидеть меня? Нет, я тебе завидую! – с чувством отвечала королева. – Ты помнишь, что всегда говорила моя бабушка? Женщина выходит замуж ради семьи в первый раз. Через силу – во второй. Но после этого она имеет полное право добиваться собственного счастья! Ты счастлива с лордом Лесли, Розамунда? Надеюсь, что да! А раньше у тебя были любовники?

– Нет, – едва слышно произнесла Розамунда, а про себя подумала, что это только первое звено в длинной цепочке последующей лжи. – Ни одного. – В какой-то мере это было правдой, потому что Розамунда не любила брата Маргариты Тюдор, короля Англии. Сейчас же она действительно влюбилась в Патрика Лесли.

– Это все довольно неожиданно, не так ли? – продолжала допрашивать подругу королева.

– Я не могу это объяснить, – искренне призналась Розамунда. – Просто наши глаза встретились – и мы оба поняли, что любим друг друга.

– Ты говоришь совсем как мой муж с его *lang eey*, – заметила королева и при этом грустно улыбнулась. Она прижала руку к животу, словно хотела таким образом защитить от какой-то опасности развивавшийся там плод. – Я не хочу оказаться порожним сосудом подобно жене моего брата. Моли Господа и его Пресвятую Деву, чтобы этот младенец был здоровым мальчиком, Розамунда! Моли изо всех сил!

– Я молюсь, – торопливо заверила Розамунда. – Каждый день!

– Ваше величество. – Перед женщинами возник королевский паж. – Его величество изволят сегодня завтракать с вами. Позвольте вас проводить.

Королева кивнула и удалилась с пажом, а Розамунда стала высматривать в толпе придворных графа Гленкирка и лорда Кембриджа. Первым она заметила кузена.

– Моя милая девочка, боюсь, что сегодня весь двор только и делает, что перемывает тебе косточки. Это правда? Лорд Лесли уже стал твоим любовником? Признаюсь, никогда прежде я не слышал таких восхитительных пересудов. Шотландский двор гораздо веселее, чем английский, где наша бедная Екатерина Испанская и ее супруг, надутый король Генрих, приучили всех ходить по струнке. Там все так нудно и прилично – до оскомины, и лишь одному королю позволено в упор разглядывать хорошеньких леди, чтобы потом втихомолку одерживать над ними свои маленькие победы. Не подумай, что это камень в твой огород, дражайшая кузина!

– Я и не думаю, дражайший кузен, – сухо ответила Розамунда.

– Но при этом прекрасном дворе, – продолжал Том, – люди не так чертовски озабочены этими самыми «приличиями» и не боятся продемонстрировать свои чувства! И мне это очень нравится! А теперь давай отойдем в сторонку, милая девочка, и ты расскажешь мне все как есть! – Сэр Томас продел ручку кухни себе под локоть.

– Только не сейчас. Я умираю от голода, Том, – мягко возразила Розамунда. – Со вчерашнего дня у меня во рту не было ни крошки.

– Давай отправимся ко мне домой, и моя кухарка тебя накормит, – проговорил сэр Томас. – К тому же у меня мы сможем поговорить без помех. Я просто умираю от любопытства.

– Ты купил дом в Стерлинге! – воскликнула Розамунда.

– Нет, я всего лишь снял его на время. Это скорее даже не дом, а хижина, но он очаровательный и уютный, а его хозяйка готовит так, что пальчики оближешь! Я никогда не находил удовольствия, милая девочка, в необходимости ночевать на полу в королевском зале, вместе со всеми прочими неприкаянными душами, находящимися при дворе. Тебе отвели собственную каморку, чтобы было где преклонить голову, но я не имею чести дружить с ее величеством. Я всего лишь твой спутник. А значит, предоставлен самому себе. Никто не упрекает короля в отсутствии гостеприимства, но ты же сама видишь, как много народу отирается при дворе. У короля при всем желании не найдется отдельной комнаты для каждого. Ну а теперь идем, дорогая. Может, пригласим с собой лорда Лесли? – лукаво прищурившись спросил сэр Томас и слегка ущипнул кузину за руку.

– Мне не потребуется лошадь? – спросила Розамунда, делая вид, что не заметила его намека.

– Нет, милая девочка. Нам нужно лишь немного спуститься с холма. Дом находится буквально в нескольких ярдах от ворот замка. Эта старуха готовила для детей короля, пока они жили в Стерлинге. Однако твоя маленькая подружка, королева, совсем не обрадовалась, когда узнала, что Яков держит своих бастардов в этом замке, который ей так понравился. Точнее, она устроила такую сцену, когда столкнулась с этими маленькими сорванцами, что король почел за благо убрать их подальше с глаз долой. Ты ведь знаешь, что король подумывает о том, не объявить ли наследником трона своего первенца Александра; и королева боится, что он так и поступит, если она не родит ему здорового сына.

– Александр Стюарт – епископ в соборе Святого Эндрю, – уточнила Розамунда.

– Да, это так, и он удивительно хорошо справляется со своими обязанностями, несмотря на юные годы. Их с королем связывает самая глубокая любовь. И королева ревнует. Она знает, что даже если у короля родится законный наследник, Александр все равно останется его любимцем. Но с другой стороны, она и сама должна понимать, что первенец есть первенец.

– Как тебе удалось раздобыть все эти сведения, да еще с такими подробностями? – рассмеявшись, спросила Розамунда. – Мы же едва успели явиться ко двору!

Сэр Томас и леди Фрайарсгейт вышли из замка, пересекли просторный двор и теперь через широко распахнутые ворота направлялись вниз по длинной, вымощенной булыжником улице, по обе стороны которой стояли добротные каменные дома. Миновав три дома, они вошли в четвертый, и Том громко позвал:

– Госпожа Макхью! Я привел к нам мою кухню, и мы ужасно проголодались!

– Ваша кухня, говорите, милорд? – Из глубины темного коридора появилась высокая худая женщина.

– Это Розамунда Болтон, леди Фрайарсгейт, близкая подруга королевы, госпожа Макхью! Я уже говорил про нее, – представил кухню Том, а затем снял с себя теплую накидку и помог раздеться Розамунде.

– Вы только и делаете, что говорите, с той самой минуты, как сняли мой дом, – добродушно проворчала госпожа Макхью и, посмотрев на Розамунду, спросила, весело блеснув глазами: – Он хоть иногда умолкает, миледи?

– Боюсь, это случается слишком редко, госпожа Макхью! – с улыбкой ответила Розамунда и зябко поежилась от холода.

Заметив это, женщина засуетилась:

– Извольте пройти в гостиную, миледи. Я как раз затопила камин. Это самая теплая комната в доме. Я подам вам завтрак туда.

Госпожа Макхью поспешила на кухню, а Том и Розамунда прошли в гостиную, где действительно было намного теплее. Здесь жарко пылал камин, и Розамунда устроилась в удобном мягком кресле поближе к огню. Том подал ей небольшой бокал вина.

– Я не буду приставать к тебе с расспросами, пока мы не позавтракаем, – сказал он. – Не хочу, чтобы нас прерывали, а ты, насколько я понимаю, совсем не собираешься делиться своими новостями со всеми желающими.

Розамунда кивнула и пригубила сладкое вино.

– Ты сегодня в одном из самых любимых мною нарядов, – заметил сэр Томас. – Просто поразительно, как меховая опушка на рукавах меняет стиль всего платья! Я всегда любил куницу за цвет и мягкий мех.

Дверь в гостиную распахнулась, и госпожа Макхью внесла тяжелый поднос. Поставив его на полку, она сказала:

– Милорд, помогите мне пододвинуть стол к камину.

Стол переставили к камину, и Розамунда тут же придвинула к нему свое кресло. Госпожа Макхью проворно подала овсянку, яйца, ветчину и свежее испеченный хлеб. Кроме того, на столе появился кусок свежего коровьего масла, плошка с сушеной вишней и большая головка сыра. Убедившись, что все в порядке, хозяйка сделала реверанс и вышла.

Несколько минут Том и Розамунда ели молча. Насытившись, оба удовлетворенно вздохнули и дружно рассмеялись такому совпадению.

– Итак, дорогая девочка, я должен знать абсолютно все! – произнес Том. – Не вздумай о чем-то умалчивать!

– Мы стали любовниками, – призналась Розамунда, а сэр Томас согласно кивнул, казалось, нисколько не удивившись. Спесивые придворные, считавшие лорда Кембриджа недалеким болтуном, глубоко заблуждались. – И скоро я уеду с ним, Том. Я постараюсь объяснить

тебе все как есть, но умоляю держать это в тайне, потому что от этого зависит жизнь очень многих людей. Ты можешь пообещать мне это, кузен?

– Ты знаешь, Розамунда, как я люблю Англию, – с горячностью произнес Том, – но в то же время я терпеть не могу политику. Ты готова поклясться, что это не будет предательством с твоей стороны или с моей – из-за того, что я тебя выслушал?

– Это не будет предательством, Том, – заверила кузена Розамунда.

– Тогда я готов сохранить в тайне все, что ты расскажешь, моя милая девочка. Но разве я не делал это прежде?

– Делал, Том. Но это совсем другое. Хэл заключил союз со Святым престолом в Риме, обещая ему помочь выдворить французов из северных итальянских провинций. Венеция, Испания и Священная Римская империя присоединились к ним. Они даже назвали себя «Священной лигой». Хэл вынуждает короля Якова вступить в этот союз. До сих пор шотландский король имел прекрасные отношения с римским папой, но теперь, когда Англия настаивает на его присоединении к «Священной лиге», эти отношения под угрозой. Патрик рассказал мне, что собирается предпринять король Яков.

– Ага, – откликнулся лорд Кембридж, сразу же поняв, что к чему, – у шотландского короля давний союз с Францией. Король Яков – человек чести. Он еще ни разу не нарушал данного слова.

– Вот именно, – поддакнула Розамунда. – И король отправляет лорда Лесли в Сан-Лоренцо, где он когда-то служил послом Шотландии при дворе герцога, для тайной встречи с представителями Венеции и Священной Римской империи. Он надеется, что лорду Лесли удастся уговорить их покинуть «Священную лигу» и тем самым ослабить ее. Тогда Шотландия уже не будет выглядеть такой непокорной. Миссия увенчается успехом в том случае, если будет соблюдена строжайшая тайна. Когда лорд Лесли исчезнет из Стерлинга, все должны подумать, будто он вернулся домой. В конце концов, его ведь и так не было здесь целых восемнадцать лет и он не стремится завоевать расположение тех, кто наделен влиянием и властью. Он предложил мне поехать с ним. Я согласилась, но мое исчезновение пройдет не так незаметно, поскольку я лично была приглашена ко двору ее величеством и считаю ее близкой подругой. Мне придется солгать королеве. Я скажу, что получила известия о том, что одна из моих дочерей тяжело больна и я должна немедленно вернуться во Фрайарсгейт, однако непременно приеду к ней, когда настанет пора рожать, – и так я и собираюсь поступить.

– Ты хочешь, чтобы я отправился во Фрайарсгейт и поговорил за тебя с Эдмундом и Ричардом? Я правильно понял? – спросил Том.

– Да, Том, ты понял правильно, но это не все. Я доверяю тебе заботу о моих землях и моих дочерях на время моего отсутствия. Я не хочу давать Генри Болтону ни малейшей возможности подобраться к моим девочкам, чтобы через них отнять у меня Фрайарсгейт. Он непременно попытается заморочить голову Эдмунду и даже преподобному Ричарду, но тебя ему ни за что не провести. К тому же ты лорд Кембридж, а он всего лишь простой Генри Болтон. Я понимаю, что требую от тебя очень большой услуги, дорогой кузен. Ты собирался провести зиму здесь, при шотландском дворе, а весной проводить меня обратно домой, прежде чем снова вернуться в свое имение.

– Это верно, – подтвердил Том. – Но больше всего меня расстраивает то, что я не смогу отправиться с тобой в Сан-Лоренцо. Я слышал, что это чрезвычайно красивое маленькое герцогство на берегу моря.

– Я так и сказала Патрику, что ты обидишься, когда поймешь, что остаешься один, – ответила Розамунда и смущенно улыбнулась.

– А он, конечно, ужасно сожалеет из-за того, что лишается моего общества! – язвительно заметил Том.

– Прости нас, милый Том! – извиняющимся тоном произнесла Розамунда. – Совершенно неожиданно, и к немалому удивлению нас самих, мы успели по-настоящему полюбить друг друга и не в силах отказываться от возможности побыть вдвоем, пока этому ничто не препятствует.

– Ты собираешься выйти за лорда Лесли замуж? – не на шутку встревожился Том.

– Я не оставлю Фрайарсгейт, да и Патрик не оставит свой Гленкирк. Мы оба осознаем это, Том, и оба готовы удовлетвориться тем временем, что отпущено нам судьбою. Вот почему, когда король попросил Патрика поехать в Сан-Лоренцо, он поставил единственное условие: ехать только вместе со мной. Слишком скоро наш долг призовет нас разъехаться по домам, мой дорогой Том. Я не очень понимаю, что с нами случилось, и определенно не разбираюсь в том, почему судьбе было угодно сыграть с нами такую шутку, но впервые в жизни я полюбила по-настоящему. И на мою любовь отвечают взаимностью. Я провела всю жизнь, исполняя то, что требовалось от меня другим. А теперь я нашла свое счастье, и даже если оно будет коротким, я буду наслаждаться им сполна.

– Я сохранию тайну, милая кузина, и помогу создать завесу вокруг твоего исчезновения, а потом вернусь во Фрайарсгейт, чтобы стать опекуном твоим дочерям, пока ты не вернешься. Эдмунд – хороший управляющий и приятный собеседник, только слишком легко обыгрывает меня в шахматы. Не могу сказать, что мечтал именно так провести эту зиму, но я слишком люблю тебя, Розамунда, и сделаю все, как ты просишь. Когда мы уезжаем?

– Не раньше Крещения, – ответила Розамунда.

– А Логан Хепберн? Как быть с ним? Что сказать ему, когда он явится за тобой? А вдруг он не постесняется приехать сюда, ко двору, до того, как вы исчезнете?

– Я сожгу и этот мост, если придется, – решительно заявила леди Фрайарсгейт. – А если он появится во Фрайарсгейте и будет искать меня, скажи, что я уехала с любовником и это все, что тебе известно. Не хватало еще, чтобы какой-то наглец стоял у меня на пути!

– Он любит тебя, кузина, – попытался было напомнить Том.

– Он хочет от меня сына, – резко оборвала его Розамунда. – Пусть этот жеребец брюхатит кого-нибудь другого!

– Родные могут вынудить его сделать именно это, милая девочка. И что будет, когда вы с лордом Лесли решите расстаться и ты в конце концов захочешь принять ухаживание Логана Хепберна? – озабоченно спросил Том.

– Тогда я позволю ему стать моим любовником! – сердито бросила Розамунда. – Если он действительно любит меня, ему будет довольно и этого!

– Ты изменилась с того дня, как не стало Оуэна, – заметил Том. – Прежде ты была воплощением милой невинности, а теперь похожа на разъяренную дикую кошку. Но все равно я люблю тебя и даже понимаю твои чувства!

– Значит, ты единственный в мире человек, который способен на это, Том, и я очень тебе благодарна, – с чувством проговорила Розамунда. – Ты самый лучший мой друг на свете!

– Я знаю, что лорд Лесли не обидит тебя, – рассудительно произнес лорд Кембридж. – Скорее следует опасаться того, что ты сама себя обидишь. Постарайся не терять голову, Розамунда. Влюбленные так легко это делают!

– Обязательно, милый Том, – пообещала Розамунда. – Я влюблена, но не поглупела. Да и Патрик наверняка сумеет удержать меня от ошибок.

– Но кто, хотел бы я знать, защитит самого Гленкирка? – глубокомысленно произнес Том.

Глава 3

Логан Хепберн явился ко двору в последний день уходящего года. Он намеревался прийти на день раньше, но его задержала непогода.

– Я приехал жениться на своей девушке! – заявил Логан своему кузену графу Босуэллу.

– Почему ты так прикипел сердцем к этой английской вертихвостке, Логан? – Патрик Хепберн не скрывал своей тревоги и недовольства. – Неужели мало в Шотландии других красоток? Пойми, эта женщина не для тебя!

– Ты ее видел? – восторженно блеснув глазами, спросил Логан.

– Да, я ее видел и готов признать, что леди Фрайарсгейт хороша собой и обаятельна, но, увы, она не для тебя, – решительным тоном заявил граф Босуэлл.

От волнения Логан заерзал в скрипучем кресле, слишком тесном для его огромной фигуры.

– И с чего же это ты взял, кузен, что Розамунда Болтон не для меня? – В его голосе послышались угрожающие ноты.

Патрик Хепберн вздохнул. Он чувствовал себя не очень уютно под сердитым взглядом кузена. Ну и упрям же этот влюбленный олух, вбивший себе в голову, что должен непременно жениться на строптивой англичанке по имени Розамунда Болтон.

– Тебе никогда не приходило в голову, Логан, что она может вообще не хотеть замуж – ни за тебя, ни за любого другого мужчину?

– Но я люблю ее! – воскликнул лорд Клевенз-Карн.

– Для того чтобы жениться, недостаточно просто любить женщину, Логан, – назидательным тоном проговорил Патрик, но тут Логан перебил его:

– Что случилось?

Граф понял, что деваться некуда – придется сказать кузену всю правду. И чем скорее, тем лучше.

– Леди завела себе любовника. Это граф Гленкирк, и их чувства взаимны и настолько глубоки, что они даже не пытаются их скрывать. Так что о свадьбе можешь и не мечтать.

– Я прикончу графа Гленкирка! – вскипел Логан и вскочил на ноги. – Я предупреждал Розамунду, что уничтожу любого мужчину, который посмеет увести ее у меня! Где она? Где он?

– Сядь, Логан! – осадил кузена Патрик. – Граф Гленкирк – близкий друг нашего короля. Он вдовец, у него взрослый сын и внуки. Он не показывался при дворе без малого двадцать лет, но в это Рождество король вспомнил о нем и послал приглашение. И он явился в Стерлинг. Им с Розамундой Болтон достаточно было взглянуть друг на друга один раз, и хотя я не пытаюсь делать вид, что понимаю или одобряю это, но они стали любовниками в ту же ночь. Во всяком случае, так мне доложили. Их связывает редчайшее чувство в этом мире: настоящая любовь. Ты ничего не можешь с этим поделать, Логан.

– Она же знала, что я собираюсь на ней жениться! – с растерянным видом произнес Логан и плюхнулся обратно в кресло. «Почему Розамунда не желает понять такую простую вещь?» – недоуменно подумал он.

– Она говорила, что выйдет за тебя, Логан? Была ли между вами договоренность, оглашенная публично? – осторожно спросил Патрик. – Если да, то ты мог бы по крайней мере потребовать возмещения морального ущерба!

– Я сказал ей, что приеду в День святого Стефана и мы поженимся, – медленно проговорил Логан.

– А что она сказала в ответ? – спросил Патрик и весь напрягся в ожидании ответа.

Логан Хепберн замолчал, силясь вспомнить недавний разговор с Розамундой. В тот день он с людьми из своего клана помог ей поймать воров, угнавших из ее стада несколько овец. Он

сказал ей, что, хотя его называют Логаном, в честь родни по матери, его крестили Стефаном, в честь христианского святого, вот он и явится за ней в День святого Стефана, 26 декабря, и они сыграют свадьбу. Розамунда в ответ гордо выпрямилась в седле и, посмотрев Логану прямо в глаза, твердым голосом произнесла: «Я за тебя не выйду».

Но она, конечно же, не могла сказать это всерьез! Она не посмела бы сказать это всерьез. Она просто кокетничала и строила из себя недотрогу, как это принято у женщин в такой ситуации.

– Что она ответила? – вновь повторил свой вопрос Патрик.

– Она ответила «нет», – ответил ему Логан и тут же поспешно добавил: – Но она наверняка шутила.

– Судя по всему, нет, – язвительно возразил граф. – Я видел ее, когда она только появилась в Стерлинге. Розамунда Болтон не производит впечатления легкомысленной особы, которая сама не знает, чего хочет, и не в состоянии отвечать за свои слова. А ее чувства к Патрику Лесли поразительно чисты, точно так же, как и его чувства к ней. Ты сам все поймешь, когда увидишь их вместе.

– Ты сказал, что он старше ее? – спросил Логан.

– Да.

– Два первых мужа Розамунды были старше ее, причем от второго у нее были дети, и все девочки. Не кажется ли тебе, кузен, что она просто боится иметь дело с молодыми мужчинами, у которых горячая кровь? И не поэтому ли она увлеклась этим седобородым старцем графом Гленкирком.

Патрик Хепберн от души рассмеялся.

– Это только твои домыслы, Логан! Хотя граф Гленкирк и прожил полвека, его никак не назовешь седобородым старцем! Он хорош собой, и кровь у него не холоднее твоей! Да-да, он мужчина в расцвете сил, и его любовь к Розамунде Болтон не вызывает сомнений. Я дал бы голову на отсечение, что тут не обошлось без колдовства, но я не верю в такие вещи!

– Так просто я от Розамунды не откажусь! – запальчиво произнес лорд Клевенз-Карн. – Я люблю ее!

– У тебя нет выбора, Логан! У тебя просто нет выбора! – подвел черту граф Босуэлл. – Между прочим, твои братья не дают мне покоя, умоляя найти тебе жену. Я как мог отнекивался, уважая твои чувства к Розамунде Болтон. Но, как глава этой ветви нашего клана, я больше не могу рисковать судьбой Клевенз-Карна и намерен подыскать тебе достойную невесту, Логан. Ты женишься на ней и родишь наследников, потому что так нужно твоей семье. И выкинь из головы эту англичанку!

– Она застряла у меня не в голове, Патрик! Она сидит занозой у меня в сердце! – угрюмо произнес в ответ Логан. – У моих братьев есть сыновья. Пусть один из них займет когда-нибудь мое место хозяина Клевенз-Карна. А я не возьму в жены никого, кроме Розамунды Болтон, – решительным тоном добавил он. – Так где мне ее найти?

– Я не могу позволить тебе по-прежнему сходить с ума из-за этой женщины, – в раздражении заявил граф Босуэлл. – Если я приведу ее к тебе и она скажет, что не желает выходить за тебя, Логан, ты перестанешь дурить?

– Приведи ее ко мне.

– Что еще ты удумал? – пристально посмотрел кузену в лицо граф.

– Приведи Розамунду ко мне, – повторил Логан. – Ты даже можешь остаться с нами, чтобы убедиться, что я не устрою никакой каверзы.

– Очень хорошо, – согласился Патрик Хепберн. – Значит, завтра после мессы. А до тех пор ты будешь сидеть в моих апартаментах, Логан. Полагаю, так будет лучше для всех нас. Ты согласен?

– Я готов ждать здесь, кузен, – послышалось в ответ.

Граф Босуэлл отправил одно сообщение королю о том, что его кузен прибыл в Стерлинг, а другое – Розамунде с той же новостью и вежливой просьбой повидаться с лордом Клевенз-Карном в его апартаментах утром после мессы. Вскоре вернулся паж с ответом от короля и леди Фрайарсгейт. Розамунда сообщила, что готова встретиться с графом, но не после мессы, так как королева пригласила ее на прогулку верхом, а перед обедом.

– Передай леди Фрайарсгейт, что нас устраивает это время, – приказал граф пажу.

– Слушаюсь, милорд, – ответил мальчик и, почтительно поклонившись, вышел.

– Королева, будучи в положении, не боится ездить верхом? – удивился Логан.

– Едут верхом ее фрейлины, а она путешествует в коляске, – пояснил Патрик.

На следующий день Розамунда появилась в апартаментах графа Босуэлла в сопровождении своего кузена, лорда Кембриджа. Она была одета в роскошное платье из темно-зеленого бархата с оторочкой из бобрового меха и золотой вышивкой по корсажу. Маленький капор, сдвинутый как можно дальше на затылок, позволял увидеть роскошные золотисто-каштановые волосы. Граф ухмыльнулся, отметив про себя, что у этой красотки вид пресыщенной любовными утехами женщины. Да, Логан прозевал свое счастье и теперь вернуть Розамунду себе ему вряд ли удастся. В какой-то момент графу даже стало жаль своего незадачливого кузена.

– Вы желали видеть меня, лорд Босуэлл, – произнесла Розамунда.

– Скорее мой кузен, Логан Хепберн, хотел вас видеть, мадам, – ответил граф.

Розамунда слегка побледнела, но голосом своего волнения не выдала.

– Он здесь?

– Он ждет вас в соседней комнате, – ответил граф, указав на дверь.

– Он все знает, потому что вы наверняка все рассказали? – вполголоса спросила Розамунда.

Босуэлл молча кивнул.

– И он разозлился? – то ли спросила, то ли утверждала Розамунда.

– А вы ожидали иной реакции, мадам? – вопросом на вопрос ответил Патрик.

– Я никогда не давала согласия выйти за него, милорд, и хочу, чтобы вы это знали, потому что я не из тех женщин, что могут дать слово, а потом забрать его назад. Мой кузен подтвердит то, что я говорю правду.

– Леди Фрайарсгейт ответила вашему кузену отказом, хотя я не могу взять в толк почему, – вступил в разговор Том. – Парень он вполне ладный – как принято говорить у шотландцев. И, похоже, сильно влюблен в мою кузину.

– У нас, Хепбернов, не принято легко мириться с поражением, будь это осада замка или осада женского сердца, милорд, – проговорил граф Босуэлл. – И я здесь не более чем посредник. Леди Фрайарсгейт и мой кузен Логан должны сами все решить. Позвольте угостить вас виски, пока ваша кузина и мой кузен будут обсуждать свои проблемы?

– С удовольствием, – ответил Том и, коснувшись плеча Розамунды, добавил: – Ступай, милая девочка, и поскорее кончай с этим неприятным делом, чтобы и ты, и лорд Клевенз-Карн могли без помех идти дальше по жизни!

– Почему он просто не принял мой отказ? – слегка сдвинув брови, проговорила вполголоса Розамунда и, тяжело вздохнув, посмотрела на графа. – Вы уже нашли для Логана невесту? Его братья настаивают на том, чтобы он женился как можно скорее.

– У меня на примете есть одна или две подходящие особы, мадам, но мой кузен – большой упрямец. Вам придется постараться, чтобы он действительно поверил, что вы не хотите за него замуж.

– Я сделаю все, что в моих силах, милорд, потому что, Господь свидетель, я так сильно люблю графа Гленкирка, что даже час разлуки с ним кажется мне вечностью.

– Так идите, мадам, и постарайтесь убедить в этом моего кузена, – ответил граф и жестом пригласил Розамунду пройти в соседнюю комнату.

Войдя в нее, Розамунда плотно прикрыла за собой дверь и негромко произнесла:

– Доброе утро, Логан. Ты согласишься, если я скажу, что не желаю за тебя выходить?

– Нет, не поверю! – резко сказал Логан. – Что на тебя нашло, милая? Я состоятельный человек и предлагаю тебе честь по чести стать моей женой и носить мое почтенное имя. Ты будешь матерью моих детей и наследников Клевенз-Карна, Розамунда! Я и в мыслях не имел отнять у тебя Фрайарсгейт – если это тебя так пугает! Его наследница – Филиппа. И я уже говорил тебе об этом.

Логан не сводил глаз с лица Розамунды в надежде увидеть в его выражении хотя бы какое-то подобие любви.

Розамунда тяжело вздохнула:

– Ты так ничего и не понял, Логан, и, боюсь, никогда меня не поймешь.

– Что я должен понять? – угрюмо спросил Логан. – Что здесь вообще может быть неясного?

– Меня, – ответила Розамунда. – Ты не понимаешь ни меня, Логан, ни моих чувств. Подумай сам: я овдовела в третий раз, а мне всего двадцать три года! Я не хочу снова замуж! По крайней мере сейчас. И если когда-то мне все-таки захочется этого – выбирать себе мужа буду я сама, а не мой дядя Генри и не Маргарита Тюдор. Никто не будет решать за меня! Я всегда честно исполняла свой долг. Делала все, что положено делать леди Фрайарсгейт. А теперь я буду делать то, что захочу.

– И служить подстилкой для какого-то престарелого горца? Если это так, Розамунда, я всерьез начинаю задумываться над тем, в своем ли ты уме! – язвительно заметил Логан, чувствуя, как ревность охватывает его.

– Патрику Лесли действительно уже немало лет, – тихо промолвила Розамунда, – но его никак нельзя назвать старым. К тому же гораздо важнее для меня не его годы, а то, что он меня любит. За все время ты, например, ни разу не сказал, что любишь меня по-настоящему, а только твердил про то, как когда-то повстречал меня в Драмфи и тут же решил, что я буду тебе женой, потому что я такая красивая девочка. Ты собирался оказать мне честь, сделав своей женой, а еще хотел иметь от меня детей. Но ни разу не сказал, что любишь меня, что тебя тянет ко мне. Я знаю, что ты меня только хочешь. Ну а Патрик... он любит меня, а я – его. Мы оба поняли это в первое мгновение нашей встречи и с тех пор уже больше не расстаемся.

– Конечно, я люблю тебя по-настоящему! – выкрикнул в гневе Логан. – Неужели ты этого не знала?

– Откуда? Ты прожужжал мне все уши о том, что хочешь иметь наследников, и при этом не сказал ни слова о любви, – с достоинством ответила Розамунда.

– А ты, можно подумать, ни о чем и не догадывалась? – все больше сердился Логан. – Между нами существует нечто большее, чем просто добрые соседские отношения!

– Между нами ничего нет, – чеканным голосом произнесла Розамунда. – И как могло быть иначе? Я почти не знаю тебя, Логан Хепберн. А то, что я знаю, не очень-то мне нравится. Ты слишком нагло себя ведешь, сударь мой, и воображаешь о себе невесть что! У тебя хватило совести явиться в мой дом в день нашей свадьбы с Оуэном Мередитом! А потом, не успела я оплакать этого достойного человека, ты снова оказался тут как тут и сообщил, что я выхожу за тебя замуж, чтобы рожать тебе детей. При этом ты не спросил даже моего согласия, а просто известил о своих намерениях. Ну а меня они не устраивают! Я свободная женщина, хозяйка на своей земле, и я трижды выходила замуж в угоду другим людям. А теперь я буду поступать в угоду себе и Патрику Лесли! А не другим! Найди себе жену, Логан! Неужели во всей Шотландии нет женщины, способной удовлетворить твои запросы? Твой долг как лорда Клевенз-Карна – зачать наследников и положить начало новому поколению, которое будет править вашими землями после тебя и твоих братьев. Ты достойный человек и заслуживаешь доброй и любящей жены. А я люблю Патрика Лесли.

– Стало быть, в графини собралась? – с издевкой в голосе спросил Логан.

– Я не добиваюсь брака с графом Гленкирком. Он не собирается оставлять Гленкирк, а я – свой Фрайарсгейт. Но ты потрудись понять, что граф возьмет меня в жены, только если я того захочу. А я замуж не хочу. Все, чего я хочу, – немного женского счастья. Я нашла это счастье в любви графа Гленкирка. Твой долг хозяина Клевенз-Карна – как можно скорее жениться. Я свой долг исполнила, а ты свой – нет.

– У моих братьев есть законные наследники, – упрямо возразил Логан.

– Но ты прямой наследник владельцев Клевенз-Карна, – резонно заметила Розамунда. – И не их, а твои сыновья должны унаследовать родовой замок. Ты чертовски упрям, Логан, и ведешь себя как голодный мальчишка, которому досталась тарелка каши, а он хотел мяса. Ешь свою овсянку, Логан. Ешь и будь доволен!

– Я не смогу быть довольным без тебя, – не сдавался Логан.

– Значит, не видать тебе счастья как своих ушей. К тому же меня никто не обязывал делать тебя счастливым. Каждый из нас должен искать свой путь к счастью. Я свой нашла. А ты потрудись найти свой, Логан Хепберн. А теперь позволь с тобой попрощаться, – заключила Розамунда и повернулась к двери.

– Он не может любить тебя так, как я! – в отчаянии воскликнул Логан.

Розамунда обернулась и, счастливо блеснув глазами, произнесла:

– Ты понятия не имеешь о том, как граф меня любит, но для меня этого более чем довольно.

– Надеюсь, тебе однажды представится случай сравнить. Хотел бы я услышать, что ты скажешь тогда.

Розамунда хотела сказать в ответ что-нибудь язвительное, но передумала и громко рассмеялась:

– Неужели ты до самой смерти будешь так гордиться своими несравненными достоинствами, Логан?

– Молодой мужчина любит женщину совсем не так, как старый! Твой муж был старше тебя, и твой любовник тоже. Мне кажется, ты просто боишься молодых мужчин, – шипя от злости, выпалил Логан.

– Я не боюсь мужчин, Логан Хепберн, а уж тебя и подавно! – спокойным и твердым голосом произнесла Розамунда, затем сделала глубокий реверанс и вышла из комнаты.

– Ты сразила его наповал, кузина? – весело поинтересовался Том, когда Розамунда снова появилась в гостиной графа Босуэлла.

– Лорд Клевенз-Карн цел и невредим, если не считать его гордости, – с улыбкой отвечала Розамунда.

– И вы убедили его, что не выйдете за него замуж? – сгорая от любопытства, спросил граф.

– Он остается для меня загадкой, милорд. Я была с ним более чем откровенна, однако мне кажется, что он все еще лелеет надежду сделать меня своей женой. Мой вам совет: найдите симпатичную воспитанную девицу и жените вашего кузена как можно скорее. Если он не откажется от своей навязчивой идеи жениться только на мне, то все кончится тем, что в один прекрасный день Клевенз-Карн унаследуют сыновья его братьев. Впрочем, это ваше семейное дело. А я благодарю вас, милорд, за посредничество в этом неприятном деле. Мы идем, Том? – обратилась Розамунда к кузену и направилась к выходу. Лорд Кембридж, будучи уже изрядно пьян, едва сумел встать с кресла.

– Благодарю вас за угощение, милорд, – проговорил он заплетающимся языком и неловко двинулся следом за кузиной.

Как только гости удалились, Логан вошел в гостиную и с видом обиженного ребенка плюхнулся в кресло, в котором до этого сидел Томас Болтон.

– Ну, теперь ты поверил, что леди Фрайарсгейт для тебя потеряна? – спросил кузена граф Босуэлл.

– Она все время твердит, что не выйдет за меня, – раздраженно ответил Логан. – Но я уверен, что скоро ей прискутит этот любовник и граф Гленкирк уберется восвояси к себе в горы.

– Где твоя гордость, кузен? – сердито спросил граф Босуэлл.

– Я люблю Розамунду, но никогда не пытался доказать ей свою любовь, никогда не пытался ее убедить. А оказывается, женщинам надо постоянно слышать, что их любят, тогда они верят. И какой же я был прежде дурак!

– Розамунда сказала, что любит тебя, Логан? – продолжал свои расспросы граф Босуэлл.

– Нет, но когда она порвет с графом Гленкирком, то непременно вернется во Фрайарсгейт. И уж тогда я буду ухаживать за ней по всем правилам, Патрик, и она меня полюбит. Я это знаю!

– У тебя не осталось времени, кузен, – заметил граф. – Тебе давно уже за тридцать, а ты так и не имеешь законного наследника! Я нашел для тебя невесту, и вы поженитесь, прежде чем ты покинешь Стерлинг. Она твоя дальняя кузина по материнской линии. Ее зовут Джинни Логан. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет. Она единственная дочь в семье, и ее мать родила еще пятерых сыновей. Это хорошая партия для тебя. Девушка получает приличное приданое в золотой монете, не считая одежды, столового серебра и прочего. Король уже дал свое согласие на ваш брак.

– Ты обратился к королю без моего ведома?! – возмущенно воскликнул Логан. – Ты не имеешь права, Патрик! Я даже и не посмотрю на эту девчонку! Нет! Тысячу раз нет!

– Я имею полное право, кузен, поскольку являюсь главой клана. К тому же я подписал сегодня брачный контракт. Розамунда Болтон не захотела выходить за тебя, и больше тебя ничто не связывает, Логан. Ты должен жениться ради благополучия Клевенз-Карна. Джинни Логан – хорошая девушка. И к тому же очень симпатичная. Из нее выйдет превосходная жена и чудесная мать для твоих будущих сыновей.

– Я не хочу терять Розамунду! – в отчаянии проговорил Логан и закрыл лицо ладонями.

– Ты уже потерял ее, кузен. Женись на малютке Джинни Логан, и через год у тебя уже будет сын, если ты добросовестно исполнишь свой супружеский долг. А я знаю, что ты это сделаешь, – наставлял граф Босуэлл своего молодого родственника.

– Но я не смогу полюбить эту девушку! – снова воскликнул Логан.

– Ты привыкнешь к ней, а потом и полюбишь. Но даже если этого не произойдет, твоя жизнь будет немногим отличаться от жизни большинства мужчин. Мы женимся ради наследников. Постарайся не обижать эту малютку, будь с нею терпелив и добр, и все пойдет как по маслу, – проговорил граф Босуэлл и по-отечески потрепал Логана по плечу.

– Позволь мне сначала взглянуть на Розамунду и графа Гленкирка. Я должен увидеть это своими глазами, прежде чем женюсь на другой, Патрик!

– Хорошо, сегодня вечером. Король с королевой устраивают маскарад и приглашают всех желающих. Розамунда Болтон и Патрик Лесли тоже будут там. Ты сможешь все увидеть собственными глазами. Эти двое любят друг друга.

– Вот я и погляжу на них сам, – буркнул Логан.

– А когда ты убедишься, то позволишь мне назначить день свадьбы, – подхватил граф Босуэлл.

Лорд Клевенз-Карн, помолчав, тяжело вздохнул и сказал:

– Да, я не буду возражать, Патрик.

– Отлично! – с довольным видом воскликнул граф. – Твоя семья наконец-то успокоится и перестанет надоедать мне просьбами. Ты еще поблагодаришь меня за хороший выбор, Логан. Девушка кроткая как овечка и совершенно невинна. Отец уже решил, что отдаст ее в мона-

стырь, когда я попросил ее руки для тебя. Она воспитана в монастыре, обучена хорошим манерам и тому, как содержать дом. Она будет послушной женой и воспитает набожными твоих сыновей. Тебе повезло с невестой.

Логан стал мрачнее тучи. Набожная девственница. Разве может мужчина требовать большего от своей невесты? Он снова вздохнул.

– На нее хоть не страшно смотреть, Патрик? – спросил он упавшим голосом.

Граф усмехнулся, считая этот вопрос добрым знаком.

– Да, она вполне хорошенькая. У нее такие же живые синие глаза, как у тебя. Волосы цвета меда из нектара полевых цветов. Кожа здоровая и гладкая, и все зубы на месте. Она хорошо сложена, хотя грудь пока маловата. Но ведь она еще совсем девочка, а при должном уходе наверняка поправится. Вот увидишь, твоим сыновьям молока хватит с избытком.

– И где же ты собирался познакомить меня с этой набожной девственницей, дорогой кузен? – поинтересовался Логан.

– Я сегодня же вас познакомлю. Ради ее безопасности королева включила девицу в свою свиту, хотя я ума не приложу, какую безопасность это может гарантировать. Давай устроим свадьбу на Крещение. Когда я получу доказательства того, что она стала твоей, можешь увезти ее домой.

– Значит, ты все равно мне не доверяешь! – с грустной улыбкой заметил Логан.

– Это одно из условий отца девушки: брак следует совершить немедленно. Роберт Логан – человек старой закваски, кузен. Он из тех, кто еще вывешивает на воротах окровавленную простыню после первой брачной ночи. Он заботится о благополучии Джинни. Она его заслужила. Ты ведь не будешь возражать, поскольку у тебя в отношении нее самые честные намерения, приятель?

– Если я решусь на брак с ней – то да, мои намерения будут честными, – согласился Логан.

– Ну, значит, через пару часов ты своими глазами увидишь вместе Розамунду Болтон и Патрика Лесли, затем познакомишься с Джинни. Поверь, ты не пожалеешь о том, что женился на этой девушке. Скажу, что сегодня ты принял верное решение.

– Это ты вынудил меня, Патрик. Я бы никогда не сделал ничего подобного по своей воле, – тихо промолвил Логан.

– Ты не можешь до скончания века дожидаться, пока несравненная леди Фрайарсгейт решит, что хочет стать твоей женой. Она дала тебе ясно понять, что ты ей не нужен! – раздраженно заметил граф Босуэлл.

– Нет, она дала ясно понять, что я вел себя как самовлюбленный болван и что мне придется дорого за это заплатить, – задумчиво произнес Логан.

– Прими то, что тебе посылает судьба, – посоветовал граф, – и постарайся употребить это с наибольшей пользой. Иначе вечно будешь недоволен жизнью.

Логан горько рассмеялся в ответ и добавил:

– Только что Розамунда посоветовала мне сделать то же самое, и почти в таких же выражениях!

– Я все больше уважаю эту леди, кузен, – заметил Босуэлл. – Она мудра не по годам. И если ты не хочешь прислушаться ко мне – прислушайся хотя бы к ней.

– У меня нет выбора, – согласно кивнул Логан. – Да ты не бойся, Патрик. Я не обижу эту твою малютку. Если уж я возьму ее в жены, то буду относиться с уважением, как и положено. Это же не ее вина, что я такой болван и что леди Фрайарсгейт меня не любит!

– Ну и отлично, – с облегчением произнес граф.

Мужчины проговорили еще какое-то время. Граф Босуэлл продолжал расхваливать достоинства будущей невесты лорда Клевенз-Карна. Он не сомневался, что нашел своему кузену прекрасную партию.

Когда наступил вечер, граф Босуэлл и Логан Хепберн в числе прочих придворных вошли в тронный зал королевского дворца, где проходил маскарад. На галерее разместились целая толпа музыкантов, и над залом, заполненным пестрой толпой, лились одна за другой веселые мелодии. Между гостями сновали лакеи и служанки с подносами, на которых стояли блюда с закусками и кувшины с элем и вином. Зал был украшен гирляндами из остролиста и сосновых веток. Повсюду горели восковые свечи. В каминах жарко полыхали толстые поленья.

Сев за накрытый для гостей стол, граф Босуэлл огляделся вокруг и, слегка наклонившись к сидящему рядом кузену, произнес:

– Вон там, за следующим столом.

Логан обернулся и увидел Розамунду в обществе графа Гленкирка. Они были буквально поглощены друг другом и, казалось, никого вокруг не замечали. В эти минуты Розамунда показала Логану еще прекраснее. Ее лицо светилось от любви к мужчине, сидевшему рядом. И он смотрел на нее таким же влюбленным взглядом.

– Черт побери... – в сердцах ругнулся Логан и, повернувшись к кузену, угрюмо добавил: – Можешь назначать день свадьбы с Джинни Логан.

Граф с готовностью кивнул и тихо произнес:

– Тогда, дружище, взгляни на самый конец нашего стола. Видишь там девушку в голубом платье? Это и есть Джинни Логан. Что скажешь?

Логан бросил в ту сторону, куда указал граф, короткий взгляд. Джинни показалась ему довольно привлекательной, особенно когда робко улыбнулась в ответ на какую-то шутку своего соседа по столу.

– У нее уже есть ухажер, – заметил он, – но она довольно симпатичная. Скажи мне, Патрик, а ее юное сердечко не привязано к кому-то другому? Я не хочу отнимать ее у кого-то, кто ее любит.

– С восьми лет она не выходила за стены монастыря. Она лишь на днях появилась при дворе, и королева пожелала взять ее под свое покровительство. И мне неизвестно ни об одном ее кавалере, кузен.

– Ты знаком с ней, Патрик?

– Да. Мы с ее отцом старинные друзья, – пояснил граф.

– Девушка знает о твоих планах, кузен? – снова спросил Логан.

– Я намекал ей на это, – ответил Босуэлл. – Она знает, что у меня на примете есть для нее жених и что она может с ним познакомиться при дворе.

– А что бы ты стал делать, если бы Розамунда Болтон не полюбила другого и согласилась выйти за меня?

– Тогда мне пришлось бы срочно искать милой Джинни другого жениха, но ведь этого не случилось. Не так ли, Логан?

– Нет, не случилось. Девушка хороша собой, молода и прекрасно воспитана. Если я не могу жениться на Розамунде, эта девушка подойдет ничуть не хуже прочих, – резонно заметил Логан.

– Это не такой уж плохой выход, кузен, – заметил граф.

– Тогда познакомь меня с ней, и чем скорее, тем лучше, ведь тебе не терпится поженить нас. Пусть девушка хоть немного успеет привыкнуть к мужчине, которому будет принадлежать до конца своей жизни, – сказал Логан и решительно встал из-за стола. Граф последовал за ним.

Мужчины прошли в самый конец длинного стола. Патрик Хепберн остановился возле молоденькой девушки, и она, заметив его, в ту же секунду вскочила.

– Милорд Босуэлл, – робко проговорила она и присела в почтительном реверансе. При взгляде на стоявшего рядом с графом мужчину ее сердечко забило в ожидании важных новостей.

– Что я слышу, моя милая Джинни? Если мне не изменяет память, в прошлый раз я был для тебя дядей Патриком, – добродушно проворчал Босуэлл. И, приподняв указательным пальцем милое девичье личико, чмокнул ее в свежие губки. – Тебе хорошо живется у ее величества?

– О да, дядя Патрик! – смущенно отвечала Джинни.

– Ну, милочка, тебе все равно недолго там оставаться, потому что ты выходишь замуж. Твой отец уже говорил тебе об этом, не так ли?

– Да, – еле слышно произнесла в ответ девушка и густо покраснела.

– Тогда позволь познакомить тебя с моим кузенком, чья матушка, упокой Господь ее безгрешную душу, была членом нашего клана. Джинни, это Логан Хепберн, лорд Клевенз-Карн. И ты выйдешь за него замуж на Крещение здесь, в Стерлинге.

– Госпожа Джинни. – Логан склонился в почтительном поклоне над маленькой девичьей ручкой и поднес ее к губам. Коснувшись ее поцелуем, он почувствовал, как девушка вздрогнула. Она была так невинна и незащищена, что Логану вдруг захотелось стать ее защитником и покровителем.

– Милорд. – Джинни подняла застенчивый взгляд и посмотрела Логану в глаза открыто и прямо.

Он улыбнулся в ответ, находя ее смущение очаровательным. Бедная девочка, она с самого начала лишена права выбора и практически не имеет представления о том, что такое семейная жизнь. И тут в одно короткое мгновение Логан вдруг осознал, что вынуждена была пережить в свое время Розамунда.

– У нас не так уж много времени, чтобы хоть как-то узнать друг друга, госпожа Джинни, – произнес он.

– У нас с вами впереди целая жизнь, милорд, – отвечала девушка на удивление рассудительно. – Многие девушки не успевают даже взглянуть на жениха, как уже оказываются перед алтарем.

– И это часто становится для них шоком, – заметил Логан.

Джинни улыбнулась и торопливо добавила:

– Это шок для обеих сторон, милорд!

В эту минуту Логан подумал, что девушка должна ему понравиться. Оставалось надеяться лишь на то, что и он понравится ей.

– Я оставлю вас, чтобы вы лучше познакомились, – прервал беседу молодых граф Босуэлл и поспешно удалился.

Возникла долгая неловкая пауза. Наконец лорд Клевенз-Карн взял Джинни за руку и сказал:

– Давайте отойдем куда-нибудь в сторонку и побеседуем, госпожа.

– С удовольствием, – согласилась Джинни Логан и послушно последовала за лордом Клевенз-Карном. Она была такого маленького роста, что рядом с ней Логан возвышался как скала.

– Должен сказать вам, госпожа Джинни, что предпочитаю честность и прямоту во всем, и потому считаю себя обязанным спросить: хотите ли вы выйти за меня замуж?

– Да, – тихо, но достаточно уверенно произнесла Джинни.

– И ваше сердце не отдано никому? – вновь спросил Логан. – Если же это не так, я не стану принуждать вас к браку.

– Мое сердце будет принадлежать вам, милорд, и никому другому, – с чувством отвечала Джинни Логан.

Лорд Клевенз-Карн одобрительно кивнул и продолжил:

– У меня есть двое братьев и замок Клевенз-Карн. Он стоит на самой границе. Мы не богаты, но пользуемся определенным достатком. Мой замок невелик, но достаточно уютен, и вы будете в нем полной хозяйкой.

– Вы не были женаты прежде, милорд? – спросила Джинни.

– Ни разу.

– Почему? – удивилась девушка.

– Это долгая история, – неохотно ответил Логан.

– Я люблю слушать истории, – тихо промолвила Джинни.

– Сдается мне, что от вас ничего не скроешь, – невесело усмехнулся Логан и добавил: – Что ж, тем лучше. Много лет подряд я добивался руки нашей соседки-англичанки. Ее опекун постоянно отвечал мне отказом, и, после того как дважды выдал ее за других мужчин – эти браки заключались с нею еще в детском возрасте, – я решил, что пришло наконец и мое время. Но король Англии выдал ее за одного из своих рыцарей. Это был хороший союз. У них родились дети, а потом ее муж погиб в результате несчастного случая. Я снова просил ее руки, но она не пожелала выходить за меня замуж. Поскольку мне давно уже исполнилось тридцать лет, мои родные обратились к лорду Босуэллу с просьбой найти мне приличную партию. И он выполнил их просьбу.

– Я считаю, что эта леди, о которой вы только что рассказали, совершила глупость, – задумчиво проговорила Джинни. Она вдруг остановилась и посмотрела Логану в глаза. – Я ни минуты не сомневаюсь, что буду счастлива, став вашей женой.

Логан улыбнулся, глядя сверху вниз на Джинни. Безусловно, он всю свою жизнь будет сожалеть о Розамунде, но это не помешает ему стать хорошим мужем для этой милой девушки.

– Тогда и я наверняка буду вами доволен, госпожа Джинни. Полагаю, мне повезло, что я встретил вас. – Логан наклонился и осторожно поцеловал девушку в губы. – Это для того, чтобы скрепить наш договор, милая.

Джинни снова покраснела и простодушно призналась:

– Меня еще никогда в жизни не целовал в губы мужчина!

– Отныне только я буду целовать твои сладкие губки, Джин Логан, – проговорил тихим голосом Логан. – Сейчас я отведу тебя назад, и мы скажем лорду Босуэллу, что согласны пожениться.

Он снова взял девушку под руку и повел не спеша сквозь толпу гостей. Разыскав Босуэлла, Логан подошел к нему и сказал:

– Кузен, мы с госпожой Джинни обо всем договорились. Ты можешь назначить нашу свадьбу на Крещение.

– Превосходно! – радостно воскликнул граф Босуэлл. – Теперь давайте поговорим с королем.

Граф Босуэлл повел Логана и Джинни к трону, с высоты которого король наблюдал за гостями.

– Ну, милорд, и что у вас за новости? Почему у вас такой довольный вид? – поинтересовался Яков Стюарт.

– Ваше величество, кажется, вам не был представлен мой кузен, лорд Клевенз-Карн, – начал граф, почтительно поклонившись, – а это его нареченная невеста, госпожа Джин Логан. Она его дальняя родственница по материнской линии. Они просят вашего позволения сыграть свадьбу в Стерлинге в день Крещения.

Густые темные брови Якова от удивления поползли вверх. Разве это не тот самый лорд Клевенз-Карн, который считал женитьбу на обаятельной леди Фрайарстейт решенным делом? Король уже собрался было спросить об этом, но тут решил, что, если он не ошибся и это действительно тот человек, миловидная девица, названная его невестой, вряд ли знает о том, что ее будущий муж добивался любви Розамунды Болтон. И теперь это уже не имеет значения. Англичанка откровенно влюблена в графа Гленкирка, а лорд Клевенз-Карн собирается жениться на другой. Может быть, это и к лучшему.

– Они получат наше позволение, – произнес после паузы король, – и пусть свадьбу сыграют в нашей часовне. Мы с ее величеством будем свидетелями этого союза. – Яков милостиво улыбнулся, отметив про себя тот факт, что от восторга у невесты заблестели глаза. – Подойди, милая, – приказал он, – вырази благодарность своему королю! – Яков подал руку для поцелуя.

– Ох, сир! – только и смогла пролепетать Джинни, краснея до самых корней волос. – Ох, сир! – снова повторила она и припала в поцелуе к протянутой руке. – Благодарю вас, ваше величество, за эту честь! – поблагодарила она, присев в низком реверансе.

– А вы, Логан Хепберн, довольны таким союзом? – спросил король и посмотрел на Логана таким пристальным взглядом, словно хотел заглянуть ему в самую душу.

– Я прислушался к советам моего почтенного кузена, графа Босуэлла, и остальных родственников и решил, что мне действительно давно пора жениться, милорд. Госпожа Джинни будет для меня хорошей женой, – уклончиво ответил лорд Клевенз-Карн.

– Да снизойдет на вас обоих благословение Господа и Пресвятой Девы Марии. Пусть они наградят вас многочисленным потомством, – сказал король и хитро улыбнулся. Похоже, любвеобильный Логан Хепберн наверняка успел убедиться, что Розамунда совершенно околдована лордом Лесли, и поддался на уговоры своих родных. Ну что ж, его невеста хороша собой и прекрасно воспитана. Не исключено, что из нее получится более подходящая для Логана Хепберна жена, чем эта красавица англичанка.

Король жестом дал понять, что аудиенция окончена, и все трое, почтительно поклонившись, удалились.

Яков Стюарт откинулся в кресле и вполголоса сказал жене:

– Лорд Клевенз-Карн женится на Крещение в нашей часовне на своей кухне.

– Кто она? – живо заинтересовалась Маргарита Тюдор.

– Юная девица, ее зовут Джинни Логан, – тихо ответил король.

– Я ее знаю, – кивнула королева. – Она совсем недавно попала ко мне на службу. Ее привел Босуэлл. Милая крошка.

– На твоём месте я бы сообщил это твоей несравненной англичанке, – посоветовал король.

– Да-да, я непременно ей скажу. Но вряд ли это заставит ее волноваться. Она слишком увлеклась лордом Лесли, – заметила Маргарита Тюдор. – Подумать только, как она успела измениться с тех пор, как жила при дворе моего отца! Тогда она была совсем юной и наивной! Теперь же она обрела самостоятельность и независимость во взглядах и упрямо не желает жить по чьей-либо указке.

– Почему-то мне кажется, что ты тоже мало похожа на ту скромную девушку, которой была прежде, моя королева, – с лукавой усмешкой заметил король. Ему было забавно слышать, как строго осуждает его супруга поведение своей старинной приятельницы. – С тех пор как вы познакомились, прошло немало лет. И в твоей жизни, и в ее произошло множество событий.

– Да, – согласилась королева, – Розамунда успела родить трех дочерей и потерять очередного мужа, пока я теряла одного за другим наших детей. Но этого ребенка я не потеряю! На этот раз я чувствую себя совсем по-другому! Этот ребенок намного сильнее. Он так сильно толкается у меня в животе! – Маргарита посмотрела на мужа взглядом, полным отчаяния и надежды одновременно.

– Да, этот ребенок выживет. Я точно знаю, – поспешил заверить супругу король.

Она взяла мужа за руку и с чувством поцеловала:

– Спасибо, дорогой! Спасибо тебе!

– Тише, милая, иначе весь двор начнет шептаться о том, что королева влюблена в своего мужа! – Яков осторожно высвободил руку.

– Но я действительно тебя люблю! – воскликнула Маргарита. – Это правда!

– Знаю, Мег, и я тоже тебя люблю. – Яков снисходительно похлопал жену по щеке и тут же отвернулся, обратившись с вопросом к одному из придворных, который упорно добивался внимания короля.

Вечер подходил к концу. Королева кивнула своему личному пажу, и он в ту же секунду оказался рядом.

– Найди леди Фрайарсгейт и скажи, что я хочу поговорить с нею сейчас в моем личном кабинете.

– Слушаюсь, ваше величество, – ответил мальчик и отправился разыскивать Розамунду. Королева встала, и ее фрейлины тут же бросились к ней.

– Не беспокойтесь, – отстранила их Маргарита. – Оставайтесь и веселитесь в свое удовольствие. Я пока не хочу спать и буду у себя в кабинете.

Королева молча пересекла зал и вышла в коридор, который вел в ее апартаменты. Войдя в гостиную, она приказала находившейся там служанке:

– Ко мне должна прийти леди Фрайарсгейт. Впустите ее, как только она явится.

– Слушаюсь, ваше величество, – ответила девушка, присев в реверансе.

Маргарита Тюдор удобно устроилась в кресле у огня, скинула туфли и с наслаждением пошевелила пальцами. Отворилась дверь, и на пороге появилась Розамунда.

– Налей нам по бокалу вина, – приказала королева, – и устраивайся рядом. У меня есть для тебя кое-что интересное.

Розамунда, налив вино в бокалы, заняла место напротив королевы и тоже скинула с ног туфли.

– Вот так-то лучше, – сказала она и пригубила вино.

– Ты все еще питаешь какие-то чувства к Логану Хепберну? – начала королева издалека.

– Нет. С чего это вдруг стало тебя волновать? Я по-прежнему считаю, что он как был наглым приставалой, так им и остался. Между прочим, он сейчас здесь, в Стерлинге! Я встречалась с ним по настоянию Босуэлла и сказала, что не выйду за него и что люблю Патрика Лесли.

– Он играет свадьбу на Крещение, – сообщила королева.

– Кто играет свадьбу? – в недоумении спросила Розамунда.

– Логан Хепберн! Он женится на той милой малютке Джинни Логан, что недавно находится у меня в услужении!

– Это та тихоня с синими глазками, от которой и слова не услышишь? – спросила Розамунда. – Вот так дела! Босуэлл не стал откладывать свадьбу, хотя сдается мне, что он замыслил это с самого начала!

– Так ты не считаешь себя оскорбленной? – спросила Маргарита. Похоже, она была разочарована услышанным.

– Нет, не считаю. Логану Хепберну давным-давно следовало расстаться со своими глупыми мечтаниями обо мне и жениться на девушке из приличной семьи. У него нет наследника, но есть долг перед родными, и я рада, что он наконец-то сподобился внять голосу рассудка.

– Стало быть, ты действительно влюблена в Патрика Лесли? – продолжала свои расспросы королева.

– Я действительно в него влюблена, – твердым голосом ответила Розамунда.

– Я чувствую себя ответственной за все, что с тобой случилось, – произнесла королева. – Если бы не мое приглашение на Рождество, ты никогда бы не повстречалась с Патриком Лесли. И Логан Хепберн мог бы силой притащить тебя к алтарю, Розамунда! Я снова спасла тебя, как спасла от своего брата много лет назад!

– А ведь ты права! – рассмеялась Розамунда. – Если бы я не приехала на встречу с тобой именно сейчас, то никогда бы не познакомилась с Патриком Лесли. Но поверь мне, Логан Хепберн никогда бы силой не привел меня к алтарю. Если мне суждено снова выйти замуж, то я сделаю это исключительно по любви и по собственной воле, а не чьей-то указке.

– Значит, ты не забыла советы нашей бабушки? – усмехнулась королева.

– Я их прекрасно помню!

– Хотела бы я знать, что бы она сказала про нас сегодняшних. Почему-то мне кажется, что она одобрила бы твой выбор, я имею в виду графа Гленкирка. Не важно, что он уже немолод. Бабушка всегда уважала женщин, умевших настоять на своем. Ты выйдешь замуж за лорда Лесли?

– Нет, – покачала головой Розамунда. – И прежде чем ты начнешь расспрашивать меня, позволь все объяснить. У Патрика есть долг перед Гленкирком. У меня есть долг перед Фрайарсгейтом. Ни один из нас не собирается пренебрегать своим долгом. Нас устраивает такое положение вещей и те отношения, которые сложились между нами. Ты, наверное, не поймешь меня, Мег, но не пытайся вмешиваться. Обещай, что не станешь устраивать наши дела так, как кажется правильным тебе.

Королева вздохнула:

– Я просто хочу, чтобы ты была счастливой.

– Я уже счастлива, – радостно блеснув глазами, заверила Розамунда.

– Но однажды вам придется расстаться, – заметила Мег.

– Знаю, – ответила Розамунда. – Но это только обостряет наши чувства, делает их сильнее. Никому не дано постоянно быть счастливым. И ради этих дней с графом Гленкирком я готова пожертвовать отношениями с любым другим мужчиной. Лучше я познаю упоение истинным счастьем – пусть даже оно и окажется недолгим, – чем не познаю его никогда. Со мною останутся воспоминания о том, как хорошо нам было вдвоем. И сны о прошлом, в которых мы снова вместе, на долгие годы разлуки.

– Ты оказалась гораздо отважнее меня, Розамунда, а ведь я никогда бы о тебе так не подумала, – задумчиво проговорила королева и снова вздохнула. – Мое чувство безопасности обязательно должно быть подкреплено брачными узами. Мне требуется быть уверенной, что мой муж никуда не денется, хотя время от времени он и любит гулять на сторону. А вот ты не боишься остаться без мужчины.

– По-моему, я была одинока всегда, даже когда была замужем, а сейчас, с Патриком, я не чувствую себя одинокой, – ответила Розамунда.

– Но ты писала, что Оуэн тебя любит, – напомнила королева.

– Ох, он и правда меня любил, и мне повезло с ним как с мужем! Но Оуэн с детства привык служить тем, кого считал выше себя. И он до самого конца так и не смог избавиться от легкого почтения передо мною как перед хозяйкой Фрайарсгейта. Благослови Господь его душу, он никогда не принимал решения, не посоветовавшись со мной. Ему ни разу и в голову не пришлось оспорить мой авторитет. И он любил Фрайарсгейт.

– А разве ты не любила Оуэна? – удивилась королева. – Помнится, он казался тебе более чем приличной партией!

– Конечно, со временем я полюбила Оуэна, и сейчас мне есть с чем сравнивать. С уверенностью могу сказать, что мои чувства к Патрику Лесли неизмеримо глубже. Моя любовь к графу Гленкирку – дар судьбы, благодать, ниспосланная мне. – Розамунда мечтательно улыбнулась. – Вот какая у нас получилась душевная беседа. А все началось с того, что ты захотела рассказать мне о женитьбе Логана Хепберна. Я искренне желаю ему счастья.

– А ты пожелай счастья его невесте, – хитро улыбнулась королева. – Девчонка непременно передаст ему все твои слова, и вы будете квиты за то представление, которое он заказал на вашей свадьбе с Оуэном! Я не сомневаюсь, что он все еще любит тебя, Розамунда. А женится в угоду своей семье.

– Все, на что у него хватало ума, – это рассуждения о том, как ему нужен наследник, которого я непременно ему рожу. Я чувствовала себя племенной кобылой, приготовленной к случке! Но когда я говорила с ним в апартаментах лорда Босуэлла, он заявил, что я сама должна

была догадаться, что он меня любит, хотя об этом не было сказано ни слова, – возмущенно произнесла Розамунда.

– А вот это и вправду чисто по-мужски! – заметила королева и рассмеялась.

– Верно, – согласилась Розамунда и поднесла ко рту кубок с вином. – Надеюсь, Логан будет доволен. Я сама так довольна жизнью, что и другим желаю того же.

– У тебя всегда было доброе сердце! – с теплотой в голосе произнесла Маргарита. – Я рада, что мы снова вместе, Розамунда. Ты, наверное, уже соскучилась по Фрайарстейту?

– Не так отчаянно, как это случалось в молодости, – ответила королеве Розамунда. – Теперь я больше скучаю по моим дочкам. Когда не стало Оуэна, Екатерина Испанская настояла на том, чтобы я приехала ко двору, и я не посмела ослушаться, но это далось мне с большим трудом. Филиппа, моя старшая, уже все понимала и очень тосковала в мое отсутствие. Хотя Мейбл говорит, что она очень похожа на меня и хорошая, послушная девочка. Ну а двум моим младшим еще было невдомек, что мама уехала. Они едва узнали меня, когда я вернулась.

– И тут подоспело мое приглашение, – добавила Маргарита Тюдор.

– Я могла отказаться от него, но мы с тобой настолько близки, что у меня не хватило духу. К тому же путь до Эдинбурга намного короче, чем до Англии, – слегка улыбнувшись, добавила Розамунда.

– К тому же мое приглашение стало предлогом для того, чтобы сбежать от лорда Клевенз-Карна! – заключила королева и лукаво прищурилась.

– Да, это так, – согласно кивнула Розамунда. – Хотя священник во Фрайарстейте его родственник, он не стал бы принуждать меня к браку, если бы я твердо сказала «нет». И все равно это было бы для меня нелегко. Зато здесь, в Стерлинге, Логану пришлось отказаться от своих намерений под воздействием графа Босуэлла. Вряд ли Патрик Хепберн был в восторге от того, что его кузен решил жениться на англичанке. Я успокоила его и сказала, что не собираюсь выходить за Логана. Я спросила, нет ли у него на примете подходящей невесты, но этот скрытый дьявол не ответил мне ничего определенного. А выходит, что он уже тогда сговорился с родными госпожи Джинни!

– Да, Патрику не откажешь в уме, – заметила Маргарита. – Он поддерживал моего мужа еще до того, как ему достался трон. А король никогда не забывает тех, кто был ему предан. Он был всего-навсего Хепберном из Хэйлса, пока Яков не сделал его одним из самых влиятельных вельмож в нашем королевстве. Теперь он тащит за собой ко двору всех родных и близких, как и полагается в подобном случае. Мой муж сохранил с ним хорошие отношения. И если бы он попросил у Якова твоей руки для Логана Хепберна, ты никуда бы не делась – стала бы его женой как миленькая!

– Но ведь я англичанка! – воскликнула Розамунда, не скрывая своего возмущения.

– Это не играет никакой роли, – ответила королева. – Если бы граф Босуэлл захотел, так бы и вышло. И если бы ты не влюбилась на глазах у всех в Патрика Лесли, Розамунда, то даже здесь, в Стерлинге, не сумела бы отвертеться от брака с Логаном Хепберном. Тебя попросту вручили бы ему как рождественский подарок. – Маргарита негромко рассмеялась. – Но судьбе было угодно вмешаться и спасти тебя еще раз. Вообще-то я никогда не верила в судьбу, но если вспомнить о твоих приключениях, то волей-неволей начнешь верить!

Розамунда заметно побледнела от волнения, но все же нашла в себе силы улыбнуться.

– Возможно, отныне и впредь и я тоже стану верить в судьбу, Мег!

В дверь личного кабинета королевы робко постучали.

– Войдите! – громко произнесла она, и в комнату вошла одна из камеристок. – Джейн, что случилось? – спросила встревоженная Маргарита.

– Молодая госпожа Логан просит позволения поговорить с вами, мадам. Она обещает, что не займет у вас много времени, – сообщила Джейн.

Маргарита переглянулась с Розамундой и, весело блеснув глазами, приказала:

– Скажи ей, пусть войдет.

Через несколько мгновений в кабинете королевы появилась Джин Логан. Присев в низком реверансе, она проговорила:

– Мадам, я пришла рассказать вам... – Тут она заметила Розамунду и осеклась, но уже через мгновение продолжила: – Что король дал свое согласие на нашу свадьбу с Логаном Хепберном, лордом Клевенз-Карном. Мы поженимся на Крещение. Я надеюсь, что получу согласие и благословение и от вашего величества. – Джинни Логан застыла перед Маргаритой Тюдор в почтительной позе, скромно потупив взор.

– Это довольно неожиданно, не так ли, дитя мое? – спросила королева. – Расскажи мне, как все могло случиться так быстро. Надеюсь, тебя не принуждали силой принять такое решение?

– Нет, мадам, как можно! Я более чем довольна тем, что стану женой лорда! Меня собирались отдать в монастырь, где я получила воспитание, но дядя Патрик... то есть граф Босуэлл, мадам... он искал хорошую невесту для своего родственника и попросил моей руки у моего отца. И хотя я искренне почитаю Господа, однако монашество не мое призвание. Ввиду того, что приданое у меня не такое богатое, чтобы привлечь женихов, отец и решил, что мне прямая дорога в монастырь. Когда же дядя Патрик добавил к приданому немалую сумму, отец возмутился, но дядя Патрик сумел убедить его, что как мой крестный просто обязан присмотреть за мной сейчас. Потом он рассказал отцу, какой хороший человек его кузен, и как он умеет ставить интересы семьи выше своих собственных, и что теперь ему надо жениться. Моему отцу ничего не оставалось, как дать свое согласие. Тогда дядя Патрик сказал, что по матери его кузен приходится мне родней, но настолько далекой, что это не мешает Святой церкви дать благословение на наш брак. Так оно все и вышло.

– Так у вас уже и разрешение на брак есть, дитя мое? – удивилась королева.

– О да! Дядя Патрик сказал, что его кузен торопится со свадьбой, и чем скорее мы поженимся, тем лучше! – призналась ничего не подозревавшая Джинни.

– Повезло же тебе с дядей Патриком, – задумчиво проговорила королева. – Граф Босуэлл всегда славился своей добротой. Но, дитя мое, я совсем забыла вас познакомить! Это моя старинная подруга, Розамунда Болтон из Фрайарсгейта.

– О, я знаю, кто она такая! – простодушно заявила Джинни.

– Знаешь? – переспросила у нее Розамунда. – И кто же я такая, госпожа Логан?

– Вы с лордом Лесли... друзья, – смутившись, пролепетала девушка.

– Да, – признала Розамунда.

– И к тому же вы станете соседями, – не без лукавства добавила королева. – Фрайарсгейт как раз по ту сторону границы с Англией. От него рукой подать до Клевенз-Карна. Розамунда, ты не знакома с Логаном Хепберном?

– Совсем немного, – процедила Розамунда сквозь стиснутые зубы. – По-моему, он с братьями был среди гостей на нашей свадьбе с моим последним мужем, – сказала она, стараясь сохранить непринужденный тон. – Но, мадам, уже очень поздно. Вам в вашем положении необходимы покой и отдых. – Розамунда встала. – С вашего позволения я оставлю вас и заберу с собой госпожу Логан. Дайте же ей свое согласие и благословение... Если не ошибаюсь, именно за этим вы сюда и пришли, госпожа Логан?

– Да, миледи, – робко ответила Джинни.

– Ну так получите и то и другое, дитя мое! Мы с мужем непременно будем свидетелями на вашей свадьбе в праздник Крещения. А ты, Розамунда? Ты ведь тоже придешь на свадьбу с лордом Лесли? – Во взгляде Маргариты Тюдор сверкнули искорки озорства.

– Если на то будет ваша воля, мадам, – с подчеркнутым почтением произнесла Розамунда. – Но ваша часовня такая маленькая, а госпожа Логан наверняка предпочтет видеть на своей свадьбе в первую очередь своих родных и близких.

– Право, вы напрасно беспокоитесь, миледи! Моя семья живет далеко на севере и не придет сюда. И что может быть лучше: отпраздновать свадьбу вместе с соседями! Пожалуйста, приходите!

– Сделайте королеве реверанс, госпожа Логан, – посоветовала Розамунда. – Я поговорю с лордом Лесли. – Она почти вытолкала девицу из личного кабинета королевы, успев шепнуть той: – Ты еще заплатишься за это, несносное создание!

– Благослови тебя Господь, дитя мое! – пропела вслед уходящим Маргарита и с довольной улыбкой закрыла за ними дверь.

Глава 4

В крещенскую ночь разбушевалась сильная метель. Вокруг замка Стерлинг снег завывало в крутые вихри, ветер тоскливо завывал в узких деревенских улочках и с неистовой силой ударял о стены высоких сторожевых башен. В апартаментах графа Босуэлла лорд Клевенз-Карн привел в порядок свой нарядный костюм, собираясь в королевскую часовню.

– Ты можешь на эту ночь занять мои апартаменты, – сказал Патрик Хепберн. – Я найду где переночевать. Все равно ты не сможешь покинуть Стерлинг в такую метель.

– Спасибо, – угрюмо произнес в ответ Логан.

– Всем мужчинам бывает не по себе в день свадьбы! – добродушно расхохотался граф. – В голове рождается тысяча вопросов. Правильно ли я поступаю? Смогу ли я ее любить? Родит ли она мне сыновей или у нас будут дочери? Станет ли она возмущаться, если у меня появится любовница? Придется ли мне ее бить? – Граф снова рассмеялся. – Но так или иначе, все мы женимся, Логан, а из малютки Джинни выйдет отличная жена. Она, по-моему уже влюблена в тебя и готова сделать все для твоего удовольствия. Постарайся сохранить это положение, и твоей жизни можно будет только позавидовать.

– Розамунда будет на нашей свадьбе, – словно не слыша графа, проговорил Логан. – Какого черта ей там надо, Патрик? Я ее не приглашал! Может быть, она пожалела о поспешно принятом решении?

– Даже и думать об этом не смей, приятель! – посоветовал граф. – Розамунда явится на свадьбу, потому что на этом настояла королева. И она придет не одна, а под ручку с лордом Лесли! Какие уж тут сожаления! По-твоему, она захочет променять своего графа на простого помещика из приграничья? Эта леди не такая дура, Логан, а вот ты непременно свалишь дурака, если позволишь своим чувствам взять верх над рассудком в такой важный для тебя день! Оставь леди Фрайарсгейт в покое и сосредоточься на том, как угодить этой милой девчушке, которая станет твоей женой.

Патрик поправил меховой воротник на короткой накидке из дорогого темно-пурпурного бархата, накинутой на плечи Логана. Камзол и шляпу украшала оторочка из того же меха. Шелковые лосины были сшиты из ярких полос пурпурного, черного и золотого цветов. Из-под мехового воротника выглядывал кружевной ворот тонкой батистовой сорочки.

– С позволения сказать, ты сегодня просто красавец всем на загляденье, дорогой кузен.

– Я чувствую себя как гусь, из которого собираются готовить жаркое! – раздраженно заметил Логан. – Похоже, ты заранее приготовил для меня этот свадебный наряд, Патрик!

– Так оно и есть! – признался граф с довольной улыбкой.

– Голову даю на отсечение, что ты давно задумал всю эту канитель с женщиной! – продолжал Логан.

– Да! – согласился Патрик Хепберн.

– А вдруг Розамунда согласилась бы за меня выйти? Что тогда, кузен? – не унимался Логан.

– Да прекрати ты наконец, кузен! Нам уже пора идти в часовню! – ответил граф и, крепко ухватив Логана под локоть, вышел вместе с ним из апартаментов.

Королева лично позаботилась о наряде для невесты. Она подарила ей одно из своих платьев, сшитое из бархата персикового цвета. Подол нижней юбки был вышит золотом и украшен огромными золотистого цвета воланами в форме цветов. Глубокий вырез квадратной формы почти полностью открывал невысокую девичью грудь. Длинные облегающие рукава были украшены пышным мехом. К платью полагалось носить широкий, расшитый золотом пояс.

– Очаровательно, – произнесла Розамунда так тихо, что ее могла услышать одна королева. – Могу поспорить, что здесь с избытком хватит материала на два таких платья. Что-то я не припомню, когда ты была такой толстухой! – добавила Розамунда и улыбнулась.

– Яков всегда предпочитал женщин, у которых на костях достаточно мяса, – прошептала королева в ответ. – К тому же невеста необычайно худа. Впрочем, это не мешает ее мужу сделать ей ребенка. Как по-твоему, Логан Хепберн – хороший любовник?

– Не знаю, – так же шепотом ответила Розамунда. – Ты лучше следи за тем, что говоришь. Не дай Бог, малютка Джинни тебя услышит!

– Тогда забери обратно свои слова о том, что я была толстухой!

– Память иногда подводит меня, мадам! – с хитрой улыбкой на лице произнесла Розамунда.

– Твои извинения приняты, – прошептала королева, тоже улыбнувшись, и громким голосом добавила: – Ну, дамы, а что мы наденем на голову нашей невесте?

– Ох, мадам, – сказала Тилли, старшая фрейлина королевы, – разве вы забыли? Девице полагается идти к алтарю с распущенными волосами в знак ее целомудрия. Вы и сами так делали на свадьбе, и госпожа Розамунда наверняка тоже!

– Верно, Тилли, – сказала Розамунда.

– Где твои украшения? – спросила королева у Джинни Логан.

– У меня их нет, мадам, – ответила девушка.

– Вот, возьми это, – предложила Розамунда, снимая с шеи нитку жемчуга. – Пусть это будет свадебным подарком тебе, Джинни Логан, от твоей соседки, леди Фрайарсгейт! – Розамунда надела украшение на шею невесте. – Прекрасно! С ним платье смотрится еще лучше!

– Ох, леди Розамунда, да разве это возможно! – в восторге воскликнула Джинни, перебирая пальцами крупные ровные жемчужины.

– Еще как возможно! – ответила Розамунда. – Они так же прекрасны, как и ты. Логану Хепберну чрезвычайно повезло. Постарайся, чтобы он тоже знал об этом, Джинни.

– Спасибо, миледи! Я непременно расскажу ему о вашей доброте! – простодушно пообещала девушка.

– Да, – кивнула Розамунда, – расскажи ему все. И прибавь, что я желаю счастья вам обоим, Джинни. Может быть, я навещу вас, когда снова вернусь во Фрайарсгейт!

Пока процессия двигалась через двор к королевской часовне, Маргарита Тюдор улучила момент и шепнула на ушко своей старинной подруге:

– Ты скоро станешь настоящей стервой, Розамунда! Это уже второй акт мести!

– Я ничего не имею против этой девицы! Мои слова должны уязвить лишь ее зазнавшегося жениха. Я знаю, что она повторит их еще не раз, и каждый раз они будут причинять ему боль. Пусть это будет расплатой за то, как он обошелся со мною в день нашей свадьбы с Оуэном.

У дверей часовни процессию поджидал граф Босуэлл, чтобы отвести невесту к алтарю. Передав девушку Патрику Хепберну, королева и ее свита поспешили войти внутрь. Маргарита величаво прошествовала на почетное место, где уже стоял ее муж. Король и королева должны были выполнить роль свидетелей. Розамунда потихоньку протиснулась туда, где сидел Патрик Лесли.

– У тебя нет никаких сожалений, дорогая? – вполголоса спросил он, взяв Розамунду за руку.

– Ни малейших! – отвечала с улыбкой она.

Вперед выступил жених, и граф Босуэлл подвел к нему невесту. Священник широко взмахнул кадиллом под громкий треск свечей, мигавших на алтаре, и стоны ветра, продолжавшего яриться за стенами часовни. Началась праздничная месса. Логан лишь один раз позволил себе глянуть на Розамунду. Она стояла рядом с графом Гленкирком и не спускала с него восхищенного взгляда. В этот момент Логану показалось, что чья-то холодная рука безжалостно

стиснула его сердце, причиняя мучительную боль. Но тут он вдруг почувствовал, как в его ладонь легла маленькая девичья ручка. Логан взглянул на свою невесту, и она робко улыбнулась ему. Он не смог не ответить на эту улыбку. Бедная малютка! Разве она в ответе за то, что его сердце разбито? Нет! Во всем виновата эта наглая, двуличная стерва, что стоит сейчас возле своего любовника! Он вырвет ее из своего сердца, а все, что останется, отдаст этой милой девушке, которая будет его женой.

Джинни произнесла брачные обеты негромким, но чистым и ясным голосом. Логан же почти выкрикивал их, словно хотел таким образом заглушить обуревавшие его сомнения. Церемония закончилась, и все вернулись в тронный зал замка Стерлинг. Первый тост был за счастье новобрачных. Вслед за ним посыпались весьма двусмысленные шутки, советы и пожелания, заставившие невесту покраснеть от стыда.

Патрик отвел Розамунду в сторону и негромко сказал:

– Мы должны уехать не позднее чем через два дня. Помни, любовь моя: с собой берем лишь самое необходимое.

– Знаю. Но Энни все равно придется сделать вид, будто мы собираемся вернуться домой, и упаковать все вещи, – ответила Розамунда. – Только бы метель улеглась!

– Может, это и к лучшему, – заметил граф Гленкирк. – В бурю меньше риска столкнуться на море с англичанами. У них нет ни одного приличного судна, хотя шурин нашего короля уже успел позавидовать успехам его мореходов и собирается строить новый флот. Ты уверена, что хочешь поехать со мной?

– Абсолютно, – решительно отвечала Розамунда. – Уж не жалеешь ли ты, что пригласил меня, милорд?

– Да что ты! Я уже не представляю, как буду жить без тебя, Розамунда! – воскликнул граф.

– Но однажды... – начала было Розамунда.

– Но не сейчас, – прервал ее Патрик.

– Надеюсь, королева мне поверит. Лучше поговорить с ней не откладывая, пока не поздно. – Розамунда наклонилась, едва коснувшись поцелуем губ графа и встала из-за стола.

Маргарита Тюдор, заметив леди Фрайарсгейт, знаком приказала ей подойти поближе, и Розамунда поспешила к ней.

– Ваше величество, я только что получила известие, что Филиппа, моя старшая дочь, опасно больна. Это чудо, что гонцу удалось добраться до нас в такую пургу, но мне придется вернуться во Фрайарсгейт, как только уляжется метель, – с тревогой в голосе проговорила Розамунда.

– К тебе приехал кто-то из твоих людей? – спросила королева. – Я хочу увидеть его и вознаградить за преданность и отвагу!

– Нет, мадам, это не мой человек. Мои люди слишком просты, вряд ли им хватит смелости проделать весь этот путь до Эдинбурга, а потом до Стерлинга! Это был гонец, специально нанятый моим дядей Эдмундом. Я сама его даже не видела. Он спросил обо мне, и его проводили к Энни. Она взяла у него письмо и поспешила найти меня после мессы.

– А... – разочарованно протянула королева. – Неужели ты покинешь меня, Розамунда? Я так хотела, чтобы ты была рядом, когда придет время рожать! Я ужасно по тебе соскучилась, и мы на славу повеселились в эти недели!

– Это ты повеселилась, издеваясь надо мной! – возразила Розамунда с лукавой улыбкой. – Я постараюсь вернуться к тому времени, когда тебе придет пора рожать. – Она чувствовала себя неловко из-за того, что вынуждена была обманывать подругу, особенно если вспомнить, как хорошо к ней всегда относилась Маргарита Тюдор. Но королева не должна знать правду о миссии графа Гленкирка в Сан-Лоренцо.

– Ты хорошая мать, Розамунда, – ласково проговорила королева. – Поезжай домой и лечи свою дочь, но, пожалуйста, постарайся вернуться как можно быстрее!

– Мы еще поболтаем на прощание! – ответила Розамунда и, сделав реверанс, удалилась.

Праздник продолжался весь день до самого вечера. Гости не отказывали себе ни в угощении, ни в выпивке. Играла музыка, и все желающие развлекались танцами. В зал впустили бродячих артистов. У них был дрессированный медведь, забавно плясавший под барабан и флейту. Жонглеры ловко перекидывали разноцветные шарики. Слепая девочка пела ангельски чистым голосом, аккомпанируя себе на маленькой арфе, а акробаты выделывали такие трюки, что все вокруг от изумления ахали. Наконец артисты закончили свое представление и настала пора проводить молодых в отведенные для них апартаменты, Розамунды в толпе провожающих не было.

– Для таких, как мы, сейчас самое время незаметно скрыться! – шепнул ей на ухо Патрик. Розамунда согласно кивнула:

– Даже страшно подумать, что может прийти в голову Логану, если он обнаружит меня среди женщин, готовящих его невесту к первой брачной ночи! Я уже преподнесла девице в качестве свадебного подарка свое жемчужное ожерелье, и это должно его уколоть!

– Расплата за недоразумение в день твоей свадьбы, дорогая? – заметил лорд Кембридж, неслышно подошедший сзади. – А ты неплохо научилась давать сдачи, моя куколка! Я горжусь тобой!

– Я ничего не имею против невесты, Том! – посчитала нужным объяснить Розамунда. – На самом деле я считаю, что она подходит Логану как нельзя лучше. Она будет с радостью исполнять все его прихоти, без возражений рожать ему детей и содержать дом в идеальном порядке. И за все это едва ли дождется благодарности, поскольку Логан считает это само собой разумеющимся. Если мой подарок ей понравится, я буду только рада! А если он будет колоть Логану глаза всякий раз, как Джинни будет надевать ожерелье, – я буду рада еще больше!

– Кто поверит, что когда-то эта женщина была робкой и смиренной, как агнец Божий? – с улыбкой проговорил Том, обращая свой вопрос к графу Гленкирку.

– Я лично предпочитаю женщин с перчинкой в характере! – ответил Патрик и любовно посмотрел на Розамунду.

– Тогда вы не ошиблись. Моя кузина из их числа! – расхохотался лорд Кембридж.

– Я сказала королеве, что вынуждена вернуться во Фрайарстейт из-за болезни Филиппы, – вполголоса сообщила Розамунда сэру Томасу.

– Ах, значит, наше время при этом восхитительном дворе закончилось, – с сожалением заметил он. – Оно пролетело слишком быстро, моя шалунья. Но однажды мы непременно должны сюда вернуться. Обещай мне это. Если уж я обречен всю зиму присматривать за твоими девочками, мне полагается награда.

– И ты ее получишь, Том, – пообещала Розамунда. – Если бы не девочки, я непременно оставила бы тебя здесь предаваться самым разнообразным порокам.

– Для скромного джентльмена здесь множество соблазнов, – со вздохом признался Том. – Конечно, если он действительно умеет быть скромным и не выдает чужих секретов. Кое-кто из придворных еще помнит времена прежнего короля и его фавориток. Должен сказать, Стюарты – весьма любопытное семейство! – многозначительно ухмыльнулся Том Болтон.

– А вы действительно большой скромник, Том! – расхохотался Гленкирк. – Я не слышал ни слова о ваших похождениях. Напротив, многие дамы выразили свое сожаление по поводу того, что джентльмен с такими галантными манерами до сих пор не обзавелся женой.

– На самом деле эти лукавые создания имели в виду не мою галантность, – засмеялся Том, – а мой тугий кошелек, Патрик! Но я предпочитаю независимое существование, мои дорогие, а моими наследницами являются дочери Розамунды. Она моя самая близкая родственница. Мы с ней как родные брат и сестра.

– И я никогда не имела друга лучше, чем ты, Том! – с чувством заметила Розамунда. – Мы с Патриком сейчас уходим, а ты можешь продолжать развлекаться до тех пор, пока не придет пора уезжать. Это случится уже на днях. – Розамунда послала кузену воздушный поцелуй и вместе с лордом Лесли покинула тронный зал.

В тесной спальне, ставшей их убежищем в эти дни, Розамунда и ее любовник не спеша разделались и приготовились лечь в постель. Он продолжал давать ей уроки терпения, хотя для нее это было не так-то просто. Снова и снова она спрашивала себя, как могло случиться, что она полюбила так глубоко, так беззаветно этого мужчину, о существовании которого не подозревала еще месяц назад. Сегодня она не могла найти ответ на этот вопрос, точно так же как и вчера, и вряд ли сумеет найти его в будущем. Она знала лишь одно: ей необходимо быть с Патриком, в его объятиях, в его постели.

– Что подумает о нас твой сын? – спросила Розамунда, распуская шелковые ленты, стягивавшие ворот ее нижней сорочки.

– Он подумает, что мне посчастливилось снова найти любовь, – ответил граф Гленкирк. – Хотя моя невестка, несомненно, сочтет меня ненормальным. Она воскликнет что-то вроде: «Как, милорд, в вашем-то возрасте!» – и надменно подожмет тонкие губки. У Анны слишком холодное сердце. Жаль, что Адам не догадывался об этом до того, как оказался с ней в постели. Впрочем, он доволен своей женой. Похоже, ему удалось найти к ней подход, несмотря на ее склочный характер.

Патрик снял с Розамунды нижнюю сорочку и вскользь коснулся поцелуем ее обнаженных плеч.

– Интересно, мы с ним когда-нибудь встретимся? – спросила Розамунда и стала расстегивать на Патрике рубашку. – Он больше похож на тебя? Или на мать?

– Он тоже высок ростом и, по мнению окружающих, унаследовал мои черты, но глаза у него от матери. Ни у одной женщины я не видел таких дивных синих глаз, как у моей Агнес, и Адам унаследовал это чудо. По-моему, именно глаза привлекли к нему внимание его жены. – Патрик привлек Розамунду к себе. – Мне нравится чувствовать, как твои соски трутся о мою грудь, – прошептал он волнующим голосом.

Розамунде достаточно было ощутить рядом с собою его сильное горячее тело, чтобы в глазах у нее потемнело от наслаждения.

– Ты совсем не похож ни на Оуэна, ни на Хью.

– Я рад, – ответил Патрик, целуя Розамунду в губы.

Она чувствовала, как упирается ей в живот затвердевшее мужское копые.

– Ты когда-нибудь снимешь с себя эти проклятые штаны? – капризно проговорила Розамунда и в нетерпении провела рукой по напряженной плоти.

– Ай-ай-ай, девушка! Какая вы несдержанная! – лукаво пожурил ее Патрик.

– Я ужасно несдержанная, когда имею дело с тобой, Патрик Лесли! Скажу тебе больше: я вообще превращаюсь в бесстыжую развратницу!

– Придется мне дать тебе урок послушания, Розамунда! Любовь приносит гораздо больше наслаждения, если ты занимаешься ею не спеша. Ты собралась наброситься на меня как голодный зверь, но я этого не допущу. – Патрик выпустил Розамунду из объятий, чтобы раздеться, затем снова привлек ее к себе, повернув спиной, чтобы удобнее было держать в ладонях ее пышные груди. Он нежно ласкал их, осторожно поводя своей возбужденной плотью по ее ягодицам.

Розамунда вздохнула и расслабилась, отдаваясь его сильным рукам. Патрик оказался прав. Неторопливые ласки гораздо лучше поспешного совокупления. Дразнящие, нежные прикосновения возбуждали Розамунду все сильнее.

– Ох, Патрик, – со вздохом наслаждения произнесла она, – это так прекрасно!

– Мы только начали нашу игру, любовь моя! – тихим, с хрипотцой голосом отвечал граф. Он повернул Розамунду к себе лицом и раздвинул языком ее губы.

Розамунда издала тихий стон страсти. Тогда Патрик поднял ее на руки, уложил на кровать и лег рядом. Ее тело оживало под ласками его больших рук. Он перевернул Розамунду на живот и стал гладить ей спину и плечи, постепенно опускаясь все ниже, пока не достиг ее тугих ягодич.

– Конечно, это гораздо лучше делать с лосьоном или хотя бы с маслом, – пояснил Патрик. – В Сан-Лоренцо умеют ухаживать за телом, Розамунда, и я непременно познакомлю тебя с мастерами этого дела. Вот увидишь, тебе это понравится, любовь моя.

Затем он прошептал ей на ушко короткий приказ, и она приподняла ягодичы, позволяя овладеть собою. Он вошел в нее медленно и осторожно, постепенно проникая внутрь все глубже. Розамунда застонала от наслаждения.

– Вот так-то, моя шалунья! – прошептал Патрик. – Получи от меня все, что я могу предложить! Я уже не помню, когда хотел женщину с такой страстью, с какой хочу тебя. И даже овладев тобою, я не могу насытиться! – Он настолько ускорил свои рывки, что Розамунда не смогла сдержать восторженный крик.

– Ох, Патрик, ради Бога! Не останавливайся! Я не вынесу, если ты остановишься!

– Это еще не все, любимая! – Патрик сделал еще несколько сильных толчков, и обильная струя семени излилась в женское лоно. Розамунда зарыдала от восторга.

– Я даже представить себе не могу, что когда-то нам придется расстаться, – сказала она, обратив к Патрику свое мокрое от слез лицо.

– Не расстраивайся прежде времени, любовь моя! – ласково прошептал он. – У нас еще много всего впереди, это я тебе обещаю! – И покрыв поцелуями лицо Розамунды. Она глубоко вздохнула, чувствуя себя совершенно счастливой. За окном ревела и ярилась вьюга, но утомленным любовью мужчине и женщине в комнате не было дела до остального мира.

На следующий день снегопад наконец-то прекратился, небо расчистилось. Наступила ясная, холодная ночь. Решено было покинуть Стерлинг утром. К удивлению Розамунды, вместе с ними собрались в путь лорд Клевенз-Карн и его молодая жена.

– Но ведь тогда он узнает, что я не поехала домой, во Фрайарсгейт! – встревожилась Розамунда.

– Я уже посоветовался с королем, и он считает, что здесь ничего не поделаешь. Королева лично настояла на том, чтобы вы ехали вместе, потому что беспокоится о твоей безопасности. Если король станет возражать, ему придется рассказать о своих планах. Он никогда не решится на это, ведь тогда Англия моментально узнает о планах Шотландии, – попытался объяснить ситуацию граф Гленкирк. – Мне ничего не остается, как уповать на патриотизм Логана Хепберна, когда мы окажемся у поворота на Лейт. Не сомневаюсь, что он сумеет убедить свою жену сохранить нашу тайну.

– А я постараюсь расположить ее к себе, развлекая во время пути, – с готовностью подхватил Том. – Ей наверняка будет не по себе, ведь она едет в свой новый дом, а с моей помощью она хотя бы на время позабудет о страхах. Более того: я намерен сохранить добрососедские отношения между Фрайарсгейтом и Логаном Хепберном, несмотря на твое плохое поведение, кузина. – Том лукаво улыбнулся и подмигнул Розамунде.

– Вы просто незаменимый союзник, Том, и я вам очень за это признателен! – смеясь, проговорил граф Гленкирк.

– Не надейтесь откупиться от меня этой лестью, мой дорогой лорд, – заметил Том. – Я все еще вне себя от обиды за то, что вынужден вернуться в занесенный снегами Фрайарсгейт, тогда как вы тайком увозите мою кузину и самого близкого друга на благословенные берега Сан-Лоренцо! И однажды я надеюсь получить награду за свое содействие вашим планам!

– Вы получите все, что пожелаете! – пообещал граф Гленкирк. – Конечно, в разумных пределах!

– Разумные пределы – понятие растяжимое! – хитро ухмыльнулся Том. – Но если вы хотите отблагодарить меня, то привезите сладкого вина со средиземноморских виноградников, да вдобавок вашего виски!

– А на закуску несколько кувшинов оливок, выдержанных в течение года в каменных кувшинах в масле с лимонным соком! Оливки из Сан-Лоренцо по праву считаются редким лакомством! – пообещал граф Гленкирк. – А вот если бы вы попробовали их виноград! В жизни не ел ничего слаще!

– Все, ни слова больше, приятель, потому что я уже успел пожалеть о своем решении остаться во Фрайарсгейте!

– Ох, Том, но ты должен остаться! Мои девочки будут подвергаться опасности, если рядом не будет тебя! – не на шутку встревожилась Розамунда.

– Милая кухня, я уже дал тебе слово и возвращаюсь во Фрайарсгейт, чтобы присмотреть за тремя ангелочками, которых ты произвела на свет. Но это не избавит меня от сожалений о том, что я не могу отправиться с тобой, – сказал Том.

– Ты мог бы привить им хорошие манеры! – проворковала Розамунда, ласково погладив кухню по плечу.

– А вот это им как раз не помешает! – усмехнулся Том. – Особенно Филиппе, которая могла бы подумать, прежде чем отправлять естественные надобности где попало, заодно с остальными детьми. Приличная девица пользуется для этого ночным горшком!

– И ты ей непременно это объяснишь, дорогой Том, – со смехом отвечала Розамунда.

– Ах, так ты еще и смеешься над моей скромностью? – Том нарочито нахмурился. – Ну, зато не мне, а тебе предстоит полировать задницу, сутки напролет болтаясь в седле! И пока ты будешь мотаться по зимним дорогам, в дождь и в снег, я буду отдыхать во Фрайарсгейте, в тепле и уюте, а дорогая Мейбл будет выполнять все мои прихоти и угощать на славу! И что я должен сказать ей, кухня?

– Я написала для нее письмо, Том. Конечно, она все равно не успокоится и начнет приставать к тебе с расспросами, но ты можешь выложить ей все как есть, – понизив голос, отвечала Розамунда. – И она наверняка обвинит бедную Маргариту в моем плохом поведении! – заключила она с грустной улыбкой.

– Уж это точно. Мейбл никогда не поверит, что ты сама дошла до такой жизни, моя дорогая девочка! – согласился Том.

– Мне нужно пойти попрощаться с королевой.

С этими словами Розамунда вышла из тронного зала, где происходила эта беседа, оставив мужчин вдвоем.

Королева пребывала в приподнятом настроении.

– Я еще никогда не чувствовала себя лучше в подобных обстоятельствах! – сообщила она Розамунде.

– Значит, предсказанию короля суждено сбыться.

– Его предсказания всегда сбываются, – согласилась Маргарита Тюдор. – Это какая-то мистика. А ты все-таки покидаешь меня, моя старая подруга!

– Я чудесно провела время при дворе, – отвечала Розамунда, – и обещаю, что вернусь к тебе, как только смогу!

– И ты не позволишь войне нас разлучить? – спросила королева.

– Какой еще войне? – удивилась Розамунда.

– Той, которую мой брат Генрих рано или поздно наверняка навяжет моему мужу и всей Шотландии, – с грустью в голосе произнесла королева. – Хотя мой брак и должен был раз и навсегда положить конец вражде между нашими странами, однако этого не случилось. И

виноват в этом только Хэл, и никто больше! Он не дает Якову и шагу ступить! Мой муж, однако, вел себя гораздо мудрее, чем брат, но Хэлу так хочется втянуть Шотландию в войну, что мы все равно окажемся по разные стороны, Розамунда!

– Если война действительно начнется, я не позволю ей разрушить нашу дружбу! Что бы ни сотворили с этим миром мужчины, мы, женщины, сумеем остаться друзьями! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуться сюда к тому времени, когда твой сын появится на свет, – пообещала Розамунда. – А если удастся, то и пораньше.

– А как же лорд Лесли? – не удержалась от вопроса королева, снедаемая любопытством.

– Он едет со мной, – ответила Розамунда. – Патрик решил, что может не спешить с возвращением в Гленкирк, потому что его сын сумеет справиться с хозяйством. И вдобавок ехать со мной во Фрайарсгейт будет гораздо приятнее, чем тащиться по горным кручам в зимнюю непогоду!

– Значит, вы не расстанетесь, – заключила королева. – Я так рада за вас! Несмотря на все свои шутки, я вижу, как ты любишь его, а он – тебя. Это так странно, но это правда. Благослови Господь вас обоих!

– Спасибо тебе, – с чувством произнесла Розамунда и обняла королеву на прощание.

День выдался ясным и очень холодным. Путь до Лейта, ближайшего шотландского порта в заливе Ферг-оф-Форт, занял полных два дня. Логан считал, что они едут в Эдинбург. Прodelать этот путь можно было гораздо быстрее, всего за день, но лорд Лесли опасался за юную госпожу Хепберн.

– Она молодая и слабая на вид девушка, – говорил он. – Боюсь, что такой длинный перергон не для нее.

Решено было остановиться на ночлег в таверне неподалеку от Линлайтгоу. Это была совсем маленькая таверна, и двух женщин устроили в одной комнате с еще одной путешественницей и Энни. Мужчинам пришлось довольствоваться общим залом. Розамунда считала ситуацию весьма забавной, пока молодая жена не пустилась с нею в откровения.

– Мадам, – начала Джинни, – вы женщина с определенным опытом, и я ни в коей мере не хочу показаться непочтительной, когда признаюсь, что мне нужен женский совет.

Розамунда чертыхнулась про себя, но не подала и виду и вежливо сказала:

– Вы вполне уверены, что не пожалеете об оказанном мне доверии, госпожа Хепберн? Некоторые вещи должны оставаться тайной, хранимой между мужем и женой.

– Нет, я не думаю, что расскажу вам что-то лишнее. Я просто хочу знать: все ли мужчины с такой охотой готовы уложить женщину в постель? И как часто считается приличным для мужа быть вместе со своей женой? – С каждым словом Джинни смущалась все сильнее и к концу фразы стала уже вся пунцовая.

– Вам повезло, если муж укладывает вас в постель с такой охотой, – ответила Розамунда. – Это значит, что ему нравится ваше общество. И он имеет право требовать от вас близости столько раз, сколько пожелает, конечно, за исключением тех случаев, когда вы беременны или у вас начинаются месячные. Мужчины относятся к близости в постели по-другому, нежели женщины. Так уж сотворил их Господь.

– Да, вы правы, – задумчиво произнесла Джинни. – Спасибо. Моя матушка скончалась, когда мне исполнилось десять лет, и меня сразу отправили в монастырь. Монахини ничего не знают о таких вещах, а если бы и знали, не пожелали бы об этом говорить. Это слишком мирские дела.

– Вы с неохотой покинули монастырь, госпожа Хепберн? – спросила Розамунда.

– Нет, что вы! Но у меня нет сестер или хотя бы других знакомых женщин, с которыми я могла бы поговорить. И я оказалась совершенно не подготовлена к первой брачной ночи. Но мой муж проявил чрезвычайную чуткость и терпение, – заключила Джинни.

– Я рада, – ответила Розамунда. – Мужчины иногда не понимают, что значит быть по-настоящему невинной девушкой. И могут вести себя довольно грубо. При этом они обычно не думают, что делают нам больно. Им это просто невдомек.

– Спасибо вам, мадам! – воскликнула Джинни слегка дрогнувшим от волнения голосом. – А то я не знала, что и подумать! Вы позволите задать вам еще один вопрос?

«О Боже, спаси и помилуй!» – взмолилась про себя Розамунда, а вслух произнесла:

– Конечно!

– Прилично ли мне получать удовольствие от близости с моим мужем?

– А вы получаете удовольствие? – уточнила Розамунда, явно заинтересованная услышанным.

– Ох, и еще какое! – призналась Джинни и снова залилась краской смущения до самых корней волос.

– Это вполне прилично, – успокоила ее Розамунда. – На самом деле это очень хорошо для вас.

– Наверное, нам давно пора спать, – негромко сказала Джинни. – Ближайшие несколько дней будут нелегкими. Нам еще далеко до Клевенз-Карна?

– Если продержится ясная погода, вам придется ехать еще несколько дней после Эдинбурга, – ответила Розамунда. – Ваш замок расположен почти на самой границе, и вы живете ближе к Англии, чем другие шотландцы.

– Мне приходилось слышать, что англичане очень жестокие люди, мадам. Это правда? – Синие глаза Джинни были по-детски широко распахнуты.

– Я тоже англичанка, госпожа Хепберн. По-вашему, я жестока? – спросила в свою очередь Розамунда.

– Нет, мадам, – с поспешностью заверила Джинни.

– Ну так спите, милая, и не тревожьтесь понапрасну. Вы вышли замуж за хорошего человека, и вам понравится жизнь в Клевенз-Карне, – сказала Розамунда и закрыла глаза, давая понять, что разговор закончен.

Утром все двинулись в путь еще до рассвета и проехали несколько часов, пока не достигли большой развилки с двумя дорожными указателями. На одном было написано «Эдинбург», на другом – «Лейт». Граф Гленкирк остановил коня, и Том подъехал к нему.

– Здесь нам предстоит расстаться, Том, – негромко произнес Патрик и махнул рукой Логану, подзывая его к себе. – Развлеките наших леди и попрощайтесь с кухней, пока я буду разговаривать с лордом.

– Да хранит вас Господь, Патрик! – сказал в ответ лорд Кембридж. – Надеюсь, мы еще встретимся.

Мужчины пожали друг другу руки, и Том отъехал к Розамунде и госпоже Хепберн.

– Что случилось, милорд? – сердито спросил, подъехав к графу Гленкирку, Логан. Он не скрывал, что компания, в которой он вынужден был проводить последние дни, удовольствия ему не доставляет.

– То, что сейчас я вам скажу, Логан Хепберн, должно остаться между нами. Я обращаюсь к вам по приказу короля. Вы понимаете?

Логан кивнул, заинтригованный столь необычным вступлением.

– Я понимаю, милорд, и даю вам слово, что не буду пересказывать то, что узнаю от вас.

– Королева, – начал граф, – воображает, что устроила славную шутку. Она находит это смешным, не имея понятия о том, почему мы на самом деле покидаем двор, и приложила все силы, чтобы свести нас вместе на этом пути. Она поверила, что у Розамунды заболела дочь и леди возвращается домой, а я просто сопровождаю ее. Королева отлично знает о том, с каким упорством вы добивались руки леди Фрайарсгейт, и считает забавным, что ваша молодая

жена едет вместе с нами. Но у Розамунды все дочери здоровы, и мы направляемся вовсе не во Фрайарсгейт. Король лично возложил на меня тайную дипломатическую миссию. Как вы уже знаете, я в течение восемнадцати лет не появлялся при дворе и был вполне доволен жизнью у себя в горах. Собственно говоря, никому и в голову не пришло, что король вызвал меня с какой-то особенной целью. И никто, кроме короля, не знает, что мне поручено и куда я направляюсь. Я не имею права сказать это даже вам, Логан Хепберн. Я обещал королю, что выполню его приказ, если Розамунда поедет со мной.

– А вдруг она не захотела бы ехать? – тут же спросил лорд. Несмотря на все старания, он не мог подавить в душе ревность к этому человеку, который ухитрился увести Розамунду прямо у него из-под носа. – Розамунда обожает свой Фрайарсгейт и не переносит долгой разлуки с родным домом.

– Тем не менее она согласилась ехать со мной, – заметил граф Гленкирк.

– Как вы могли полюбить друг друга за столь короткий срок? – не удержался от вопроса, не дававшего ему покоя все это время, Логан.

– Я и сам не понимаю, – честно признался граф. – Все, что я могу сказать вам, так это то, что до встречи с Розамундой я не жил, а всего лишь влачил жалкое существование. Но с той минуты, как наши глаза встретились, мы только о том и думаем, как быть вместе.

– Розамунда никогда не откажется от Фрайарсгейта, – угрюмо добавил Логан.

– Точно так же, как я не откажусь от Гленкирка. Но пока не наступило время нам обоим вернуться к исполнению своего долга, мы будем вместе – пусть даже это продлится недолго.

– Вы любите ее? – с выражением муки на лице спросил Логан.

– Я любил ее всю жизнь, – ответил граф.

– А она вас любит, – зло сказал Логан.

– Да, любит, – уверенным тоном ответил Патрик.

– Я так понимаю, что вашей целью является Лейт, – заключил лорд Клевенз-Карн.

– Сегодня мы выйдем в море, – проговорил в ответ Патрик.

– Розамунда никогда не была любительницей приключений. Она изменилась так внезапно, что я начинаю сомневаться: та ли это девушка, которую я знаю с самого детства? Вы заколдовали ее, милорд?

– Нет! – рассмеялся граф Гленкирк добродушным смехом. – Хотя мы оба подумали о колдовстве в нашу первую ночь. Розамунда сама говорила мне о том, что никогда не испытывала тяги к авантюрам, и тем не менее она по своей воле отправляется со мной в морское плавание. Такова сила нашей любви. Но колдовство здесь ни при чем, поверьте мне, Логан Хепберн. Итак, Том Болтон доедет с вами до Клевенз-Карна, и Розамунда будет вам весьма признательна, если люди из вашего клана проводят его до самой границы, до Фрайарсгейта. Он облечен всеми правами на тот случай, если ее дядя Генри полезет куда не надо, узнав о ее отсутствии. Она боится за судьбу своих дочерей. Вы выполните просьбу леди Фрайарсгейт?

– Нет на свете ничего такого, чего бы я не выполнил по ее просьбе, – заявил Логан с напыщенным видом.

Граф укоризненно покачал головой:

– Босуэлл нашел для вас славную жену, Хепберн. Будьте ей верны и постарайтесь выбросить из головы ваши нелепые мечты о Розамунде. Она не вышла бы за вас даже в том случае, если бы мы не встретились. Она не готова к очередному замужеству. Я знаю, что она пыталась объяснить вам это, но вы не пожелали прислушаться к ее словам. Вы хотели одного: жену, способную рожать вам наследников. Вы получили именно такую особу. Везите ее к себе в Клевенз-Карн и помогите ей забеременеть как можно скорее. А мы с Розамундой к этому времени будем далеко от Шотландии.

– И когда же вы вернетесь, милорд? – спросил Логан.

– Не знаю. Но когда мы вернемся, я очень надеюсь услышать о том, что у вас уже растет здоровый мальчик. – Граф протянул Логану руку и добавил: – Ну вот. А теперь давайте пожмем друг другу руки и пожелаем удачи. Если моя миссия окажется успешной, мы можем предотвратить войну.

Логан крепко пожал затянутую в перчатку руку графа Гленкирка.

– Тогда я желаю вам удачи, милорд, и уверяю вас, что на моих устах будет лежать печать молчания. Я никому не расскажу о вашей тайной миссии. И позабочусь о том, чтобы Том Болтон добрался до Фрайарсгейта живым и невредимым.

Логан развернул коня и поехал обратно к жене и сопровождавшим его сородичам.

Розамунда с Томом выехали вперед.

– Будь осторожна, моя дорогая девочка, и возвращайся как можно скорее! – сказал сэра Томас и ласково погладил маленькую ручку кухни.

– Ты не забыл письмо для Мейбл и Эдмунда? – в который раз спросила Розамунда.

– Не забыл, – заверил Том и отправился вдогонку за отрядом Логана, удалявшимся по дороге на Эдинбург.

– Ты уверена? – спросил у Розамунды Патрик.

– Да, – кивнула она и обратилась с вопросом к Энни: – Ты решилась, милая? Сейчас или никогда!

– Я еду! Будет потом что рассказать внукам! – ответила Энни с неловкой улыбкой.

– Ну, тогда вперед! – подытожил граф и махнул рукой своему камердинеру Дермиду Мору.

Четверо всадников повернули на дорогу на Лейт и поскакали к порту. Погода по-прежнему была очень холодной. Они подъехали к Лейту в конце дня. Солнце уже село за горизонт, когда всадники спешили у дверей таверны «Русалка», стоявшей на берегу моря.

Это было большое и процветающее заведение, во дворе царил ужасная суета. Дермид первым вошел в таверну и, вернувшись через несколько минут, доложил:

– Капитан Дюмьер ждет нас в отдельной комнате, милорд.

– Ну так идемте к нему. Ты знаешь дорогу, Дермид? – спросил граф Гленкирк, соскочив с коня. Он помог Розамунде спуститься на землю.

Дермид кивнул и в свою очередь помог спешиться Энни.

– У меня волдырь во всю задницу, – вздохнув, пожаловалась Энни.

Все четверо вошли в таверну. Пройдя по длинному узкому коридору в задней части здания, они оказались перед дверью, Дермид тихо постучал. Подождав с минуту, он толкнул дверь, пропуская внутрь хозяина и его спутниц.

Плотный джентльмен встал со своего места возле очага и шагнул навстречу вошедшим.

– Лорд Лесли? – спросил он.

– Да, я Патрик Лесли, – ответил граф.

Мужчина кивнул:

– Я Жан-Пьер Дюмьер, капитан «Маленькой королевы».

– Мне приказано сегодня же уйти в море, капитан. У вас все готово к отплытию?

– А как же иначе, милорд! – последовал уверенный ответ. – Погода ясная и спокойная и продержится такой еще несколько дней – спасибо *le bon Dieu*. Дует ровный норд-вест, и наше плавание обещает быть недолгим. Будет разумнее держаться неподалеку от английского берега первые несколько дней, чтобы иметь возможность укрыться в порту, если начнется шторм. Мы пересечем пролив между Дувром и Кале, затем пройдем до Булони, и, если погода продержится до той поры, я смогу доставить вас в Гавр, но не дальше. Рано или поздно снова начнется шторм, и я не рискну в это время года пересекать Бискайский залив. Моя посудина предназначена лишь для каботажного плавания.

– Понятно, – заключил граф. – Имея опыт плавания в этих водах, я не могу не согласиться с вами, капитан Дюмьер. Мы ведь не слишком рискуем, держась в виду английского берега?

– *Oui!* Англичане, хотя и объявили себя врагами французов, всегда рады меня видеть, милорд. А особенно виноторговцы и их богатые покупатели! – проговорил капитан Дюмьер, широко улыбаясь. – Если нам придется где-то причалить, у меня припасено достаточно пустых бочонков, чтобы подтвердить свои слова, ну а вы просто джентльмен, сбежавший от жены с молодой любовницей, а? – хитро подмигнул капитан.

Граф расхохотался в ответ:

– Тем не менее будет лучше, если нас вообще никто не задержит!

– Вряд ли это кому-то удастся, – уверенно заявил капитан. – Эти англичане – никудашные моряки. Но их король, как мне говорили, строит большой флот, так что со временем все может измениться. Но на сегодня им хватает храбрости удить рыбку только возле самого берега, чтобы успеть вернуться, если ветер дунет посильнее. Нам ничто не угрожает.

Граф кивнул и спросил:

– Когда мы выходим?

– Вы еще успеете как следует поужинать, милорд, а затем милости прошу на борт. Я пришлю юнгу за вами и вашими спутниками, – добавил капитан и, раскланявшись, вышел, прихватив свою накидку.

– Я умираю от голода! – воскликнула Розамунда. – Мы ехали целый день по жуткому холоду!

– Дермид, найди хозяина и закажи ужин. Не высовывайся и постарайся не показываться на глаза тем, кто мог бы тебя узнать. Свой плед и кокарду оставь здесь, приятель, – наставлял граф слугу.

– Слушаюсь, милорд, – сказал Дермид и вышел.

– Почему ты дал Дермиду такие строгие наставления? – удивилась Розамунда.

– Потому что Лейт – большой порт. А в порту всегда полно соглядатаев, собирающих всякого рода сведения, которые можно продать. Если Дермид появится в пледе с цветами клана Лесли, кое у кого могут возникнуть подозрения. Вот почему я предпочитаю остаться если не незамеченным, то хотя бы неузнанным, – пояснил граф.

– А как же хозяин таверны? Как нам удалось пробраться в эту комнату так скрытно? И чем мы за это заплатим? – продолжала любопытствовать Розамунда.

– Хозяин «Русалки» давно состоит на жалованье у короля – он собирает сведения для Якова Стюарта. Нынче он получил приказ держать эту комнату наготове для капитана Дюьера и его друзей. Ему достаточно хорошо заплатили за то, чтобы он держал язык за зубами, – объяснил граф.

– Я определенно попала в мир, о существовании которого даже не подозревала! – воскликнула Розамунда.

– А с какой стати тебе было знать о нем, дорогая? – резонно заметил Патрик. – Ты же леди Фрайарсгейт, хозяйка процветающего поместья на границе Англии. Заговоры и интриги не должны были интересовать тебя вовсе, но ты вскоре обучишься этому искусству, потому что едешь со мной. Я взвалил на себя практически безнадежное поручение, но король считает своим долгом предпринять все, что в его силах, ради мира между Шотландией и Англией. Жаль, что ваш король не может похвастаться такой же осторожностью.

– У Генриха Тюдора слишком преувеличенное мнение о собственной персоне, – заметила Розамунда. – Если он считает, что прав, то идет до конца. Ну а Богу, конечно, ничего не остается, как занять его сторону! – закончила она с улыбкой.

Граф громко рассмеялся.

– Сдается мне, дорогая, – проговорил он сквозь смех, – что из тебя получится хорошая помощница в моем нелегком деле. У тебя острый глаз.

– Я не стану действовать во вред Англии, Патрик, – гордо заявила Розамунда. – Я не предательница.

– Ну что ты, милая, – успокоил ее Патрик. – Мы вовсе не действуем во вред Англии, но согласись, что король Шотландии старше, опытнее и мудрее Генриха Тюдора. И не забывай о том, что королева Шотландии – сестра английского короля. Но мы стараемся предотвратить войну, чтобы наш король мог не предавать старого союзника, отстаивая свои интересы, хотя его вынуждает к этому ваш король. Причем делает это весьма недостойным образом, Розамунда!

– Знаю, – вздохнула леди Фрайарсгейт. – Мег всегда говорила, что ее младший брат ужасный задира. А теперь он еще и король Англии.

– И завидует тому, что между королем Яковом и его святейством сложились такие хорошие отношения. Он делает все, чтобы разрушить их ради собственной выгоды, – заметил граф.

– Он не из тех, кто может смириться с поражением или хотя бы удовольствоваться вторым местом, – добавила Розамунда. – Патрик, расскажи мне точно, что тебе предстоит сделать?

– Только когда мы поднимемся на борт «Маленькой королевы»! – ответил граф.

– Ты мне не доверяешь? – обиженно спросила Розамунда.

– Я доверяю тебе, любимая, – заверил граф и ласково прижал Розамунду к себе, – но как я могу знать, кто слушает нас за дверью? Ты понимаешь меня?

Розамунда согласно кивнула.

Через секунду дверь распахнулась, и в комнату вошел Дермид, а следом за ним слуга с полным подносом еды. Он поставил поднос на стол, но покинул комнату лишь после того, как оглядел ее быстрым взглядом. Ничего необычного: все так, как сказал хозяин. Любовники бегут на край света. Никто не захочет платить за такую новость, разве что парочка окажется какими-то важными персонами. Но на мужчине не было ни пледа, ни кокарды, так что нельзя было понять, из какого он клана. Лакей изобразил на лице явное разочарование и вышел.

– Что-то слишком уж он любопытный! – сердито заметила Энни.

– Все равно он ничего не высмотрел, – ответил с улыбкой Дермид.

Энни и Дермид накрыли ужин для своих хозяев и получили приглашение поужинать вместе с ними. Им подали холодный ростбиф, жирного каплуна с яблоками и свежее масло. Особенно вкусными оказались морские мидии, вываренные в белом вине. Хозяин не забыл также о головке сыра и кувшине с густым октябрьским элем. Как только ужин закончился, в дверь негромко постучали и на пороге появился молоденький юнга.

– Мадам и мсье прошу идти за мной, – сказал он.

Энни едва успела накинуть на плечи хозяйке подбитую мехом теплую накидку. Рассовав по карманам своей накидки яблоки и груши, она поспешила следом за остальными. Они покинули таверну, пройдя тем же длинным, узким коридором и выйдя через заднюю дверь. Мальчик-проводник быстро пересек двор и нырнул в узкий переулок, ведущий к длинному широкому причалу, у которого было пришвартовано небольшое судно. Поднявшись по трапу на корабль, юнга провел гостей в кормовую надстройку.

– Вот это будет ваша каюта, – сказал он и вышел.

Розамунда осмотрелась вокруг и решила, что эта каморка слишком тесна для четверых.

– Еще не поздно вернуться, – сказал граф, заметив выражение ее лица.

– Нет, – решительно отказалась Розамунда.

В каюте были две койки – верхняя и нижняя.

– Вы с Энни будете спать внизу, – продолжил граф. – А нам с Дермидом все равно придется спать по очереди, чтобы не пропустить вахту.

– Здесь холодно, – заметила Розамунда и зябко поежилась.

– Нам придется терпеть холод еще не одну неделю, – сказал граф. – Зимнее путешествие никогда не бывает приятным, но мы справимся. Вы с Энни сразу ложитесь в постель, пока не успели замерзнуть. Не раздевайтесь, снимите только башмаки, любовь моя.

Женщины забрались в широкую нижнюю койку и поспешили закутаться в теплые одеяла.

– Здесь гораздо лучше, – с довольной улыбкой сообщила Розамунда.

– Ты можешь спокойно спать. Мы с Дермидом постоянно будем дежурить, – поспешил успокоить ее граф.

– По-моему, я так вымоталась, что даже заснуть не смогу, – пожаловалась Розамунда, но уже через несколько минут сладко спала.

– Ты пока отдыхай. Я возьму себе первую вахту, – сказал граф Дермиду, и слуга полез наверх. Патрик пристроился на узком сиденье под окном. Он слышал, как корабль отдает швартовы, затем ощутил, как началась легкая качка, когда «Маленькая королева» отошла от пирса и вместе с отливом двинулась к горловине залива Ферт-оф-Форт. Он увидел королевский флот, над которым возвышались мачты «Великого Михаила», – предмет гордости и любви короля Якова. Ночь была спокойной и ясной, и по мере того как судно удалялось от берега и приближалось к выходу из Ферт-оф-Форты, на небе все ярче проступали звезды.

Патрик вспомнил, как в последний раз отплывал в Сан-Лоренцо. Его дочери Жанет было тогда не больше десяти лет, а Адаму шесть. Граф Гленкирк был окружен почетом как первый официальный посол, назначенный королем Яковом в Сан-Лоренцо. Он не хотел быть послом, не хотел покидать Гленкирк, но долг звал его на Средиземноморское побережье, к тому же король заверил, что он проведет вдали от родины два-три года, не больше. Когда же Патрик снова вернулся в Шотландию, дочь была утрачена для него навсегда. Они с сыном и Мэри Маккей, бабушкой Жанет по материнской линии, вернулись к себе в горную глушь. Мэри скончалась через несколько лет в той самой хижине, где когда-то увидела свет его дочь. Жан. Жанет Мэри Лесли. Что с нею стало? Жива ли она?

И вот теперь Патрик снова покинул родину и взял себе в спутницы женщину моложе своей дочери. Каждый раз при мысли об этом он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Такого счастья ему не доводилось испытывать никогда прежде. Патрик мысленно поблагодарил судьбу за то, что ему была дарована встреча с Розамундой. Ее безоглядная любовь казалась удивительной и невероятной. Предстоявшее им вдвоем путешествие вряд ли можно было назвать романтическим. Тесная каюта на грузовом корабле должна была стать их прибежищем на пути во Францию, а потом им и вовсе придется скакать верхом не одну сотню миль. Наверное, он был не в себе, когда предложил Розамунде поехать вместе. Он был не в себе уже тогда, когда вообще согласился поехать в Сан-Лоренцо. Король дал ему глупое и безнадежное поручение, но Яков Стюарт считает долгом чести предпринять все возможное для предотвращения войны с Англией.

Погода стояла спокойная и ясная все дни, когда корабль плыл на юг вдоль английского побережья. Ровный и сильный ветер уверенно гнал судно вперед. И наконец, когда однажды утром Энни с Розамундой вышли прогуляться на палубу, к ним подошел капитан Дюмьер и сказал, показывая рукой куда-то вдаль:

– Франция, мадам. Мы пересекли пролив перед самым рассветом. Поскольку погода нам благоприятствует, я доставлю вас в Гавр. Если повезет, мы будем там уже завтра.

– Это очень хорошая новость, капитан! Лорд Лесли уже знает? – спросила Розамунда.

– Да, мадам. Он-то и попросил меня подойти и сказать вам об этом. Он и сейчас не хочет покинуть штурвал. Взгляните! – указал капитан куда-то в сторону.

Розамунда перевела взгляд и увидела, что Патрик правит судном. Она смеясь помахала ему рукой и крикнула:

– Смотрите в оба, милорд, не то, не ровен час, завезете нас обратно в Англию!

На следующее утро «Маленькая королева» вошла в гавань Гавра и пришвартовалась к пирсу. К великому удивлению Розамунды, их лошадей вывели из грузового отсека и отвели на берег.

– Я совсем позабыла о них с той минуты, как мы оставили их в «Русалке»! – воскликнула она.

– Так гораздо удобнее. Мы бы привлекли к себе лишнее внимание, разыскивая в порту лошадей. Чем меньше людей будет иметь с нами дело, тем меньше вспомнит о том, что мы здесь были. Все большие порты, не говоря уже о тавернах и гостиницах, давно стали настоящими рассадниками интриг. Новости об иностранцах здесь самый ходовой товар, за который все стараются получить самую высокую цену, – заметил граф Гленкирк и, обратившись к капитану, поблагодарил его за спокойное плавание.

– Это вы не меня благодарите, а Господа Бога, милорд! – ответил тот. – Вы и сами отлично знаете, что выбрали не лучшее время для морского путешествия из Шотландии на континент. Нам очень и очень повезло. Определенно Господь благоволит вам в ваших делах, – заключил капитан и, пожав графу руку, откланялся.

Розамунда, Энни и Дермид уже сидели верхом, когда Патрик подошел к ним.

– Нам предстоит целый день пути, так что давайте поскорее покинем порт, чтобы не попадаться лишний раз на глаза здешним соглядатаям, – сказал он и легко взлетел в седло своей лошади.

Несколько дней они провели в седле. Граф вел свой маленький отряд через самые глухие провинции и даже там старался избегать оживленных трактов. И Розамунда, и Энни нарядились в мужское платье, и любой встречный принял бы их за молодых джентльменов. Розамунда с тоской вспоминала свои переезды к английскому двору. Теперь они казались ей верхом комфорта по сравнению с этой бесконечной скачкой. В Англии им на пути постоянно попадались то мужские, то женские монастыри, пускавшие на ночлег путешественников. Во Франции же приходилось довольствоваться любым убежищем, которое удавалось найти. Правда, учитывая то, что в их отряде есть две женщины, граф старался выбрать для ночлега зажиточные фермы с добротными амбарами. Обычно хозяин фермы без возражений пускал их туда, получив небольшую плату за свое гостеприимство. И почти всегда жена фермера угощала их свежим хлебом, который они принимали с искренней благодарностью. Провизию путешественники покупали по пути, на небольших сельских рынках в придорожных деревнях.

Погода испортилась. Теперь все время то лил дождь, то мел мокрый снег. Но по мере продвижения группы к юго-востоку становилось заметно теплее. Путники и сами не заметили, как вдруг началась весна и солнце стало пригревать сильнее. Наконец, по прошествии многих дней, граф сообщил:

– Завтра мы пересечем границу Сан-Лоренцо.

– Прежде всего я хочу искупаться в ванне! – с чувством воскликнула Розамунда, в этот момент устраивавшаяся на ночлег на сеновале.

– Обещаю, что мы не нанесем герцогу визит вежливости, пока не помоемся и не переодеемся в приличную одежду, – проговорил граф, нежно обняв Розамунду за плечи.

– Меня представят герцогу Сан-Лоренцо? – удивилась она, а потом встрепенулась и добавила: – А почему бы и нет? Это только укрепит окружающих во мнении, что мы двое влюбленных, сбегавших на край света.

– Милая, ты не только моя возлюбленная, но еще и верный товарищ в пути! – заметил граф. – А герцог вполне современный человек. Я с удовольствием возобновлю наше знакомство, хотя это означает, что мне придется встречаться с его сыном и невесткой.

– Это с тем юношей, за которого должна была выйти твоя дочь? – спросила Розамунда.

– Да, – тихо произнес граф. – Мне всегда казалось подозрительным, что он так скоро женился на принцессе Тулузской. Иногда я вообще сомневаюсь, любил ли он мою Жан...

– Не стоит беречь прошлое, милорд, – ласково проговорила Розамунда. – От того, что ты позволишь горю и отчаянию снова овладеть тобой, ничего не изменится. Ты явился сюда с тайным поручением от самого короля. Так выполни свой долг, и пусть тревоги прошлого останутся не более чем смутным воспоминанием. Ты здесь не для того, чтобы налаживать отношения с Сан-Лоренцо, а скорее для переговоров с Венецией и Священной Римской империей.

– Ты мудро рассуждаешь, женщина, – одобрительно заметил граф. – И где только молодая девушка из Камбрии могла набраться такой мудрости?

– Наверное, от Хью Кэбота, моего второго мужа. Он научил меня ни от кого не зависеть и самой заботиться о Фрайарсгейте. А еще, наверное, мне на пользу пошли годы службы при дворе короля Генриха Седьмого. По большей части я находилась в свите королевы-матери. Она была чрезвычайно мудрой женщиной.

– Ты явно оказалась способной ученицей, Розамунда! – похвалил возлюбленную граф.

– Давай-ка лучше спать, милорд, – предложила Розамунда. – Завтра нам предстоит нелегкий день. Я буду рада снова спать в постели, каждый день принимать ванну и носить красивые платья. Мне уже надоело быть мальчишкой. – Она наклонилась и легонько поцеловала Патрика в губы. – Доброй ночи, мой ненаглядный возлюбленный!

– А я буду рад снова увидеть тебя в постели так, как мне хочется, – прошептал он ей на ушко и нежно прикусил розовую мочку. – Я ужасно соскучился по тебе!

– И я тоже, – прошептала в ответ Розамунда. – Если герцог не пожалеет для нас большой ванны, мы могли бы выкупаться вместе! – многозначительно добавила она.

– Если нам это удастся, ты знаешь, к чему это приведет!

– И я жду этого с нетерпением! – игриво улыбнувшись, ответила Розамунда. – Ну а теперь давай спать, Патрик! Завтра тебе вряд ли удастся выспаться!

Граф рассмеялся, привлек Розамунду к себе и положил руку ей на грудь.

– И тебе тоже, милая! И тебе тоже!

Глава 5

Главный город герцогства Сан-Лоренцо лежал перед ними как на ладони. Путники смотрели на него с высоты, стоя на горной дороге.

– Я никогда не видела, чтобы дома были такие разноцветные! – воскликнула Розамунда. – У нас они из дикого камня или просто выбелены!

– Этот город называется Аркобалено. На итальянском это означает «радуга», – пояснил Патрик. – Поскольку герцогство Сан-Лоренцо расположено между Италией и Францией, люди здесь свободно владеют обоими языками.

– Я немного говорю по-французски, – сообщила Розамунда. – Хотя понимаю гораздо лучше, чем говорю. Пожалуй, для начала это даже лучше. Волей-неволей придется учиться, чтобы изжить свое невежество, – добавила она с улыбкой.

– Вряд ли кто-то упрекнет тебя в невежестве, моя милая! – смеясь, заметил Патрик.

Все четверо двинулись вниз по склону, в Аркобалено. Горы уже покрылись молодой зеленью, разбуженной февральским солнцем. Укрытое в лощине поле зеленело новыми всходами пшеницы. На южных склонах гор раскинулись виноградники. Сам город живописными уступами спускался к берегу лазурного моря. Каждый дом вдоль узких мощеных улочек был выкрашен в свой цвет, и Розамунда поразились: как много, оказывается, оттенков у семи цветов радуги!

– А это что такое? – спросила она у графа, показывая на целый комплекс построек, возвышавшихся над городом.

– Герцогский дворец, – ответил Патрик. – А видишь вон ту виллу из розового мрамора прямо над морем? Это резиденция шотландского посла. Первым делом мы заглянем туда. Скоро все в городе будут знать о моем появлении, потому что здесь шпионов не меньше, чем во всех других городах. Но пока это возможно, я бы хотел сохранять свой визит в тайне. Герцогу Сан-Лоренцо не следует официально вмешиваться в мою миссию ради своей безопасности и безопасности Сан-Лоренцо.

– Посол будет нас ждать? – спросила Розамунда.

– Нет, – усмехнулся граф. – Мы свалимся ему как снег на голову. Но у меня с собой есть письмо от короля, так что можешь не сомневаться в теплом приеме.

Они не спеша миновали герцогский дворец. Возле распахнутых ворот стояли рослые гвардейцы в небесно-синих мундирах с золотым позументом. Розамунда не удержалась и украдкой заглянула в ворота. Каково же было ее удивление, когда она увидела там знакомого джентльмена. Она пристально разглядывала мужчину, только что соскочившего с лошади.

– Скажи, у Англии тоже есть здесь свой посол? – спросила Розамунда у Патрика встревоженным голосом.

– Да, он появился совсем недавно. А в чем дело?

– Пока мы ехали мимо дворца, я заметила джентльмена, которого встречала раньше при английском дворе, – пояснила она.

– Он может узнать тебя, милая? – встревожился в свою очередь граф.

– Не знаю, Патрик. Мы не были представлены друг другу и никогда не разговаривали, но я знаю, кто он такой. Это один из Ховардов. Не очень большая шишка, всего лишь кузен главы рода.

– Но он явно получил это назначение в угоду своей влиятельной родне, – заметил Гленкирк. – Нужно особенно позаботиться о том, чтобы он не совал нос в наши дела. Вряд ли Генрих Тюдор обрадуется, если узнает о наших попытках ослабить союз, создаваемый папой.

Четверка ехала вниз по улице, приближаясь к розовой вилле, служившей резиденцией шотландского посла. Патрик почувствовал, как теплее становится на душе при воспоминании

о том времени, когда он сам был хозяином на этой вилле. Он уже и не думал, что когда-то снова увидит это место – как, впрочем, и самого Сан-Лоренцо. Они едва успели въехать через ворота во двор, как их окружили слуги, а навстречу гостям вышел дворецкий – довольно пожилой мужчина. Узнав Патрика, он радостно воскликнул:

– Милорд Лесли! Добро пожаловать! Добро пожаловать снова в Сан-Лоренцо!

– Пьетро! Как я рад видеть, что ты по-прежнему здесь служишь! – так же радостно отвечал граф Гленкирк, пожимая руку старику. – Твой хозяин на месте? Я привез ему письмо от короля!

– Входите, милорд! Входите! – засуетился Пьетро и поспешил увести гостей с залитого солнцем двора. – Я сейчас же доложу хозяину, что вы здесь! Мы не ждали никого с визитом!

Пьетро проводил гостей в большую гостиную, из которой открывался великолепный вид в сад.

– Соблаговолите подождать здесь, милорд. В графине вино, если пожелаете освежиться, – добавил старик и поспешил к хозяину со всем проворством, на которое был способен в свои годы.

– Он был дворецким в те времена, когда я еще служил королю, – пояснил Патрик.

– Он явно тебя любит, – заметила Розамунда.

– И его дочка тоже, – с интригующей улыбкой добавил граф. – У нее роскошные темные волосы, черные глаза и золотистая кожа.

– Смею предположить, что к данному времени она расплылась и стала солидной матроной. А может, даже и бабушкой, – пропела Розамунда сладеньким голоском.

– Неужели ты ревнуешь, милая? – удивленно спросил Патрик, но при этом чувствовалось, что ему нравится поддразнивать ее таким образом.

– И почему все мужчины такие распутники? – спросила Розамунда, изобразив на лице возмущение.

– Ох! – театрально воскликнул Патрик, хватаясь за грудь. – За те недели, что ты провела в пути, моя милая Розамунда, твои коготки стали острее бритвы! – Он добродушно ухмыльнулся.

– Миледи! Вы только гляньте, что творится у них в саду! На дворе февраль, а там везде цветы! – восторженно воскликнула Энни. – И солнышко так славно пригревает, а ведь зима еще не кончилась!

– Зима почти не заглядывает в Сан-Лоренцо, Энни, – пояснил Патрик. – А если это и случается, то редко и ненадолго.

– Вы хотите сказать, что такая теплынь стоит здесь все время? – спросила Энни, не веря своим ушам. – Милорд! Вы и впрямь привезли нас в райский сад!

– Когда-то я тоже так думал, – ответил Патрик.

В этот момент двери широко распахнулись и в гостиную вошел высокий седеющий джентльмен.

– Милорд граф! – приветствовал он Патрика с низким поклоном.

– Лорд Макдафф! – с почтением отвечал Патрик. – Мы могли бы поговорить наедине? Если вас не затруднит проводить миледи и ее камеристку в более удобную комнату... мы побеседовали бы без помех. Дермид, ступай с Энни и леди Розамундой. – В голосе графа Гленкирка послышались непривычные для Розамунды повелительные нотки.

– Конечно, милорд, – ответил посол. – Пьетро!

– Милорд? – моментально подскочил на зов дворецкий.

– Покажи миледи наши комнаты для гостей да присмотри за тем, чтобы ни она, ни граф ни в чем не нуждались. Идемте со мной, милорд.

Лорд Макдафф и Патрик покинули гостиную.

– Я говорю по-английски, но совсем немного, миледи, – обратился Пьетро к Розамунде, почтительно поклонившись.

– А я немного говорю по-французски, – проговорила Розамунда с милой улыбкой.

Дворецкий просиял в ответ.

– Соблаговолите пройти за мной!

Из светлой, полной воздуха гостиной они попали в круглый с мраморным полом и по широкой лестнице поднялись наверх. На третьем этаже дворецкий распахнул перед гостями двустворчатые двери из резного ореха и провел их в роскошно обставленные апартаменты.

– Что прикажете подать, миледи? – спросил он у Розамунды.

– Пьетро, мы провели в дороге очень много дней. И я бы с большим удовольствием приняла ванну, – ответила она.

– Сию минуту, миледи. – Старик торопливо зашаркал к двери.

– И что же вы наденете после того, как скинете с себя эти вонючие лохмотья и сожжете их в печке? – ворчливым тоном поинтересовалась Энни.

– У меня осталась хотя бы одна чистая нижняя сорочка или ночная рубашка? – в свою очередь спросила Розамунда.

– Ну, вряд ли вас правильно поймут, если вы покажетесь на людях в одной нижней сорочке! – все тем же ворчливым тоном заметила Энни.

– Ну что ж, тогда остается одно: сразу после ванны пригласить сюда портниху, – ответила Розамунда. – Граф обещал, что приобретет для меня новый гардероб. И ты тоже получишь новое платье, Энни.

– Я была бы не прочь тоже залезть в ванну да переодеться в чистое, – призналась Энни со вздохом. – От меня так разит конским потом, что вряд ли я когда-нибудь от него отмоюсь!

– Давай обойдем эти апартаменты и посмотрим, что у них тут есть, пока нам готовят ванну, – предложила Розамунда.

Они оглядели гостиную, куда и привел их Пьетро, две смежные большие спальни и две комнатки поменьше, в которых помещались лишь кровать, комод и маленький столик.

– У тебя будет своя комната, – сказала Энни Розамунда, – и у Дермида тоже. Выберите, какая кому больше нравится, и перенесите свои вещи. Дермид, я не спрашивала тебя раньше, но ты уже служил у графа, когда он был в Сан-Лоренцо прошлый раз?

– Нет, с ним был мой дядя, – отвечал Дермид. – Я только на свет появился, когда милорд вернулся домой. Дядя выбрал меня в слуги милорду, когда его вызвал к себе король. У него же нет своих сыновей, только дочери. Дядя сказал, что уже слишком стар для путешествий, да и хозяин наш тоже. Но коли король приказал, он, как верный человек, подчиняется и без слуги ему никак не обойтись. Дядя все равно готовил меня на свое место. То-то он удивится, когда узнает, куда меня занесло!

– Если у тебя будет случай ему рассказать, – задумчиво произнесла Розамунда.

– Это верно, миледи, – согласился Дермид. – Кто знает, что с нами будет?

– Ох, миледи, гляньте! – Энни распахнула застекленные двери в гостиную. Через них можно было попасть на балкон, который тянулся вдоль всего здания. Под балконом крутой обрыв спускался прямо в море. – Красота-то какая! – восхищенно воскликнула служанка.

– Да, верно, – согласилась Розамунда. – Я и не думала, что на свете могут быть места такие же красивые, как окрестности нашего Фрайарстейта.

– За столько недель вы первый раз заговорили о доме, – заметила Энни. – Я уж думала, не забыли ли вы его совсем?

– Нет. Фрайарстейт – моя первая любовь, Энни, и я никогда не перестану его любить. Рано или поздно мы непременно вернемся домой, но это так поразительно. Я никогда не думала, что мне доведется увидеть такое место, как Сан-Лоренцо, или хотя бы обойтись зимой

без обмороженных пальцев. Когда-то меня совсем не тянуло за пределы Фрайарсгейта, и однажды я снова почувствую эту тягу к родине. Но не сейчас. Не сегодня.

Дверь в гостиную открылась, и вошла вереница слуг под командованием Пьетро. Он махнул рукой Дермиду:

– А ну-ка, приятель, помоги мне!

Старик вошел в спальню, нажал на скрытый в ореховой панели на стене рычаг, и панель отодвинулась. За нею оказалась большая ванна. Пьетро с Дермидом вытащили ее на середину спальни.

– Где прикажете ее поставить, миледи? – спросил дворецкий.

Розамунда в нерешительности огляделась и, заметив дверь, ведущую на террасу, сказала:

– Вынесите ее туда, Пьетро!

Дворецкий широко улыбнулся:

– У мадам романтический характер!

– По-моему, для нее там самое место, – слегка смутившись, проговорила Розамунда.

Как только ванна была установлена, лакеи стали наполнять ее водой, поднимаясь по приставной лесенке с ведрами наверх. Ванна была сделана из дубовых досок, стянутых обручами из полированной меди. Наполнили ее водой довольно быстро.

– Мне понадобятся услуги портнихи, Пьетро, – сказала Розамунда. – И граф, и я добирались сюда верхом в страшной спешке от самых берегов Франции. У нас нет приличного платья, чтобы явиться ко двору герцога. Его следует сшить как можно быстрее.

– Я пошлю за портнихой сию же минуту, мадам, – ответил Пьетро и низко поклонился. – Моя дочь по праву считается самой искусной портнихой в Аркобалено.

– Уж не та ли это женщина, что когда-то была любовницей графа? – подозрительно прищурившись, спросила Розамунда.

– Она самая, мадам! – ответил Пьетро и хитро подмигнул. – Вряд ли милорд ее узнает сейчас. Она заметно округлилась за те годы, что была замужем, рожала детей и вела хозяйство, живя в сытости и достатке.

Пьетро почтительно поклонился и направился к двери.

– Пусть приходит сегодня после полудня! – произнесла Розамунда ему вдогонку.

– После сестры, конечно, мадам. И она прихватит с собой образцы тканей, – ответил дворецкий и вышел.

– Мейбл ни за что не понравилась бы такая неприличная откровенность, миледи! Лупите меня хоть целый день, но это истинная правда! – не удержалась от замечаний Энни.

– Энни, я здесь не на королевском приеме, и мне известно, что у лорда Лесли прежде была любовница в Сан-Лоренцо. Я предпочту обойтись без ненужных сюрпризов, – смеясь, ответила Розамунда, а затем, посерьезнев, добавила: – А теперь хватит болтать, лучше помоги мне поскорее раздеться и залезть в эту чудесную ванну!

– Вы появитесь нагишом на террасе, миледи? – ужаснулась Энни.

– Под нами только море. Кто меня увидит? – беспечно произнесла Розамунда и стала снимать с себя башмаки и чулки. – Фу, какая вонь! – воскликнула она. – Избавься от этого всего, Энни. Это уже не отстираешь!

Энни кивнула и стала помогать хозяйке раздеваться.

– Я придержала одну чистую нижнюю сорочку про запас, миледи, – сообщила она. – Можете надеть ее, когда вымоетесь. Дермид, ступай и принеси наши сумки, – велела она лакею графа.

Дермид по-свойски подмигнул девушке и вышел.

– Бесстыжий шотландский дьявол, – буркнула себе под нос Энни.

– Он к тебе равнодушен, – заметила Розамунда.

– Ну да, и я к нему равнодушна, да только что с того проку? – недовольно спросила Энни.

– Почему ты так говоришь? – удивилась Розамунда.

– Да потому, что вы никогда не оставите свой Фрайарсгейт, а я никогда не оставлю вас! – заявила Энни.

– Ну что ты, Энни, если ты полюбишь его, а он тебя, никто не помешает вам пожениться и ехать туда, где вам больше нравится. Я не хочу, чтобы ты из-за меня отказалась от собственного счастья, – отвечала Розамунда.

– Ну, коли у нас пока до любви дело не дошло, так нечего и голову ломать прежде времени, верно, миледи? – заключила Энни.

– Рано или поздно это непременно случится, и тогда я бы советовала тебе прислушаться к своему сердцу, Энни. Я поступила именно так, и думаю, что если этот соус подошел для одной гусыни, то он подойдет и для другой, – шутя заметила Розамунда.

– Ох, миледи, вечно вы шутите! – хихикнула Энни, затем сняла с кровати покрывало и укутала им госпожу. – Не дело вам ходить в чем мать родила, миледи, – ворчливо проговорила она.

Придерживая на себе покрывало, Розамунда вышла на террасу.

– Все равно мне придется его снять, – сказала она и, вскарабкавшись по лесенке, скинула с себя плотную ткань, а затем погрузилась в теплую воду. – Ах! – вырвался у нее из груди восхищенный вздох. – Это чудесно!

Распустив волосы, Розамунда стала намыливать их ароматным мылом.

Энни тоже влезла по лестнице с ведром и стала промывать ей волосы, зачерпывая воду прямо из ванны. Энни делала это с таким усердием, что под конец Розамунда приказала ей остановиться.

– Поддай мне полотенце, чтобы завернуть в него волосы, пока я буду мыться сама, – сказала она. Энни принесла полотенце, и Розамунда ловко соорудила из него подобие тюрбана. Закончив мыться, Розамунда вылезла из ванны и, обращаясь к Энни произнесла: – Теперь давай ты, девочка! Вряд ли у тебя появится другая возможность.

Энни, тут же забыв о том, что ванна стоит на открытой террасе, скинула с себя грязную одежду и опустилась во все еще теплую воду. Розамунда села на мраморную скамью тут же, на террасе, завернувшись в большое банное полотенце, и не спеша стала расчесывать волосы. Щетка для волос с рукояткой из розового дерева была единственным предметом роскоши, привезенным ею из Шотландии. Жаркое солнце и теплый воздух моментально высушили густые тяжелые волосы. Когда Энни вымылась, Розамунда подала ей полотенце.

– Ах, миледи, спасибо, – поблагодарила камеристка и довольно улыбнулась. – После долгого пути ванна – самое милое дело!

– Но теперь, Энни, у нас другая проблема. В чем мы будем ходить? – рассмеялась Розамунда.

– Я и себе припасла нижнюю сорочку, миледи, но больше у меня ничего нет! Только и надежды на то, что этот Пьетро раздобудет для меня какую-никакую юбку да кофту. Вот Дермид вернется, я и отправлю его, чтобы спросил. – Энни закуталась в полотенце и села рядом с хозяйкой на теплую скамью.

– Высуши волосы, – посоветовала Розамунда, протягивая ей свою щетку.

– Ох, да разве можно мне пользоваться вашей щеткой! – возразила Энни.

– Иначе твои волосы высохнут и превратятся в колтун, Энни, – заметила Розамунда.

– А пальцы на что? – не сдавалась Энни. – Как я, по-вашему, до сих пор обходилась?

Пока Энни сушила волосы, Дермид успел принести со двора седельные сумки. Увидев женщин, завернутых лишь в банные полотенца, он покраснел от смущения.

– Я принес ваши сумки, миледи, – пробормотал юноша, старательно отводя глаза от Розамунды. – Пойду погляжу, не осталось ли чего во дворе! – Он бросил сумку на кровать и опрометью выскочил из комнаты.

Энни не удержалась от смеха:

– И куда только подевалась его храбрость?

– Ступай и надень свою сорочку, – приказала Розамунда. – Я тоже надена что есть, а потом прилягу вздремнуть. Да и тебе советую сделать то же самое, милая. Пока не явится портниха, нам все равно нечего делать.

Едва опустившись на кровать, Розамунда почувствовала себя настолько усталой, что не смогла даже надеть нижнюю сорочку.

– Я обязательно должна поспать, хотя бы немного, – проговорила она тихо и закрыла глаза.

– А я все-таки пошлю Дермида за этим Пьетро. Не могу же я разгуливать в одном исподнем! – сказала Энни и, надев сорочку, отправилась на поиски слуги.

Патрик пришел в отведенные им комнаты и застал Розамунду спящей. Вольно раскинувшаяся во сне, завернутая лишь в банное полотенце, она показалась ему невероятно соблазнительной. Но тут он заметил ванну, оставленную на террасе. Скинув с себя дорожное платье, он залез в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.